

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУНИНА»

ФИЛОЛОГОС

Выпуск 21 (2)

Елец – 2014

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.)

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

Редакционная коллегия

Б. П. Иванюк, д-р филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук (Гродно, Беларусь), **С. Георгиева**, д-р филологии (Пловдив, Болгария), **А. Гейзер**, д-р философии (Берлин, Германия), **Г. Ф. Ковалев**, д-р филол. наук (Воронеж, Россия), **А. А. Кораблев**, д-р филол. наук (Донецк, Украина), **И. М. Курносова**, д-р филол. наук (Елец, Россия) – отв. секретарь, **М. Ю. Михеев**, д-р филол. наук (Москва, Россия), **Р. Мних**, д-р гуманитарных наук (Седльце, Польша), **А. Н. Паикуров**, д-р филол. наук (Казань, Россия), **Е. М. Тюленева**, д-р филол. наук (Иваново, Россия), **И. С. Урюпин**, д-р филол. наук (Елец, Россия), **Р. И. Хашимов**, д-р филол. наук (Елец, Россия).

ФИЛОLOGOS. – Выпуск 21 (2). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 103 с.

21-й выпуск научного журнала "ФИЛОLOGOS" представлен статьями по различным филологическим проблемам художественного, публицистического, диалектного и документного дискурса.

Адресуется профессиональной аудитории.

The 21th edition of the scientific journal «ФИЛОLOGOS» presented papers on the various philological problems of the artistic, journalistic, dialectal and document discourse.

Addressed to the professional audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2014
© Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Статьи / Papers

<i>Архангельская Ю.В.</i> Живое слово Л.Н.Толстого: языковые инновации писателя.....	5
<i>Arkhangelskaya Yu.V.</i> The living word of L.N.Tolstoy: writer's language innovations.....	5
<i>Бахметьева И.А.</i> Италия, итальянцы и попутчики в путевых очерках Ч. Диккенса и Р. Гиссинга.....	12
<i>Bakhtemyeva I.A.</i> Italy, the Italians and fellow travellers in Ch. Dickens' and R. Gissing's road sketches.....	12
<i>Борисова Н.В.</i> Лев Толстой в дневниковом дискурсе Михаила Пришвина.....	18
<i>Borisova N.V.</i> Lev Tolstoy in the diary discourse of Mikhail Prishvin.....	18
<i>Воложанина Ю.В.</i> Осуществление графически-пунктуационной стратегии в тексте английской эпиграммы.....	22
<i>Volozhanina Yu.V.</i> The execution of graphic and punctuation strategy in the text of English epigrams.....	22
<i>Воронова Л.Я., Паикуров А.Н.</i> Изучение истории региональных литературоведческих школ: современное состояние и перспективы.....	27
<i>Voronova L.Ja., Pashkurov A.N.</i> Studying the history of regional literary schools: current status and perspectives.....	27
<i>Высоцкая С.С.</i> Аtempоральная жанровая доминанта как конструктивный фактор поэтики постромана.....	33
<i>Visockaya S.S.</i> Atemporal genre leitmotiv as a constructive factor of a postnovel poetics.....	33
<i>Гриченко Л.В.</i> Проблема статуса и дифференциальных признаков пословицы....	39
<i>Grichenko L.V.</i> The problem of proverb identification and its differential characteristics.....	39
<i>Дубровина С.Ю.</i> Идеографическая стенограмма христианской лексики в русских диалектах: способы подачи материала.....	44
<i>Dubrovina S.Yu.</i> Ideographical shorthand of Church lexis in the Russian dialects: data presentation methods.....	44

<i>Киреева Е.З.</i> Экспликация коллективной языковой личности посредством репортативных значений косвенной эвиденциальности (на материале документов законодательного подстиля).....	51
<i>Kireeva E.Z.</i> Explication of corporate linguistic personality by means of reportative meanings of indirect evidentiality (illustrated by texts of region laws).....	51
<i>Колупанова Т.Ю.</i> Концепт «Россия» в культурно-языковом сознании русского народа.....	57
<i>Kolupanova T.Yu.</i> The concept «Russia» in culture and language consciousness of the Russian people.....	57
<i>Курносова И.М.</i> Сводный авторский словарь региональной лексики: проблемы формирования словника.....	62
<i>Kurnosova I.M.</i> Summary author's dictionary of the regional vocabulary: problems of the vocabulary organization.....	62
<i>Подоксенов А.М.</i> Творческий диалог М. Пришвина и В. Розанова: к вопросу о методологии исследования.....	69
<i>Podoksenov A.M.</i> Creative dialogue of M. Prishvin and V. Rozanov: on the question of methods of the research.....	69
<i>Полякова Т.А.</i> «Былина о Микуле Буяновиче» Г.Д. Гребенщикова: поэтика мифа.....	74
<i>Polyakova T.A.</i> «Bylina about Mikula Buyanovich» by G.D. Grebenshchikov: poetics of the myth.....	74
<i>Пузыренко М.В.</i> Сложноподчиненные предложения с соотносительным словом «такой» в языке современной прозы.....	82
<i>Ruzirenko M.V.</i> Complex sentences with the correlative word «such» in modern prose language.....	82
<i>Федорова Т.В.</i> Средства выражения семантики вежливости в ситуации утешения.....	88
<i>Fedorova T.V.</i> Means of expression of semantics of politeness in the situation of consolation.....	88
<i>Фигуровская Г.Д.</i> Конкретизирующие конструкции в русском языке: проблемы их описания, функции в речи (часть первая).....	94
<i>Figurovskaya G.D.</i> Specifying constructions in the Russian language: the problems of their description, functions in speech (part one).....	94
Сведения об авторах	100
Для авторов	101

СТАТЬИ / PAPERS

Ю.В. Архангельская
Yu. V. Arkhangelskaya

**ЖИВОЕ СЛОВО Л. Н. ТОЛСТОГО:
 ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ ПИСАТЕЛЯ**

**THE LIVING WORD OF L.N. TOLSTOY:
 WRITER'S LANGUAGE INNOVATIONS**

Статья посвящена анализу языковых инноваций Л.Н. Толстого, которые в отечественной лингвистике принято обозначать термином «крылатые единицы». Одна часть подобных новообразований вошла в узус из произведений Л.Н. Толстого, другая – была инициирована личностью писателя и его деятельностью. В работе исследуются семантика толстовских крылатых единиц (слов, словосочетаний, выражений), особенности их лексикографической и фразеографической разработки. Анализу подвергаются как единицы, вошедшие в русский язык достаточно давно (некоторые – при жизни писателя), так и инновации последних лет.

Ключевые слова: языковые инновации, речевые инновации, авторские новообразования, крылатые единицы, крылатые слова, крылатые выражения.

The article is dedicated to the analysis of language innovations of L.N. Tolstoy, which in native linguistics are usually marked with a term «winged words». One part of the similar new formations entered the usage from the works of L.N. Tolstoy, other part was initiated by the personality of the writer and his activities. This work explores the semantics of Tolstoy's winged words (words, phrases, sayings), features of their lexicographic and phraseological development. Both the units which became part of the language long ago (some of them in the lifetime of the writer), and the innovations of the recent years are under analysis.

Key words: language innovations, speech innovations, author new formations, wing units, wing words, wing phrases.

Мы знаем Л.Н. Толстого как писателя с мировым именем, философа, педагога. Но мало кто знает, что этот человек является новатором и в области русского языка. Благодаря ему русский язык обогатился несколькими десятками слов, словосочетаний и выражений.

Цель данной статьи – проанализировать языковые инновации Толстого. К языковым инновациям писателя мы будем относить (весьма условно) в том числе и те единицы,

появление которых не было инициировано лично им, но было непосредственно связано с его именем, учением или текстами его произведений.

Под инновациями в лингвистике обычно подразумевают новообразования, имеющие конкретного автора. Очевидно, что индивидуально-авторские инновации могут быть двух видов: речевые (характеризующиеся одноразовостью употребления, жесткой привязкой к породившему их контексту) и языковые (массово воспроизводимые, ставшие достоянием узуса). Языковые инновации обладают разной степенью распространения: одни известны большинству носителей языка, другие – только хорошо образованным или даже эрудированным людям. А некоторые активно употребляются не только в русском языке, но и в родственных славянских языках, например в украинском [5].

Одно из названий таких новообразований – *крылатые единицы*: первый раз каждую из них употребляет какое-то конкретное лицо (например, писатель, политический деятель, актер), а потом эта единица, как на крыльях (отсюда – название), распространяется, и ее начинает использовать и узнавать все большее количество людей. В зависимости от компонентного состава крылатые единицы в русистике принято разделять на *крылатые слова* и *крылатые выражения* [13, 19]. Основное отличие крылатых единиц от «безымянных» новообразований – их связь с источником.

Толстовские крылатые единицы находят отражение в различных словарях и справочниках, однако, на наш взгляд, возможности их идеографического описания до конца не исчерпаны. Авторы наиболее авторитетных изданий Н. С. и М. Г. Ашукины [1] и вслед за ними С.Г. Шулежкова [13, 92] отмечают соответственно 17 и 16 крылатых единиц, авторство которых принадлежит Л. Толстому: *Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить; власть тьмы; Все смешалось в доме Облонских; Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему; дубина народной войны; живой труп; изюминка; Каратаев; каратаевщина; Не могу молчать; Николай Палкин; образуется; Он пугает, а мне не страшно; От ней все качества; Писали, не гуляли; плоды просвещения; Туда умного не надо, вы пошлите-ка Реада, а я посмотрю.*

Однако, по нашим данным, слов, словосочетаний и выражений, появление которых в русском языке было инициировано Толстым (как писателем или как личностью), гораздо больше. Некоторые из них фиксируются в словарях последних лет. К уже названным следует добавить языковые единицы: *война и мир* [5, ч. 1, 99]; *детство, отрочество, юность* [5, ч. 2, 20]; *Кто хлебал в моей чашке?* [5, ч. 2, 176]; *непротивление злу насилием* [3, 402]; *непротивление; непротивленец; непротивленка; непротивленство; непротивленчество; непротивленческий; толстовство; толстовец; толстовка; толстовский; толстовщина* [11; 10]; *Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert, die dritte Kolonne...* (нем. – первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна...) [2, т. 1, 372]; *Царство Божие внутри нас; Единое на потребу; Наташа Ростова* [9]; *первый бал Наташи Ростовой.*

Таким образом, на наш взгляд, следует исходить из того, что количество толстовских инноваций равно в настоящее время 37 (из них 22 крылатых выражения, 15 крылатых слов), хотя понятно, что и эта цифра имеет относительный характер. Фразеологическая система, как и любая языковая система, постоянно развивается. Рискнем предположить, что крылатые выражения *война и мир; детство, отрочество, юность; Кто хлебал в моей чашке?* не случайно не были зафиксированы, например, в книге «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных: вероятно, в 50–60-е гг., когда вышли три первых прижизненных издания этой книги, данные единицы еще нельзя было признать крылатыми. За прошедшие 40 лет в русском языке в целом и во фразеологической системе в частности произошли большие изменения, чему свидетельство – фиксирование указанных оборотов Л.П. Дядечко в материалах для словаря «Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крылатые слова» [5]. Причем автор подтверждает свои данные, приводя примеры использования этих единиц с присущим им фразеологическим значением в современных русских и украинских контекстах.

Проанализируем некоторые толстовские новообразования. Среди них, как уже было отмечено, есть немало крылатых слов.

1. Одно из слов, которое появилось в русском языке благодаря Толстому, – это слово *изюминка*. Вернее, даже не слово, а новое значение этого известного всем носителям русского языка слова. *Изюминка* в прямом, буквальном значении – это «ягода изюма». *Изюминка* в переносном значении – «нечто придающее особый вкус, привлекательность чему-либо (рассказу, человеку, событию)». Например, можно сказать: «*В этом самая изюминка всей истории*»; или «*Этот человек с изюминкой / без изюминки*» [10]. Есть русская поговорка «Не дорог квас, дорога изюминка в квасу». Впервые слово «изюминка» в этом переносном значении употребляет герой драмы Толстого «Живой труп» Федор Протасов. Рассказывая о своей неудавшейся семейной жизни, он говорит: «*Моя жена – идеальная женщина была... Но что тебе сказать? Не было изюминки, – знаешь в квасе изюминка? – не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забыться. А без игры не забудешься...*» [1, 148]. Со времени выхода в свет драмы Толстого «Живой труп» *изюминкой* часто называют какую-нибудь особенность человека, его характерную черту. Таким образом, у известного слова развилось новое значение.

2. В современном русском языке есть глагол *образуется*. Это слово разговорного стиля, и означает оно «наладится», «устроится», «будет хорошо». Используется обычно в безличной конструкции (в форме 3 л. ед. ч.) или в двусоставных предложениях при подлежащем, выраженном местоимением «всё»: «*Образуется*»; «*Всё образуется*». А распространение это слово получило после выхода в свет романа Толстого «Анна Каренина». Все мы помним знаменитое начало романа: брат главной героини Анны, которого зовут Стива (Степан Аркадьевич) Облонский, изменил своей жене с гувернанткой, и этот факт стал известен. Разразившийся в семье скандал расстраивает легкомысленного Стиву, а его слуга-камердинер Матвей пытается его утешить, поддержать и говорит: «*Ничего, сударь, образуется*». С тех пор слово *образуется* стало использоваться в художественных произведениях, фиксироваться в словарях [10], хотя, возможно, Толстой его не выдумал, а просто услышал в народной (может быть, даже в диалектной) речи, однако именно благодаря Толстому этот глагол стал общеупотребительным.

3. Толковые словари русского языка (Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова 1928–1940; Словарь современного русского литературного языка 1950–1965) фиксируют еще несколько слов, происхождение которых связано с Толстым. Это слово *непротивление* («религиозно-философское учение о преодолении зла посредством пассивного, покорного притяжения его (сформулировано Л.Н. Толстым)'), а также связанные с ним отношениями словообразовательной производности слова *непротивленец* («последователь учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием») и женское к нему – *непротивленка*; *непротивленство* и *непротивленчество* с фиксируемыми в толковых словарях одинаковыми дефинициями («идеология приверженцев теории непротивления злу насилием») и прилагательное *непротивленческий* («относящийся к непротивленчеству»). Как видим, все шесть слов этимологически восходят к толстовскому крылатому выражению *непротивление злу насилием*, которое, в свою очередь, образовалось из выражения *не противься злу насилием*, встречающегося в Евангелии и имеющего значение «откажись от насильственного подавления зла, стремись к преодолению его покорностью, смирением» [11; 10]. По свидетельству А.Г. Лыкова, само отглагольное существительное *непротивление* принадлежит Толстому [8, 96–98]. Выражение *непротивление злу насилием* отражает учение Толстого, и именно благодаря этому оно приобрело воспроизводимость и стало крылатым. Это и некоторые другие крылатые выражения приобрели устойчивость уже при жизни Толстого, о чем свидетельствует, в частности, факт их употребления самим писателем именно как фразеологических, причем преимущественно в письмах: «Я думаю, что человека, который, прочтя хотя только нагорную проповедь, не говорю все Евангелия, не пришел к убеждению, что *непротивление злу насилием* составляет основное условие христианского непонимания, такого человека не убедят никакие доводы» (из письма

Толстого С. Лескову) [12, т. 67, 238]. Именно обширная и содержательная переписка (а толстовская корреспонденция в подавляющем большинстве случаев касалась социальных вопросов, философии, религии, художественного творчества) способствовала переходу подобных выражений в разряд крылатых.

4. Появление в русском языке еще нескольких слов также связано с философским учением Толстого, вернее, с движением его последователей в конце XIX – начале XX вв. Это слово *толстовство* ('религиозно-этическое учение Толстого, основывающееся на христианских идеях непротivления злу насилieм, на отрицательном отношении к цивилизации и на идеализации крестьянского быта и резко критикующее современный ему общественный строй') и его производные: *толстовец*, *толстовка*, *толстовский*, *толстовщина*. *Толстовец* (м. р.) и *толстовка* (ж. р.) – последователи религиозно-этического учения Толстого. *Толстовкой* в России называли также особый вид мужской длинной просторной блузы со множеством сборок, иногда на кокетке, надевавшейся навыпуск, под пояс и сшитой обычно из гладкоокрашенной ткани. Такую блузу носил Лев Толстой (подобная одежда известна в мире как англ. *Tolstoy blouse*, *Tolstoy shirt* или фр. *blouse à la Tolstoï*). Она получила большое распространение среди поклонников и последователей писателя – *толстовцев*. Сегодня *толстовкой* называют один из самых распространенных в России видов утепляющей одежды. Покрой и применение толстовок, правда, претерпели значительные изменения: современная толстовка – это блуза из плотного трикотажа (обычно с длинным рукавом), надеваемая поверх нательного белья, которая может быть как мужской, так и женской. Прилагательное *толстовский* в современном русском языке используется в двух значениях: 1. Относящийся к Л. Толстому, свойственный Л. Толстому (толстовский стиль). 2. Относящийся к толстовству, толстовцам; свойственный толстовцам (толстовские колонии) [11; 10].

Крылатые единицы, обладающие раздельнооформленностью, то есть состоящие «из двух или более компонентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка» [13, 28], в русистике принято назвать крылатыми выражениями.

1. Одна из таких раздельнооформленных толстовских крылатых единиц появилась в русском языке совсем недавно. По крайней мере, ее не фиксирует большинство специализированных словарей крылатых слов и выражений. Это имя и фамилия героини романа Толстого «Война и мир» – *Наташи Ростовой*. В современном лингвострановедческом словаре читаем: «*Наташей Ростовой* и сегодня могут назвать молодую, восторженную и обаятельную девушку» [9]. А в «Большом словаре русских поговорок» у крылатой единицы *Наташа Ростова* зафиксировано три значения: 1. *Жаргонное молодежное. Шутливое*. Робкая, застенчивая девушка. 2. *Жаргонное молодежное*. Девушка легкого поведения. 3. *Жаргонное школьное. Шутливое*. Молодая учительница русского языка [4].

2. Интересно, что с каждым годом становится все больше крылатых выражений, автором которых является Толстой. Это говорит о том, что его произведения в России остаются очень популярными и актуальными. За последние двадцать лет в русском языке появилось не менее девяти новых крылатых выражений Толстого. Например, название романа «*Война и мир*» теперь употребляется для характеристики чередования столкновений, ссор, с одной стороны, и перемирия, спокойствия – с другой [6].

3. А выражение «*Первый бал Наташи Ростовой*» в русском языке приобрело символическое значение. Нужно сказать, что фрагмент из романа Толстого «Война и мир», описывающий первый бал Наташи Ростовой, является одним из самых известных эпизодов русской классической литературы. Не случайно именно эпизод первого бала Наташи Ростовой был выбран для иллюстрации «золотого века» русской культуры в театрализованном представлении России на церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи в феврале 2014 года.

В художественном мире Толстого этот эпизод является также весьма значимым. Л.В. Карасев называет такие эпизоды «эмблемами», то есть такими местами, «которые стали своего рода визитными карточками текста и получили право представлять или даже замещать его как целое» [7, 23]. Такими «эмблематическими картинками», способными говорить сами за себя, в которых, по мнению Л.В. Карасева, скрыт «исходный смысл повествования», в романе «Война и мир» являются, например, эпизоды «Высокое небо», «Старый дуб», «Бал Наташи Ростовой» и некоторые др. [7, 163–205].

По нашему мнению, в русской и, шире, европейской культуре *бал* символизирует некую границу, предел, раздел между «тем» и «этим», между «до» и «после», между «старым» и «новым», между «прошлым» и «будущим». Принять участие в бале (особенно впервые) – значит стать «избранным», «приобщиться», «познать или проявить свою сущность». Причем эта сущность может быть как положительной, так и отрицательной (Ср.: бал Золушки и бал Сатаны). Первый бал Наташи Ростовой – это, несомненно, инициация, это ожидание чуда: чуда признания, чуда взросления, чуда любви (первой любви): «Она [Наташа] стояла, опутив свои тоненькие руки, и с мерно поднимающейся, чуть определенной грудью, сдерживая дыхание, блестящими испуганными глазами глядела перед собой, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе» («Война и мир» т. 2, часть 3, гл. 16). Для сравнения: бал в романе Толстого «Анна Каренина» тоже имеет ключевое значение, это тоже приобщение к чуду любви (со встречи на балу начинают разгораться чувства Анны и Вронского), но это уже другая любовь: любовь-соблазн, любовь-измена. Вот как описана в романе Анна на этом балу: «Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении – но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести» («Анна Каренина» гл. XXIII). О том, что в художественном мире Толстого бал занимает особенное место, свидетельствует и тот факт, что в последний период творчества им был написан рассказ «После бала», где бал, наряду с теми же смыслами, которые были в изображении балов в «Войне и мире» и «Анне Карениной», приобретает еще один смысл – это еще и бал-лицемерие, бал-маскарад (хотя он и не был в рассказе костюмированным), а то, что случилось после бала и свидетелем чего стал главный герой рассказа, – разоблачение этого лицемерия, прозрение героя.

Выражение *первый бал Наташи Ростовой* имеет в современном русском языке несколько значений. Так называют, например, выпускные праздничные мероприятия, в которых обычно участвуют девушки и юноши, окончившие среднюю школу. Так обозначают и женскую инициацию вообще, выход девушки во взрослую жизнь («в свет»). Так может называться любое торжественное мероприятие, в котором кто-либо участвует впервые: выставка, в том числе участие домашнего животного в выставке, первая самостоятельная поездка на автомобиле и многое, многое другое.

4. Из романа «Анна Каренина» в русскую речь пришло два крылатых выражения. Одно из них особенно популярно. Это выражение «*Все смешалось в доме Облонских*». Употребляется оно как образное определение путаницы, неразберихи. Если ввести это выражение в одну из поисковых систем Интернета, то можно обнаружить самые разнообразные изображения, фотографии, которые названы этим выражением (дом, перевернутый верх дном и стоящий на своей крыше, спящие вперемежку котята и т.п.).

5. Вторая крылатая фраза, которая вошла в русский язык из романа «Анна Каренина», – «*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*». Этот известный афоризм Толстого тоже часто цитируют, когда говорят о проблемах семейной жизни.

Девять крылатых единиц Толстого были впервые употреблены им в функции заглавия: *детство*, *отрочество*, *юность* (об этапах становления личности; объединение названий автобиографических повестей Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»);

война и мир (о чередовании столкновений, ссор и перемирия, спокойствия; от названия романа-эпопеи «Война и мир»); *плоды просвещения* (название пьесы «Плоды просвещения» употребляется в значении ‘плоды невежества’); *живой труп* (до появления драмы «Живой труп» данное выражение имело значение ‘больной, изможденный человек’; после ее появления у выражения развились новые значения: ‘человек опустившийся, нравственно опустошенный’, а также ‘что-либо омертвевшее, изжившее себя’); *власть тьмы* (образное определение невежества, культурной и социальной отсталости; получило крылатость после появления драмы «Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть»; восходит к Евангелию); *Не могу молчать* (о невозможности или недопустимости равнодушного отношения к чему-либо; статья «Не могу молчать» призывала правительство прекратить смертные казни, которым подвергались при министре Столыпине революционеры и участники «аграрных беспорядков»); *Чем люди живы* (употребляется в двух значениях: первое значение ‘о любви к ближнему как основе человеческой жизни’ восходит к содержанию рассказа «Чем люди живы»; второе значение развилось позднее – ‘выражение удивления по поводу духовной бедности или скудного достатка’); *От ней все качества* (в комедии с этим заглавием прохожий говорит о водке: «От ней все качества, все катастрофы от алкогольных напитков»; фраза цитируется иронически, причем говорящий может иметь в виду не только алкоголь, но и другое «зло»); *Николай Палкин* (прозвище Николая I, ставшее популярным после появления рассказа Толстого под таким заглавием).

Остальные крылатые выражения Толстого выполняют характеризующую функцию:

а) характеризуют лицо: *Он пугает, а мне не страшно* (употребляется как ироническая характеристика человека, стремящегося напугать кого-либо; по свидетельству современников, таким образом Толстой выразил свои впечатления от прочтения произведений Л. Андреева, фраза была подхвачена газетчиками и вскоре стала крылатой); *Наташа Ростова*.

б) характеризуют ситуацию: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему; Все смешалось в доме Облонских; первый бал Наташи Ростовской; Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить* и близкое к данному по значению выражение на немецком языке из романа «Война и мир» *Die erste Kolonne marschirt, die zweite Kolonne marschirt, die dritte Kolonne...* (обе единицы цитируются, чтобы подчеркнуть, как все то, что ладно и гладко в теории, на практике не получается, не выходит); *дубина народной войны* (характеризует мощь народного сопротивления вторжению иноземцев); *Писали, не гуляли* (ироническая оценка большого количества написанных книг); *Кто хлебал в моей чашке?* (попытка выяснить, кто прикасался к еде, посуде говорящего; шутливая угроза).

в) характеризуют мировоззрение писателя: *В искусстве все чуть-чуть; непротравление злу насильем; Царство Божие внутри нас; Единое на потребу*.

Предпосылки, условия и причины перехода единиц свободного употребления в разряд крылатых разнообразны. Толстовские выражения становились крылатыми, по нашим наблюдениям, в результате обобщенной семантики, либо присущей самой единице, либо появляющейся как следствие использования в качестве заглавия или в самом начале произведения, а также в роли эпитафии; афористичная форма самого выражения; наличие авторской оценки; формальная невыраженность референции. Экстралингвистическими факторами, способствующими переходу выражений Толстого в разряд крылатых, по нашему мнению, являются следующие: ореол личности самого автора; популярность большинства его произведений, повышенный общественный интерес к которым иногда подогревался цензурным запретом на издание; распространенность философских и религиозных воззрений писателя.

1. Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М., 1987.
2. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода (2-е изд., испр.): в 3 т. СПб., 1994.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
4. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М., 2007.
5. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крылаті слова (материалы для словаря). Ч. 1: А–Г. Ч. 2: Д–Л. Киев., 2001.
6. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. М., 2008.
7. Карасев Л.В. Вещество литературы. М., 2001. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).
8. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
9. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Т.Н. Чернявская, К.С. Милославская, Е.Г. Ростова, О.Е. Фролова, В.И. Борисенко, Ю.А. Вьюнов, В.П. Чуднов. М., 2007.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л., 1950–1965.
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1928–1940.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928–1958.
13. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М., 2002.

И.А. Бахметьева
I.A. Bakhmetyeva

**ИТАЛИЯ, ИТАЛЬЯНЦЫ И ПОПУТЧИКИ
В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ Ч. ДИККЕНСА И
Р. ГИССИНГА**

**ITALY, THE ITALIANS AND FELLOW TRAVELLERS IN
CH. DICKENS' AND R. GISSING'S ROAD SKETCHES**

В статье рассматриваются аспекты путевой прозы английских писателей Ч. Диккенса и Р. Гиссинга – в частности, особенности восприятия указанными авторами Италии, ее жителей, а также случайных или постоянных попутчиков. Очевидно, что для произведений Диккенса характерно «мы-путешествие», неотъемлемой частью которого является активное общение рассказчика не только с домочадцами и друзьями, но и со случайными попутчиками и местными жителями, в то время как герои Гиссинга путешествуют в одиночестве, они малообщительны и избегают компаний.

Ключевые слова: путевой очерк, Италия, путешествие, попутчик, Гиссинг, Диккенс

In the article aspects of Ch. Dickens' and R. Gissing's road sketches are considered. Special attention is paid to the authors' perception of Italy, its inhabitants as well as travel companions. It is evident that "we-travel", which implies the narrator's active communication not only with his family members and friends but also with travel companions and locals, is part of Dickens' works. Gissing's characters, being unsociable, tend to travel alone and avoid companies.

Key words: road sketch, Italy, trip, fellow-traveller, Gissing, Dickens.

Различные аспекты путевой прозы не раз становились объектом изучения отечественных и зарубежных ученых, в частности, эволюция и художественно-публицистические особенности жанра путевого очерка (К.А. Панцеров, В.А. Михайлов, Н.М. Маслова), малая проза Ч. Диккенса (Н.В. Ткачева), жанровый стиль современного путевого очерка (Т.Г. Рощектаева), история языка путевой прозы (М.Г. Шадрин) и ее жанрологическая терминология: путевой очерк, путевые заметки, путевые записки, травелог и пр.

В современных работах уделяется внимание и проблемам туризма и сферы развлечений в Викторианскую эпоху (D. Parker, C. Lindsay, Ch. Sjöholm), и способам передвижения (G. Landow) и восприятию окружающего мира путешественниками (C. Stasio, A. Vescovi, I. Cacioli), и биографическим фактам из путешествий Ч. Диккенса (Дж. Эдмондсон, Е.Ю. Гениева, Р. Аскгоуд и др.) и т.д. Причем, новые исследователи, как и прошлые, не проявляли интерес к случайным или постоянным попутчикам Ч. Диккенса, встречающихся в его путевых очерках (члены семьи, друзья, персональный биограф и друг писателя Дж. Форстер).

Что же касается произведений Р. Гиссинга, то к жанру путевых очерков, на наш взгляд, можно отнести три произведения, написанные им после двух поездок к Средиземному морю и в Италию, – «У Ионического моря» (1901), «Записки Генри Райкрофта» (1903) (которые часто называют малой классикой) и «Городской путешественник» (1898). Среди немногочисленных исследований его биографии и произведений отметим работы М.С. Donnelly, J. Korg, P. Coustillas, G. Tindall, A. Poole, J. Galperin и J. Peck (1978). Некоторые аспекты творчества Гиссинга в контексте английского натурализма затрагиваются в диссертационных исследованиях М.Б. Родионовой и Н.Н. Вихоревой.

Как отмечает Питер Мортон в статье «More about Gissing: A Select Bibliography», Гиссинг не получил должного внимания от современного поколения литературных критиков [27]. Именно Диккенс являлся одним из учителей, к которым Гиссинг испытывал пожизненное восхищение. Диккенсу, «выразителю жизни и чувств народа» [Там же], посвящено исследование Гиссинга «The Immortal Dickens» (1925) и переведенная на русский язык работа «Ч. Диккенс. Критический анализ» (1898).

Образы случайных попутчиков для произведений Диккенса и Гиссинга находят, прежде всего, отражение в путевых очерках и обширной переписке, которую вели оба автора. Пристальное внимание к личностям попутчиков обусловлено не только существующей в указанный период разработанной поэтикой путевых записок, одним из «условий» которых на протяжении многих лет было описание путешествующих. Стук колес английского поезда XIX века, препятствующий вербальному общению пассажиров, вынуждал их к безмолвному наблюдению друг за другом [31, 92]. У Диккенса, в отличие от Гиссинга, эти наблюдения имели юмористический, подчас шаржированный, характер и ориентированы на развлечение читателя.

Не чужд был юмор и Гиссингу. В частности, его «Городского путешественника» часто называют «диккенсовским» произведением, но, как отмечает Ф. Свиннертон, юмор Гиссинга всегда литературный, а эксцентричные персонажи в его произведениях были порождением его собственной творческой фантазии, но не данью диккенсовскому стилю [34, 9].

Герои Диккенса редко путешествуют одни, это всегда «мы-путешествие» с многочисленными членами семьи, друзьями, знакомыми и коллегами (одно из исключений здесь составляет автобиографичный очерк «Полет», 1851). Герои Гиссинга склонны путешествовать соло, также, вероятно, как сам автор, на протяжении всей жизни испытывающий одиночество. Здесь следует отметить, что самих странствующих героев Гиссинга отчасти можно назвать *страдальцами*. Известно, что излюбленной темой английского автора было изображение трудной жизни народа, с одной стороны, и тяжелой доли писателя – с другой. Например, в автобиографическом путевом очерке «Записки Генри Райкрофта» с самого начала отмечается, что путешествующий герой-писатель одинок и беден; его жена умерла, дочь вышла замуж и покинула его. Даже во время путешествия герой заболевает, что длится три недели и сопровождается страданиями, мрачными мыслями и ощущением полного одиночества повествователя. Сам Генри Райкрофт, как выясняется, до пятидесяти лет, несмотря на тяжкий труд писателя, был неизвестен, и его писательская деятельность практически не приносила ему дохода [20, ix].

Уже в начале произведений авторы настраивают читателя на определенный темп путешествия, что диктует и сам *ритм прозы*. Например, у Диккенса в «Картинах Италии» с первых строк очерка автор «погружает читателя во впечатления, которые испытывает любознательный путешественник: быстро сменяющиеся картины городов с подробным описанием памятников архитектуры, детальные зарисовки и названия улиц, бесконечные путешествия в каретах и дилижансах, таверны – все это призвано создать образ постоянного движения и достоверности происходящего» [15, 135]. Таким образом, читатель чувствует динамику путешествия и движется вместе с рассказчиком.

Герои Гиссинга путешествуют «параллельно» временному континууму, уходя из реальности в мир размышлений, часто не связанных с посещаемыми местами, ненадолго возвращаясь с кратким комментарием увиденного наяву, чтобы опять погрузиться в раздумья. Например, пространные размышления Райкрофта о жизни, выраженные в очерке с помощью *длинных* (термин А.В. Кухаренко) предложений, прерываются кратким – «Бриндизи» [20, 162]. Таким образом, ритмо-интонационный сбой, вызванный резким перепадом длин разных предложений, призван вернуть читателя из мира ментальных представлений путешественника в мир реальный [3, 59]. Что касается хронотопа, то в «Записках» он расплывчат, например, лишь изредка автором указывается пункт и час прибытия (конкретика часто имеет место в произведениях подобного жанра).

Как уже указывалось ранее, у Гиссинга местонахождение героя не обязательно провоцирует его рефлексии по поводу данного географического объекта или вызывает определенные ассоциации, связанные с историей или культурой осматриваемых достопримечательностей, что мы видим у Диккенса. Напротив, у Гиссинга реальный пространственный образ служит отправной точкой авторских размышлений, выраженных внутренним монологом на разнообразные темы, чаще всего связанные с бедственным положением определенных слоев населения. Довольно часто внутренний монолог направлен в прошлое, и тем заметнее становится контраст «новые впечатления – старые воспоминания». Как замечает Ф. Свиннертон, Гиссинг может быть охарактеризован как историк-реалист, запечатлевший жизнь низших классов, в частности, нижней прослойки среднего класса [34, 44]. Особое место в произведениях «У Ионического моря» и «Записки Генри Райкрофта» Гиссинг отводит описанию тяжелой доли простых людей; в данном случае это крестьяне с изможденными лицами, больные малярией, влачащие нищенское существование.

Справедливости ради следует отметить, что у Диккенса было больше времени, чтобы познать страну, так как он жил в Италии продолжительное время. Несмотря на слова Г. Честертона о том, что Диккенс «из Англии не уезжал» [11, 147], поскольку ни на одной из страниц нельзя найти свидетельств того, что автор в полной мере представлял незнакомые диковинки юга Европы («Картины эти, конечно, хороши, но не следует судить по ним об Италии...») [11, 147]), Диккенсу удалось создать «бурлящий» поток событий, запечатленный в книге. Повествование Гиссинга содержит обширные ассоциации и медитативные акценты, что обусловлено характером самого автора, склонного к раздумьям. Герои Гиссинга скованны, замкнуты и почти всегда путешествуют в одиночестве; они также не склонны к активным действиям. Как правило, это хорошо образованные, воспитанные, бедные люди, пережившие трагедию личного характера. Если на страницах дневника Райкрофта практически не встречаются описания людей, то в произведении «У Ионического моря» характеристика путешествующих все же дается, но «мимоходом».

На страницах очерка «У Ионического моря», на наш взгляд, вырисовываются два вида путешественников: те, которые вызывают удивление рассказчика, поскольку отличаются от его представлений о людях, точнее, от традиционных английских взглядов на путешествующих, и те, которые привычны для коренного англичанина и импонируют Гиссингу, в частности, «молодой человек, остроумный, с хорошими манерами и мягким характером» [21, 7]. Данное описание относится к итальянцу, вызывающему у автора симпатию и сочувствие, отчасти потому что молодой человек, как и главный герой до отъезда, заболел во время путешествия.

Величайшее удивление у Райкрофта вызывает «нетипичный» англичанин, человек с поведением, не характерным для этой страны, например, «пышущий здоровьем» [21, 7] пассажир поезда, полноватый и мускулистый, с отличным аппетитом. Не без удивления путешествующий англичанин отмечает, что как только пассажир устроился в купе, то начал поедать содержимое корзины и наслаждаться вином. Он так отличался от всех людей, знакомых Райкрофту (а таковых, вероятно, немного, поскольку писатель вел уединенный образ жизни), что тот не мог отвести от объекта наблюдения свой взгляд [21, 7].

Подобно одиноким героям Гиссинга, природа на страницах его путевых очерков тоже живет размеренной, отдельной от человека жизнью. Неудивительно, что автор во многих пассажах для описания природы задействовал одни и те же лексические единицы или синонимичные им. Прежде всего, это прилагательные «тихий», «спокойный», «молчаливый», «умиротворенный», существительные «отдых», «тишина» и т.д.

Иную роль отводит природе Диккенс. Его восприятие окружающего мира при отъезде из часто разочаровывающей и надоедающей ему Англии, как правило, восторженное. Более того, Диккенс не прочь прогуляться по окрестностям иноземных городов или деревушек и погрузиться в их неповторимую атмосферу. Именно поэтому путевые очерки Диккенса отличает внимание к деталям, которые призваны максимально точно передать как настроение автора, так и картину местности: это и пурпурные горы, сливающиеся вдаль с небом, и великолепный вид с высокого холма на Флоренцию, и ее купола, башни и дворцы, сверкающие на солнце, как золото, и старинные виллы и павильоны на лоне природы, и разрушенная часовня, стоящая в прекрасном месте на берегу моря. Венцом авторских размышлений звучит оптимистичный призыв: «Давайте же увезем из Италии, несмотря на всю ее нищету и ее беды, чувство горячей любви к этой стране, восхищение ее природными красотами и творениями рук человеческих, которыми она так богата, – и нежность к ее народу, от природы доброму, терпеливому и благожелательному» [3, 526].

Помимо психологических аспектов знакомства путешественников с Италией и итальянцами, интересен и подход повествующих к восприятию культурных ценностей. Ф. Свиннертон в книге “George Gissing. A Critical Study” констатирует увлеченность Гиссинга классическим периодом римской истории с тех пор, как Гиссинг прочитал книгу Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Возникновению подобного интереса предшествовало прочтение Гиссингом произведений Диккенса. Ф. Свиннертон справедливо отмечает, что именно «классическая Италия» вызвала у Гиссинга неизменный интерес [34, 152], это становится очевидным при внимательном прочтении его очерков, поскольку автор постоянно связывает современные пейзажи с историческим прошлым и размышляет о былом римском господстве в современной ему Италии [34, 152].

Представшая перед глазами Райкрофта Италия ассоциируется у него не только с древностью, но и с болезнью, трудностями путешествия, плохой едой [34, 153] и в определенной степени обманутыми ожиданиями. Он даже не согласен с тем, что Роберт Гискал был путешественником-романтиком, поскольку с Гискалом у Райкрофта не связано никаких «классических» ассоциаций [34, 153].

Диккенс также отдает должное «классической» Италии, восторгаясь одними культурными ландшафтами и критически описывая другие. Отличие состоит в том, что «Картины Италии» «смотрят» в настоящее, Диккенс «регистрирует» происходящие вокруг события, находясь в центре и желая быть частью этих событий, посещая театр кукол, или Marionetti, генуэзские таверны, улицы дворцов – Страда Нуова и Бальби, Карло Феличе, генуэзскую оперу, бесчисленные церкви и монастыри, устремленные в озаренное солнцем небо, просторную piazza, прекрасную береговую дорогу из Генуи в Специю, дикие кактусы и алоэ, сады приветливых деревень вдоль всей дороги, рдеющие в летнее время гроздьями белладонны, а осенью и зимой благоухающие золотыми апельсинами и лимонами, Porta del Popolo. Это и Колизей, лавки, дворцы и частные дома, иногда расширяющиеся и образующие просторные площади; экипажи, и Альбано с ее темной волнистой поверхностью, похожую на воды стоячего озера или на широкую мрачную Лету, опоясывающую стены Рима, Понтипские болота, утомительно пустынные и плоские, поросшие кустарниками и затопленные водой, но с прекрасной дорогой, построенной посреди них и затененной длинными рядами деревьев, сторожки, покинутые лачуги, наглухо заложенные камнями, плоскодонка, которую тянут бечевой [3].

Гиссинг же, фактически находясь в центре событий, несколько отстранен от происходящего и предпочитает углубляться в историю или постоянно сравнивать прошлое

и настоящее. Так, например, посещая Неаполь, рассказчик отмечает, что город стал более спокойным – люди на повозках тихо едут по улицам, а *десять лет назад* шум на улицах был оглушительным [20, 6]. Уличная музыка, по словам Гиссинга, *стала* редкостью. Прошлые воспоминания объясняет и сам автор: у каждого человека есть интеллектуальные устремления, его же – убежать от той жизни, которую он ведет, и погрузиться в мир прошлых воспоминаний. Неудивительно, что особое восхищение у путешественника вызывает то обстоятельство, что итальянцы прилагают усилия для сохранения или восстановления классических названий мест, которые были забыты [21, 43]. Рассказчик подчеркивает, что невнимательного путешественника это может ввести в заблуждение.

Безусловно, странствующий герой замечает живописность посещаемых мест, которыми он наслаждается и восторгается исключительно *в одиночестве*. Когда рассказчик собирался в Козенцу, к нему подошли два «хорошо одетых человека» [20, 16] и с излишней вежливостью начали разговор, который раздражал английского странствования, поскольку незнакомцы предложили ему доехать в одной коляске с ними, таким образом, нарушая уединение героя.

Итак, для комфортного путешествия герою Гиссинга требуется одиночество (условие рефлексии, возвращения в прошлое) и «классическая» история страны, служащая «рычагом» для погружения в воспоминания. Попутчиков следует избегать, но в ситуации, когда встреча с ними неизбежна, некоторых из них можно воспринимать в качестве объектов наблюдения и даже чувствовать к ним благодарность, если они проявляют сочувствие (как, например, доктор) или не стремятся к общению с героем.

Персонажи Диккенса, как и сам писатель, отдавая должное историческим данностям прошлого Италии, стремятся к погружению в современную культуру страны, для чего необходимо общение с итальянцами, которое доставляет путешественнику огромное удовольствие. Во многих случаях вторым «условием» удачной поездки является возможность коммуникации не только с простыми людьми, но и с семьей, коллегами и друзьями – именно с ними можно обсудить увиденное и запечатлеть на страницах очерков.

Как видно, сравнительный анализ творческих манер и художественных подходов двух выдающихся писателей к изображению *путешествия* и человека *путешествующего* дают представление о поэтологических и психолого-социологических аспектах бытования и эволюции путевого очерка – «произведения злободневного, имеющего яркую социальную окраску» [13, 2], а также располагающего творца к философскому осмыслению действительности.

Экстравертная манера Диккенса и интравертная – Гиссинга представляют полярные художественные подходы к созданию сюжетно-композиционной системы путевого очерка, применению психологизма, использованию ассоциативных связей, столь важных в данном жанре.

1. Вихорева Н.Н. *Натуралистический роман: поэтика жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001.*
2. Гениева Е.Ю. *Чарльз Диккенс: Великая тайна. URL: <http://www.libfl.ru> (дата обращения: 27.12.2013).*
3. Диккенс Ч. *Картины Италии. Собр. соч. М., 1958. Т. 9.*
4. Кухаренко В.А. *Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык». 2-е изд., перераб. М., 1988.*
5. Маслова Н.М. *«Путешествие» как жанр публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.*
6. Михайлов В.А. *Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.*
7. Панцеров К.А. *Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.*
8. Родионова М.Б. *Дж. Мур и проблемы английского натурализма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.*

9. Роцектаева Т.Г. *Жанрово-стилистические особенности современного путевого очерка: на материале русской публицистики 90-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007.*
10. Ткачева Н.В. *Малая проза Чарльза Диккенса: проблема чужого слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.*
11. Честертон Г.К. *Чарльз Диккенс. М., 2002.*
12. Шадрин М.Г. *Эволюция языка «путешествий»: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.*
13. Шнилевая Г.А. *Жанровая эволюция циклов Г.И. Успенского («Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Власть земли»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1993.*
14. Ackroyd P. *Dickens. London: Vintage, 1990.*
15. Bakhmetyeva I. *The Kaleidoscope of Dickens' Italian Impressions: the Real and the Virtual Depiction of Man, Nature and Society // Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. Culture, Science, Philosophy, Philology, Art History and Archeology. Titusville, FL, USA: L&L Publishing P. 135–138. Vol. 7.*
16. Caccioli I. *Impressioni Italiane di Charles Dickens/Ricerche per la progettazione del paesaggio. Firenze University Press, Vol. 2. 2007. P. 139–151. Numero 4.*
17. Coustillas P. *Gissing's writings on Dickens. URL: <http://www.lang.nagoya-u.ac.jp/~matsuoka/GG-Coustillas-CD.html> (дата обращения: 08.02.2014).*
18. Donnelly M.C. *George Gissing: Grave Comedian. Cambridge: Harvard University Press, 1954.*
19. Edmondson J. *A "sort of superior vagabond": Travel as a process of detachment in the context of Dickens's visits to France//Proceedings of the Dickens and Tourism Conference. University of Nottingham, 2009. P. 100–121.*
20. Gissing G. *The Private Papers of Henry Rycroft. New York: E.P. Dutton & Co., 1903.*
21. Gissing G. *By the Ionian Sea. New York: Charles Scribner's Sons, 1905.*
22. Gissing G. *The Immortal Dickens. London: Cecil Palmer, 1925.*
23. Halperin J. *John Gissing: a Life in Books. Oxford University Press, USA, 1982.*
24. Korg J. *George Gissing: A Critical Bibliography. Seattle: University of Washington Press, 1963.*
25. Landow G. *Railways as Image and Plot Device in Dombey and Son. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/dickens/dombey/railway2.html> (дата обращения: 10.02.2014).*
26. Lindsay C. *The Tourist as Spectator: Arthur Hugh Clough's Amours de Voyage // Proceedings of the Dickens and Tourism Conference. University of Nottingham, 2009. P. 30–32.*
27. Morton P. *More about Gissing: A Select Bibliography. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/gissing/bibl.html> (дата обращения: 27.12.2013).*
28. Parker D. *Dickens and the history of tourism // Proceedings of the Dickens and Tourism Conference. University of Nottingham, 2009. P. 49–65.*
29. Peck J. *New Grub Street. Some suggestions for an Approach through Form. The Gissing Newsletter, July 1978. P. 1–28. Number 3. Vol. XIV.*
30. Poole A. *Gissing in Context. London: McMillan, 1975.*
31. Seegert A. *A Steam of Consciousness. Technology and Sensation in Dickens' Railway Sketches. Philament Sense and Sensation, 2009. P. 91–111.*
32. Sjöholm C. *Crime Tourism and the Branding of Places: An Expanding Market in Sweden // Proceedings of the Dickens and Tourism Conference. University of Nottingham, 2009. P. 32–49.*
33. Stasio C. *The Traveller as Liar: Dickens and the 'Invisible Towns' in Northern Italy // Dickensian, 2000. P. 5–13. Number 96.1.*
34. Swinnerton F. *George Gissing. A Critical Study. New York: Mitchell Kennerley, 1912.*
35. *The Private Papers of Henry Rycroft. The Cambridge History of English and American Literature in 18 volumes (1907–21). Volume XIII. Part One. URL: <http://www.bartleby.com/223/1419.html> (дата обращения: 27.12.2013).*
36. Tindall G. *The Born Exile. London: Temple Smith, 1974.*
37. Vescovi A. *Themes and Styles in Pictures from Italy. English Travellers & Travelling. Milano: pubblicazioni dell'ISU Università Cattolica, 2002. P. 95–106.*

Н.В. Борисова
N. V. Borisova

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ
МИХАИЛА ПРИШВИНА**

**LEV TOLSTOY IN THE DIARY DISCOURSE
OF MIKHAIL PRISHVIN**

Дневниковые книги Михаила Пришвина – своеобразная летопись трагической эпохи, живое свидетельство исторического времени. Феномен Льва Толстого, в его различных ипостасях, волнует Пришвина в течение всей жизни. Писатель пытается разгадать «тайну Толстого» – гениального художника, публициста, мыслителя, проповедника, соглашаясь и одновременно не соглашаясь с наиболее значимыми константами его мировосприятия. Пришвин не принимает его в качестве моралиста и проповедника, утверждая, что писателю «нельзя отказываться от своей художественной песни»: он должен служить только творческому дару.

Ключевые слова: эпоха, Толстой, литература, философия, мораль, целостность, аксиология.

Diary books of Mikhail Prishvin are a kind of chronicle of the tragic era, a living testimony of historical time. The phenomenon of Lev Tolstoy, in its various guises, cares Prishvin throughout his life. The writer is trying to unravel the «mystery of Tolstoy» as a genius artist, writer, thinker, preacher, and at the same time agreeing and not agreeing with the most important constants of his worldview. Prishvin doesn't accept him as the moralist and the preacher, claiming that the writer «can't refuse the art song»: he must serve only creative gift.

Key words: age, Tolstoy, literature, philosophy, morality, integrity, axiology.

Дневниковые книги М. Пришвина являют собой поразительное свидетельство сложной, полной внутреннего трагизма эпохи. Ежедневные записи писателя (на протяжении всей жизни!) есть по существу особый способ переживания собственной экзистенции, своеобразный опыт философской рефлексии. Перед читателем разворачивается авторская философия повседневного осмысления «мятущегося русского бытия» первой половины XX столетия в лицах, фактах и событиях. Главное место в этой летописи принадлежит русской литературе, национальными писателям, представляющим «лицо народа», принадлежащим к особой породе людей, которые «... не пером пишут, а плугом пахут по бумаге, пробивая ее, вывертывая, на белом черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика, русскому кажется пошлостью, а русский писатель кончал свой путь непременно той или другой формой учительства и объявлял дело своей прошлой жизни "художественной болтовней"» [11, 957]. К ним, в первую очередь, он причисляет «великого Льва», к которому испытывает благоговение и «даже нечто большее».

Пришвинский Толстой – это великан духа, гениальный и одновременно «свято-наивный» в своей мудрости, в своих жизнетворческих парадоксах, исканиях и противоречиях. Являясь центром пришвинской рефлексии, аксиологических размышлений

о литературе и ее лучших представителях – Пушкине, Гоголь, Гончарове, Тургеневе, Достоевском, Горьком, – Толстой выступает как фигура, объединяющая XIX и XX века русской культуры.

Толстой неизменно в поле пришвинских философских вопрошаний о назначении культуры, о смысле русской истории, о судьбе национальной литературы. Он пристально вглядывается в Толстого, человека и художника, как в зеркало собственного самосознания, в котором узнает себя и все то, что его окружает, хотя ему «страшно увидеть себя в зеркале страшного времени» [10, 888]. «Великий Лев» близок ему еще и потому, что является его непосредственным соседом: «Я пробовал думать о множестве замечательных людей, рожденных на этой земле; вон там, не очень далеко отсюда, пахал Лев Толстой, там охотился Тургенев, там ездил на совет Гоголь к старцу Амвросию, да и мало ли из этого черноземного центра вышло великих людей, но они вышли, как духи, а сама земля через это как будто даже стала беднее» [2, т. 2, 6–7]. Окружение маленького Курымушки, автобиографического героя романа «Кашеева цепь», высоко почитало двух великих старцев – Льва Толстого и старца Амвросия Оптинского. В дневнике 1918 года писатель заметит, что его тетушка «одинаково почитала Льва Толстого и отца Амвросия. Любовь Александровна¹ подчиняла свою волю только старцу Амвросию, а Толстого считала богоотступником» [4, 67].

Соседство Толстого чрезвычайно важно для Пришвина, считавшего себя «живым восприятием русских медвежьих углов», писателем провинции. Он воспринимает провинцию как близкое себе пространство, где ему хорошо дышится. Писателю с его космическим мироощущением легко «вдали от столиц»; провинция для него «космоцентрична», здесь «живая жизнь», что-то родное, укорененное, без того «убогого урбанизма», подчеркнутого социоцентризма, в котором, по мнению Пришвина, исчезает дух природной гармонии.

Толстой остается с писателем в самых различных жизненных обстоятельствах. Даже в голодное, вымороченное время гражданской войны Пришвин, спасаясь в Ельце от кровавого хаоса, создает своего автобиографического героя Алпатова «под сильным влиянием Толстого», в частности, под влиянием его главного жизненного кредо – «быть самим собой»: «Он отвергал все толстовство с Чертковым во главе его, с его пахотой, непотвением. Но быть *самим собой* при всех условиях – это невольно (принципом) взял он себе, и это было правильно и хорошо. Неправильно было, что из этого принципа делал вывод о какой-то обязательной для него высоте над белыми и красными. Никакой высоты не было, а просто высотой этой он укрывался от пустоты между красными и белыми. Через Толстого пришло ему держаться в вопросе "красные или белые?" Чего-то высшего, но что это высшее, сказать себе он не мог, вернее всего это высшее и был сам Лев Толстой» [11, 80].

Толстой, выражая «лицо народа», велик как художник, ибо у него редкостный художественный талант – «лепить людей из чего-то живого», и «горестные заметки его сердца ближе, чем ума рассудочные размышления» [6, 31]. Пришвин возвращается к художественному миру Толстого в своих раздумьях о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Горьком. С Горьким сравнения особенно красноречивы. У художников, конечно же, очень много отличий, но главное состоит в том, что Толстой для Пришвина – «религиозный писатель», а Горький давно «просто покончил с Богом». Сравнивая «Детство» Льва Толстого и одноименное автобиографическое произведение Горького, Пришвин весьма нелицеприятно высказывается о последнем: «Как писатель он равен только Левитову, а поклонники превозносят до Толстого – сознает ли он это? Его “Детство” – произведение монотонное, хотя и прекрасно написанное, в нем *весь пейзаж по земле и нет вовсе неба*. В сравнении с Толстовским “Детством” так: вертится крыло ветряной

¹ Прототип соседки Курымушки в «Кашеевой цепи» Софьи Александровны.

мельницы, то земли захватит зеленой, то синего неба – Толстой. А у Горького мельница вертится на вертикальной оси, как молотильный привод, не поднимаясь от земли. Написано прекрасно, а целых шестьдесят страниц не мог дочитать. Переवेशивает обстановка, а не личность, и деревянит читателя [Курсив мой. – *Н.Б.*] [3, 181].

Толстой, как никто другой, близок «органическому целостному процессу жизни», центром которой «есть Бог»: «Бог – это сердцевина мира, которая идет со мной: все великие произведения Достоевского, Толстого и др. ... написаны в отношении к этой сердцевине» [6, 344]. Вместе с тем Толстой выбирает для себя «общий путь всех русских больших писателей – «...выйти из сферы искусства к чему-то более важному для человека» [1, 141–142]. Толстой, Гоголь «отказываются от своей художественной песни», отказываются от себя как художника и уходят в мораль, религию... Для писателя, утверждает Пришвин, это «дело безнадежное», «... это происходит оттого, что посредством искусства, кажется, нельзя сказать всего. Вот в этом-то и ошибка, потому что «все» сказать невозможно никакими средствами» [1, 142]. Художник должен «отработать» свой талант, понять, почувствовать глубину и красоту мира, потому что «дар видеть красоту мира есть дар, который надо умножить путем творчества, в этом даре заключается способность давать вещам качества, создавать перемены и различия, тут сила первого взгляда, родственное внимание, любовь различающая» [11, 390]. Может быть, в том числе и поэтому Пришвин не воспринимает Толстого моралиста, ему «неприятно читать у Толстого моральные поучения и рассуждения» [6, 286]. Не принимает он и Толстого еретика, который «тяжеловесно кокетничая какой-то слоновой силой, выкроил из Евангелия непереваримую кувалду, в которой Иоанново Слово называется «разумением» [4, 178].

Не религия убила художника в Толстом, – утверждает Пришвин, – а то «надменное самолюбивое гордое существо, которое вырастает в человеке, питаясь его общественной славой художника. Если бы художник начинал свое дело в согласии с Богом и постоянно озирался на свое поведение в жизни, то и создавал бы без встречи с чертом, как создавали эллины свои статуи богов и христиане свою литургию в картинах и музыке» [7, 28–29].

Толстой «распинает» в себе художника, создав собственное учение, чтобы разрешить проблемы морально-общественного характера. Для Пришвина – это дело «вполне безнадежное», потому что, в его представлении, такие проблемы «разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромн, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он – не солнце...» [6, 951]. Философские интенции Толстого вызывают у Пришвина полное отторжение. Парадокс такой реакции заключается в том, что Толстой как раз и велик для него потому, что не был философом.

Пришвин, человек и писатель, во многом парадоксален; всю жизнь, как заклинание, повторяя свою знаменитую формулу «бойся философии», тем не менее не смог «удержать себя» и создал сложный философский роман «Осударева дорога». Толстовская философия истории вызывает у него по меньшей мере недоумение: «Читал эпилог "Войны и мира" (философия истории) и, вспоминая, что после чтения всякой философии остается, между прочим, некоторое смущение, потихоньку от философов спрашиваешь себя: не в том ли цель философии, чтобы простую, ясную мысль, действующую полезно в голове каждого умного человека, вытащить, как пружину из часов, и показать в бесполезном состоянии. Это можно видеть по "Войне и миру": автор в эпилоге взял и вытащил всем напоказ пружинку, приводившую в движение художника, и читатель дивится, как могла такая жалкая пружинка приводить в движение такую чудесную жизнь» [2, т. 8, 460–461]. Призыв к простоте Руссо и Толстого кажется ему чем-то наивным, более того – это «настоящая ошибка, ибо «проще жить гораздо труднее... и самое трудное, что стремление к простоте жизни является у сложнейших душ, а все простое стремится к сложности» [6, 311]. Все, к чему стремился Пришвин, было стремлением достичь простоты в охотничьем или детском рассказе, автобиографическом повествовании, в малой или большой форме. Но истинная простота дается только гениям, и чтобы достичь пушкинской простоты «Капитанской

дочки», «самого русского произведения», «надо проникнуть во что-то очень важное в народном сознании». Простота должна быть правдивой, как сама жизнь. Тем и велик Толстой, что его творчество близко к органике жизненного процесса, «потому-то его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека... Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его естественную правдивость, подвижность и свободу [7, 28–29].

Стремление к онтологической правде понимается Пришвиным как органическая интенция русской литературы. Здесь он наиболее близок к Толстому, ибо его «...произведения стремятся к правде ... каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена, как исследователем, например, железная руда» [7, 28–29].

Толстой для Пришвина – «наивный реалист», сила которого состоит в умении удивляться миру, как удивляется ребенок или дикарь, как верит и волнуется во время спектакля наивный зритель на галерке. «Гениальная наивность» Толстого делает его внутренне свободным человеком. Самому Пришвину пришлось отстаивать свою свободу в тяжелейших условиях жизни в тоталитарном государстве, он был готов к «крайней степени нищеты», чтобы остаться самим собой в литературе, которая «была песней на краю кипящего чана, песней соловья на подрезанной березе» [9, 291]. Масштаб личности Толстого серьезно контрастирует с литературой 20–30-х годов, которая получает уничижительную оценку писателя: «Нынешняя литература похожа на бумажку, привязанную детьми к хвосту кота: государственный наш кот бежит, на хвосте у него бумажка болтается – это бумажка, в которой восхваляются подвиги кота, и есть наша литература [8, 379]. В этих условиях самое страшное состоит в том, что он вообще теряет «охоту к писаниям»: герои его детских, охотничьих рассказов не соответствуют «генеральной линии партии», и ему все труднее искать спасение в природе.

Не к политическим вождям, а к «вождям русской культуры» стремится «прислониться» Пришвин, не желающий восхвалять подвиги «государственного кота»: «И так земля вся разорена, мы еще можем теперь прислониться к вождям нашей культуры, искать защиты у них, ну, Толстой, Достоевский? ну, Пушкин? вставайте же великие покойники, мы посмотрим, какие вы в свете нашего пожара и что есть у нас против него?» [5, 7].

Писатель убежден в спасительной силе русской литературы, искусства слова, кровном, родном, в жизнетворческой мощи национальной классики. 30 декабря рокового 1917 года в дневнике появляется следующая запись: «Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя² в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе: «– Не верьте ему, товарищи, пока с нами Лев Толстой, Пушкин, Достоевский, Россия не погибнет» [2, т. 8, 106].

1. Пришвин М.М. *Незабудки*. М., 1969.
2. Пришвин М.М. *Собр. соч.: в 8 т.* М., 1982–1986.
3. Пришвин М.М. *Дневники 1914–1917*. М., 1991.
4. Пришвин М.М. *Дневники. 1918–1919*. М., 1994.
5. Пришвин М.М. *Дневники. 1920–1922*. М., 1995.
6. Пришвин М.М. *Дневники. 1923–1925*. М., 1999.
7. Пришвин М.М. *Дневники. 1928–1929*. М., 2004.
8. Пришвин М.М. *Дневники. 1930–1931*. СПб., 2006.
9. Пришвин М.М. *Ранний дневник*. СПб., 2007.
10. Пришвин М.М. *Дневники. 1932–1935*. СПб., 2009.
11. Пришвин М.М. *Дневники. 1936–1937*. СПб., 2010.

² Настя – прислуга в доме писателя Алексея Ремизова.

Ю.В. Воложанина
Y.V. Volozhanina

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАФИЧЕСКИ-ПУНКТУАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ЭПИГРАММЫ

THE EXECUTION OF GRAPHIC AND PUNCTUATION STRATEGY IN THE TEXT OF ENGLISH EPIGRAMS

Статья представляет собой аналитическое исследование принципов организации текста английской эпиграммы в плане его графически-пунктуационного оформления. В статье сделан акцент на элективности как компоненте лингвистической категории тождества, обеспечивающей адекватное декодирование авторского ракурса на уровне стилизованного речетворчества. Особое внимание уделено наличию графически-пунктуационной стратегии на глубинном уровне построения текста эпиграммы.

Ключевые слова: категория тождества, авторский ракурс, речевой комплекс, микротема, элективность.

The article focuses on the analytical research of the English epigram text organization from the side of its graphic and punctuation design. The article accentuates the role of electivity as the component of the linguistic category of identity, which provides an appropriate decoding of the author's foreshortening on the surface level of the stylistic composing. The special attention is paid to the presence of the graphic and punctuation strategy on the depth level of the epigrammatic text construction.

Key words: category of identity, author's foreshortening, speech complex, microtheme, electivity.

Актуальность темы данной статьи обусловлена современной тенденцией, сформировавшейся в отечественной лингвистике и направленной на становление стилистики и грамматики речи [3; 4; 6; 10]. Графически-пунктуационное оформление эпиграмматического произведения репрезентирует коммуникативную функцию в канве текста как продукта стилизованного речетворчества.

Объектом рассмотрения послужила грамматика речи, а также стилистика английского языка и стилистика речи. Предметом исследования выступили основные признаки графически-пунктуационного оформления текста английских эпиграмм.

Исследование функционирования графически-пунктуационной организации текста на материале английских эпиграмм обусловлено, в первую очередь, малой количественной наполняемостью произведений данного жанра. В этой связи в тексте эпиграмматических произведений актуализируется значимость графически-пунктуационного оформления.

В тексте эпиграммы четко прослеживается наличие определенной графически-пунктуационной стратегии, не только оказывающей влияние на поверхностную архитектуру текста произведения, но также выстраивающей семантические связи между его компонентами. Такая значимость обусловлена наличием не только пунктуации языка, но и пунктуации речи [2, 20; 5, 129]. Для эпиграмм это имеет первоочередное значение, поскольку тексты большинства эпиграмм не выходят за рамки микротематической речевой ситуации, уместяющейся в нескольких строках [1, 15; 4, 267].

Наглядно представим данное положение на материале эпиграмм Бена Джонсона, адресованных Сэру Коду.

On Sir Cod the perfumed
That Cod can get no widdow, yet a knight,
I sent the cause: he woos with an ill sprite.

Сэру, пахнущему духами
Тебе холостяком быть век, наверно.
Причину чую: ухажер ты скверный³.

To the same Sir Cod
Th'expense in odors, is a most vaine sinne,
Except thou could'st, Sir Cod, weare them within.

Тому же
Затраты на духи – твоя беда,
Но лучше б ты не пахнул никогда!⁴

Данные эпиграммы, объединенные общим адресатом в минисерию из двух произведений, отчетливо демонстрируют роль пунктуационного оформления, благодаря которому формируется микротематическая речевая ситуация, тождественная функциональной смысловой зависимости. Данному обстоятельству способствует не столько количественная наполняемость текстов эпиграмм, сколько расстановка знаков препинания на определенных пунктуационных позициях. В этом случае обнаруживается функционирование грамматики речи, в которой употребление языковых средств продиктовано речевыми структурами. Авторский ракурс, в этой связи, проявляет себя через графически-пунктуационную стратегию, закодированную на глубинном уровне построения текста.

Декодирование графически-пунктуационной стратегии осуществляется через функционирование категории тождества [8, 101; 9, 64]. Именно благодаря такому ее компоненту, как элективность, на уровне стилизованного речетворчества речевой комплекс оформляется определенным набором знаков препинания. В частности, так называемые внутренние знаки препинания употребляются на пунктуационных позициях внешних, и в обеих эпиграммах это запятые (*That Cod can get no widdow, yet a knight, / Th'expense in odors, is a most vaine sinne.*). Такое оформление не только способствует целостности восприятия всего произведения с точки зрения содержания, но также оказывает моделирующее воздействие на архитектуру текста. В связи с чем во второй эпиграмме наблюдается неполнота рамочно-структурного оформления, ограниченного наличием лишь центральной части. Что же касается первой эпиграммы, то несмотря на крайне малые

³ Перевод Е.Б. Корюкина (См. Корюкин Е.Б. Переводы эпиграмм Бена Джонсона. URL: http://samlib.ru/k/korjukin_ewgenij_borisowich/epigrams_benjonson.shtml).

⁴ Там же.

размеры произведения, представляется возможным выделить в ней не только центральную часть, но и вывод-заключение автора, который маркирован не только графически-пунктуационным оформлением, но и содержательным планом, поскольку представляет собой неожиданный поворот авторской мысли. Двоеточие на пунктуационной позиции точки актуализирует причинно-следственные связи между частями структурной рамки и подчеркивает их неразрывную сопряженность. Выделение заключительной части во многом возможно благодаря использованию строчной буквы (*I sent the cause: he wooes with an ill sprite*).

Итак, аналитическое рассмотрение графически-пунктуационного оформления эпиграмматических текстов позволяет выявить особенности пунктуации как раздела грамматики речи, подвергнув, в частности, пристальному изучению графически-пунктуационное оформление речевого комплекса, который в эпиграмме равен микротематической речевой ситуации и функциональной смысловой зависимости в целом.

Ход исследования наталкивает на необходимость проанализировать наличие и функционирование графически-пунктуационной стратегии в канве текста английских эпитафий, поскольку они являются наиболее близким жанром по отношению к эпиграмме и имеют идентичные признаки поверхностного и глубинного построения. В этой связи в статье приведен анализ эпиграммы и эпитафии шотландского поэта Роберта Бернса, обладающие общей тематической направленностью («несостоятельность Шотландии»):

Epigram to Miss Jean Scott
O had each Scot of ancient times
Been, Jeanie Scott, as thou art;
The bravest heart on English ground
Had yielded like a coward.

Эпиграмма Мисс Джинни Скотт
О, будь у скоттов каждый клан
Таким, как Джинни Скотт, –
Мы покорили б англичан,
А не наоборот⁵.

No sculptured marble here, nor pompous lay,
«No storied urn nor animated bust;»
This simple stone directs pale Scotia's way,
To pour her sorrows o'er the Poet's dust.

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
– Шотландия! Под камнем – твой поэт!⁶

Данные произведения являются катренами по своей количественной наполняемости, поскольку состоят из четырех строк. Тексты вышеприведенных эпиграммы и эпитафии наглядно демонстрируют подчинение языковых средств, а именно пунктуации, речевой экспликации авторского замысла.

Текст обоих произведений представляет собой микротематическую речевую ситуацию, равную составному речевому комплексу. Данное обстоятельство обеспечивается

⁵ Перевод С.Я. Маршака (См. Маршак С.Я. Стихи, песни, баллады, эпиграммы. М., 2011).

⁶ Там же.

графически-пунктуационным оформлением, в котором пунктуационные позиции внешних знаков препинания занимают внутренние – точка с запятой в обоих случаях (*O had each Scot of ancient times / Been, Jeanie Scott, as thou art; // No sculptured marble here, nor pompous lay, / «No storied urn nor animated bust;»*).

В этой связи в тексте эпиграммы и эпитафии наблюдается более тесная сопряженность компонентов структурной рамки, состоящей из центральной части и заключения, в котором явно декодируется негативность авторской оценки (*Had yielded like a coward // To pour her sorrows o'er the Poet's dust*).

Отсутствие внешних знаков препинания внутри текста произведений способствует интегрированности структуры, в связи с чем нарушение рамочно-структурного оформления ввиду отсутствия вводной части в обоих произведениях не является смыслообразующим. Восприятие содержания эпиграммы и эпитафии читателем-реципиентом не теряет своей целостности.

Эпитафия, посвященная шотландскому поэту Фергюссону, обладает своей спецификой – благодаря наличию особого пунктуационного рисунка, наделенного значительной функциональной нагрузкой.

Включение в канву текста второго произведения маркированных позиций с использованием кавычек актуализирует такой стилистический языковой прием, как аллюзия, поскольку обособляет цитату из известной элегии Томаса Грея «Сельское кладбище» (*Can storied urn or animated bust / Back to its mansion call the fleeting breath? – Увы, не может надмогильный бюст / Усопшему дыхание вернуть*).

Использование цитирования, оформленного маркированными знаками препинания, приобретает коммуникативную функцию расширения имеющейся в тексте микротематической речевой ситуации за счет включения в нее не только смыслового содержания непосредственно процитированной фразы, но также макроконтекста элегии, на содержание которой имеется аллюзия.

Использование определенных знаков препинания и наделение их коммуникативной функциональной нагрузкой имеет намеренный характер и наглядно демонстрирует наличие графически-пунктуационной стратегии, входящей в авторский ракурс. Благодаря такой намеренной тактике использования пунктуации в тексте наблюдается наличие специфического пунктуационного рисунка, имеющего смысло- и структурообразующее значение для целостного текста данной эпитафии, а также актуализирующего семантическую связь не только между компонентами данного текста, но и целостного текста эпитафии с текстом элегии.

Итак, внешняя структурно-семантическая оформленность текста обоих произведений основывается на пунктуационных знаках, расстановка которых в канве текста осуществляется благодаря категории тождества, отвечающей за адекватное декодирование авторского ракурса на уровне стилизованного речетворчества [7, 61]. Таким образом, именно элективность как компонент категории тождества осуществляет отбор языковых средств, реализуя тем самым графически-пунктуационную стратегию в тексте.

Проведенное аналитическое исследование, составившее основу настоящей статьи, позволяет сделать вывод о том, что тексты таких произведений малого поэтического жанра английской литературы, как эпиграммы и эпитафии, представляют собой наглядный фактический материал для рассмотрения грамматики речи. Настоящая статья представляет аналитическое рассмотрение одного из разделов грамматики речи, а именно графически-пунктуационного оформления текста. Данное обстоятельство обусловлено структурно-семантическими особенностями построения текстов эпиграммы и эпитафии, которые характеризуются концентрацией содержательного смысла, оформленного в структурную рамку. Несмотря на крайне малые размеры произведений, количество строк которых не превышает шестнадцати, они являются законченными текстами со всеми присущими тексту особенностями. Поскольку зачастую организация текста эпиграммы и эпитафии ограничена микротематической речевой ситуацией, основанной на единственном речевом комплексе,

графически-пунктуационное оформление наделяется значительной функциональной нагрузкой, выполнение которой осуществляется с помощью определенной стратегии, закодированной в авторском ракурсе и декодированной элективностью на уровне стилизованного речетворчества.

Таким образом, определение графически-пунктуационной стратегии текста осуществляется на уровне авторского ракурса и претворяется в тексте через функционирование категории тождества. Знаки препинания образуют определенный графически-пунктуационный рисунок, отражающий семантическую структуру произведения.

Графически-пунктуационная стратегия, содержащаяся в тексте английских эпиграмм и эпитафий, является важным компонентом грамматики речи и выступает продуктом речемыслительной деятельности автора. В этой связи графические средства языка и знаки препинания являются строительными элементами в архитектонике текста и его семантике как целостного единства. Элективность как компонент категории тождества осуществляет визуальную репрезентацию речевого комплекса, оформленного определенными знаками препинания в упорядоченную структуру, характерной особенностью которой является наличие многомерного имплицитного содержания.

1. Алексеева Е.В. Структурно-семантические особенности некоторых поэтических произведений фольклорного жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999.
2. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2007.
3. Кошечкина И.Г. О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2013. № 4. С. 18–24.
4. Кошечкина И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2012.
5. Кошечкина И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. М., 2012.
6. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. М., 1990.
7. Свиридова Л.К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2013. № 4. С. 58–62.
8. Свиридова Л.К. К унификации анализа различных текстовых жанров // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: м-лы междунар. научно-практической конференции молодых исследователей. М., 2013. С. 101–104.
9. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 63–66.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М., 2009.

Л.Я. Воронова, А.Н. Пащуров
L.Ja. Voronova, A.N. Pashkurov

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
 ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ШКОЛ:
 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**STUDYING THE HISTORY OF REGIONAL LITERARY
 SCHOOLS: CURRENT STATUS AND PERSPECTIVES**

В статье анализируется современное состояние изучения истории регионального литературоведения в России. Выделены и рассмотрены два основных направления исследований – историко-эволюционное и проблемно-типологическое, определены жанровые приоритеты (очерк, монография, статья, биографический словарь), намечены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: история литературоведения в России, региональные школы, кадры литературоведов.

The modern state of study of regional philology history in Russia is analyzed in the article. Two direction of the study, namely historical and evolutionary and problematic and typological, are separated and considered; genre priorities (as an essay, monograph, article, bibliographic dictionary) are defined and prospects for the future work are outlined.

Key words: history of philology in Russia, regional schools, philological personnel.

В настоящее время одной из острейших проблем современной российской науки, как академической, так и вузовской, является сохранение научных традиций и широкого спектра направлений исследований. Отсюда обостренное внимание как к прошлому и современному состоянию самой науки, исследованию ее логики, истоков возникновения, становления и развития, так и разработка истории отдельных направлений, школ, с целью уяснить и проверить свой путь, вспомнить и собрать все ценное, что было создано. Обращение к прошлому при этом не уводит от современных проблем, а приближает к ним, позволяя выявить и систематизировать те теоретические идеи, которые могут стимулировать новые научные поиски в настоящем и будущем. Особенно важным является такое самопознание для литературоведения, накопившего уже значительный опыт в изучении своей истории: имеются монографические исследования, учебные пособия, посвященные академическим школам России и их крупнейшим представителям, регулярно проводятся научные конференции (международные и всероссийские).

Однако имена многих литературоведов, достижения провинциальных научных школ, как правило, даже не упоминаются в обобщающих работах [1; 4; 18; 24], а между тем в становлении отечественного литературоведения принимали участие все научные силы России; наука о литературе явилась истинным произведением, созданным усилиями не

только столичных профессоров, но и ученых Владимира, Воронежа, Казани, Саратова и т.д. Как отмечает О.А. Клинг, «серьезному, академическому изучению истории русского литературоведения необходимо дать новый толчок. ...через осмысление наследия отечественных ученых, особенностей их путей в науке, достижений и пристрастий, школ, направлений и концепций, которые им близки, и будет создана более масштабная, полная и в то же время предельно детализированная картина литературоведческих исканий ушедшего столетия» [22, 4].

В связи с этим своевременным и актуальным представляется изучение истории региональных литературоведческих школ, которое ведется в настоящее время во многих научных центрах и учебных заведениях России, среди которых хотелось бы отметить Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Поволжскую социально-гуманитарную академию, Тюменский государственный университет и др. В процессе сравнительного анализа и обобщения существующих исследований по истории науки нами были выявлены два основных направления изучения и представления истории региональных литературоведческих школ: историко-эволюционное и проблемно-типологическое.

Историко-эволюционное направление – это, в первую очередь, очерки истории кафедр, факультетов, филологических школ того или иного учебного заведения, как за какой-то конкретный период, так и за всю историю существования. Многие из них носят юбилейный характер, включают историко-хронологические данные (основание кафедры, школы, этапы развития, реорганизация), характеристику направлений исследований в области литературы и деятельности ученых, определение основных достижений. Таковы статьи А.М. Корокотиной [13] об истории филологической науки и литературоведения в Тюменском университете, В.Е. Головчинер [8], Л.Т. Леушиной [15] о кафедрах литературы XX века и мировой художественной культуры и классической филологии в Национальном исследовательском Томском государственном университете, А.И. Смирновой [26] о кафедре литературы Волгоградского университета, Л.Н. Романовой об истории литературоведческой науки в Якутии [20] и др. Наблюдается тенденция перехода от единичных очерков к циклам, позволяющим наиболее полно показать все стороны развития науки и образования на факультетах, в вузах и т.д., как в цикле статей под рубрикой «К истории филологического образования в Саратовском университете» в «Известиях Саратовского университета» [10].

На втором месте по востребованности стоят монографические исследования жизни и научной деятельности выдающихся ученых. Здесь имеются как отдельные статьи, биографии, кандидатские диссертации, заметки, так и продолжающиеся серии монографических сборников. В серии «Самарские филологи», например, вышел уже целый комплект книг, посвященных вопросам биографии и научного творчества таких известных и выдающихся литературоведов, как: И.М. Машбиц-Веров, Я.А. Роткович, В.А. Бочкарев, И.В. Попов, М.И. Рунд и др. В серии «Ученые Саратовского государственного университета» представлены биографии А.П. Скафтымова, Н.К. Пиксанова, С.Л. Франка; а в серии «Выдающиеся ученые Казанского университета» изданы биографические очерки об А.С. Архангельском, Н.Н. Буличе, А.Н. Вознесенском, Н.А. Гуляеве, В.Н. Коновалове.

Книги, выходящие в сериях, имеют различную методологию концепции, в том числе во многом это обусловлено феноменом личности рассматриваемого ученого. К примеру, в книге о И.М. Машбице-Верове значительный акцент сделан на непростой биографии филолога, в контексте трагических историко-политических событий России первой половины XX века, на проблеме становления его идеологических взглядов [11].

Большое место в изучении деятельности отдельных ученых занимают архивные, библиографические и текстологические изыскания, благодаря которым глубже и всестороннее раскрываются как личные судьбы, так и истории региональных школ,

вводятся в научный оборот новые материалы (например, издания саратовцев «С.Л. Франк. Саратовский текст» [25], «А.П. Скафтымов. Новые материалы» [3] и др.).

Наиболее полно рассмотрение генезиса и эволюции региональных школ представлено в трудах, посвященных В.А. Бочкареву [24] и А.П. Скафтымову [2]. Авторы предлагают такую интересную методологию рассмотрения вопроса:

А. Литературовед в контексте ведущих научно-исследовательских проблем филологии своего времени:

- 1) основные направления научной деятельности филолога;
- 2) архивные материалы.

Б. Ученый-филолог в жизни:

- 1) воспоминания коллег, друзей, учеников, наследников;
- 2) переписка исследователя.

Уже на этих двух уровнях отчетливо прослеживается методика анализа: от индивидуального – к общему. Например, в разделе о творческом и жизненном пути В.А. Бочкарева данные о годах его учения в исследовательской школе А.П. Скафтымова подкрепляются и подготавливаются и на предыдущей ступени рассмотрения: раздел «Из неопубликованного» включает доклад, прочитанный молодым В.А. Бочкаревым на семинаре у А.П. Скафтымова.

Другая грань историко-эволюционного подхода связана с диахронией «Традиции – будущее». Не случайно, начиная с раздела «Воспоминаний», речь заходит о школе проф. В.А. Бочкарева, что завершится в итоговой подглавке «Справочных материалов» финальным очерком об аспирантах, подготовивших под его руководством диссертации. Существенно, что раздел «Справочных материалов» вновь возвращается к проблемам архивно-текстологических разысканий: на этот раз – на примере системного обзора архива ученого.

Типологически показательна традиция проводить параллельно изданиям сборников именные конференции: они могут быть мемориальными, «в память», например, «Бочкаревские чтения», «Поспеловские чтения» и т.д.

Особым направлением в изучении региональных школ является подготовка и издание биографических и биобиблиографических словарей, справочников, интерес к которым отмечается в последние годы [16; 17; 23]. В них представлены наиболее полные сведения об ученых, многие из которых внесли большой вклад в изучение и преподавание словесности, определяли пути развития литературоведческой мысли не только в университетах и регионах, но и во всей России, оказали влияние на научные взгляды своих современников и последующих поколений филологов.

Проблемно-типологическое направление сочетает несколько аспектов – точек зрения при рассмотрении определенной литературоведческой школы. Такой подход к изучению Самарской литературоведческой школы предлагает, в частности, О.М. Буранок, рассматривая проблемно-типологическое своеобразие школы самарских исследователей истории русской литературы XVIII века в контексте истории высшего педагогического образования в Самаре [6].

О.М. Буранок обращает внимание на собственно историко-хронологические данные (основание вуза, важные вехи в его создании, реорганизациях и пр.); генезис и эволюцию школы в контексте научно-просветительской деятельности: издания разных лет («Ученые известия Самарского университета» и др.), контакты с предшествующей традицией (круг трудов предшественников, активно вовлекаемых самарской школой в исследовательский и учебный процессы); вопросы вузовского и школьного преподавания словесности (на материале системного обзора учебников и учебных пособий разных периодов и их рецепции учеными определенной творческой группы); краткую характеристику методологии научного подхода определенного этапа в развитии литературоведческой школы («историзм, хронология, связь с культурой, историей, философией, учет новейших достижений в науке» – как фундамент Бочкаревской литературоведческой школы). Каждый

исследователь – представитель школы рассматривается в аспектах: жизненной и творческой биографии, методики и методологии чтения лекций, преподавания учебных курсов, контактов с современными ему филологическими школами в других регионах России и за рубежом.

К этому направлению исследований можно отнести и работы казанских ученых по отдельным проблемам и аспектам краевой истории литературоведения.

Ю.Г. Нигматуллиной, например, проделана большая и кропотливая работа по систематизации научных концепций, возникших в процессе функционирования системно-комплексного направления, и их применения в методике и практике вузовского и школьного преподавания [19].

В монографии Л.Я. Вороновой «Пушкинское общество в Казани (1887–1918)» [7] реконструирована история научных литературных обществ, существовавших в Казани, охарактеризованы основные направления их научной и практической деятельности, определен вклад каждого из них в развитие литературоведения, критики, краеведения и культуры. Материалы и выводы этого исследования имеют важное значение для создания целостной истории литературоведения Казани, осмысления взаимоотношений «столицы» и «провинции» и роли Казанского университета в формировании духовно-эстетического пространства одного из старейших, культурно и социально значимых регионов России.

В книге Н.Г. Комар «Очерки изучения и преподавания древнерусской литературы в Казани (XIX–начало XX в.)» [12], благодаря архивным источникам, редким периодическим изданиям и обобщающим трудам, к сожалению, забытым в современном литературоведении, проанализирован путь (от истоков до начала XX в.) становления казанской школы исследования русской средневековой литературы в ее взаимосвязях и взаимодействиях с литературами византийской, южнославянской, западноевропейской, прослежена эволюция научного метода, показан вклад казанских ученых в разработку вопросов теории, истории, текстологии, источниковедения, преподавания древнерусской литературы, выявлены особенности казанской исследовательской школы в целом.

Актуальность и перспективность исследования истории региональной науки подтверждается новыми разработками отечественных ученых, поддержанными грантами.

Так, проект «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа» (Научный руководитель – Л.Я. Воронова, Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», соглашение № 14.А18.21.0536) был направлен на создание целостной концепции истории литературоведения в Казани как одного из значимых компонентов российской филологической науки XIX – начала XX века. Он включал в себя подготовку библиографической базы данных по истории науки о литературе в Казанском университете, разработку алгоритма анализа и описания истории русского литературоведения в Казани и осуществлялся при широком привлечении к работе по заявленной проблематике студентов, аспирантов и молодых преподавателей.

В ходе реализации темы «Проектирование региональной модели виртуальных музеев научных школ (на материале Самарской лингвистической школы)» (РГНФ: «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 35/2013) Е.П. Иванян и Ю.А. Белкиной проведен сбор информации по виртуальным музеям образовательных учреждений России, исследована история и проблема типологии сайтов виртуальных музеев научных школ, определены их задачи, проанализирована структура [9]. «Актуальность проблемы внедрения достижений региональной науки в современное виртуальное пространство заключается в том, что, с одной стороны, региональная вузовская наука являет собой сокровищницу современной научной мысли, с другой стороны, слабо освещается в электронных коллекциях, в современных интернет-источниках, СМИ» [5, 720]. Представление истории научных школ, предоставление широкого доступа к ее материалам, демонстрация ее достижений признается исследователями эффективным способом презентации российской научной мысли, популяризации науки.

В целом можно сделать вывод, что главными критериями оценки региональных школ литературоведения являются – генезис, наличие лидера, результативность научной деятельности как школы, так и отдельных ее представителей, наличие преемственности, «воспроизводство», активные контакты школы (в том числе международные), оценка и признание достижений современниками, вклад в развитие образования и культуры города, региона. Однако обобщающих трудов, дающих целостное представление о развитии литературоведческой науки в регионах России и базирующихся на комплексе самых разнообразных источников научного и историко-культурного характера, пока не существует. Поэтому в будущем возможно написание истории отдельных региональных школ, истории отдельных периодов развития регионального литературоведения, объединение усилий ученых разных университетов для создания целостной истории регионального литературоведения России и сводного указателя по истории региональных школ. Собственно, именно материалы по истории развития регионального литературоведения и станут в дальнейшем основой новой истории развития академического литературоведения в России, как, например, в трудах Л.П. Лаптевой по истории славяноведения в России, где представлены практически все региональные центры [14]. Многостороннее исследование истории региональной науки о литературе позволяет не только проследить взаимодействия становящейся литературоведческой школы с современной ей наукой в России и за рубежом, но и поставить вопросы, связанные с диахронией «традиции – будущее».

1. Академические школы в русском литературоведении / отв. ред. П.А. Николаев. М., 1975.
2. Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Саратов, 2010.
3. А.П. Скафтымов. Новые материалы: сб. первый / сост., автор вступ. ст. и отв. ред. А.В. Зюзин. Саратов, 2006.
4. Барит К.А. Русское литературоведение XX века: учеб. пособие: в 2-х ч. СПб., 1997.
5. Белкина Ю.А. Форма адресата в проектировании региональной модели виртуальных музеев научных школ // Известия Самарского НЦ РАН. 2013. Т. 15. № 2–3. С. 720–723.
6. Буранок О.М. Теория и методика высшего профессионального литературного образования (на материале изучения русской литературы XVIII века) // Известия Самарского НЦ РАН. 2012. Т. 14. № 2 (2). С. 287–292; № 2 (4). С. 865–871.
7. Воронова Л.Я. Пушкинское общество в Казани (1887–1918). Казань, 2012.
8. Головчинер В.Е. Юбилей кафедры литературы XX века и мировой художественной культуры // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2003. Вып. 1. С. 95–96.
9. Иванян Е.П., Белкина Ю.Б. Характеристика результатов проектирования региональной модели виртуальных музеев научных школ // Известия Самарского НЦ РАН. 2013. Т. 15. № 2–3. С. 745–748.
10. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. 2006. Т. 6. Вып. 1/2.
11. Иосиф Маркович Машбиц-Веров: сборник. Самара, 1997.
12. Комар Н.Г. Очерки изучения и преподавания древнерусской литературы в Казани (XIX – начало XX в.). Казань, 2012.
13. Корокотина А.М. Тридцатилетняя история кафедры русской литературы ТюмГУ как явление региональной культуры // Региональные культурные ландшафты: история и современность. Тюмень, 2004. С. 7–12.
14. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
15. Леушина Л.Т. Классическая филология в Томске: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: философия, история. 2000. Вып. 4. С. 77–79.

16. *Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю* / Сост. В.В. Прозоров, А.А. Гапоненков. Под ред. В.В. Прозорова. Саратов, 2010.
17. *Лица филологов: Из истории кафедры литературы, 1919–1986* / Твер. гос. ун-т; Ред. М.В. Строганов Тверь, 1998.
18. *Лоскутникова М.Б. Русское литературоведение XVIII–XIX веков: истоки, развитие, формирование методологий: учеб. пособие. М. 2009.*
19. *Нигматуллина Ю.Г. Системно-комплексное исследование художественного творчества: история научного направления в Казанском университете. Казань, 2004.*
20. *Романова Л.Н. Из истории литературоведческой науки в Якутии: опыт ретроспективного взгляда // Наука и образование. Якутск, 2005. № 3. С. 19–26.*
21. *Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. / отв. ред. П.А. Николаев. М., 1982.*
22. *Русские литературоведы XX века: Проспект словаря* / О.А. Клинг, А.А. Холиков. М., 2010.
23. *Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): биобиблиогр. словарь / сост. Л.Я. Воронова, М.М. Сидорова; науч. ред. Л.Я. Воронова. Казань, 2011.*
24. *Самарские филологи. Виктор Алексеевич Бочкарев. Изд. 2-е, переработ. и доп. Самара, 2006.*
25. *С.А. Франк. Саратовский текст* / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006.
26. *Смирнова А.И. Кафедра литературы в «контексте» 25-летнего юбилея ВолГУ // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2005. – Вып. 4. – С. 145–148.*

С.С. Высоцкая
S.S. Visockaya

**АТЕМПОРАЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ ДОМИНАНТА КАК
КОНСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР ПОЭТИКИ ПОСТРОМАНА**

**ATEMPORAL GENRE LEITMOTIV AS A CONSTRUCTIVE
FACTOR OF A POSTNOVEL POETICS**

В статье в первом приближении обоснована теоретическая гипотеза, согласно которой на определенном этапе литературного развития романное многоязычие превратилось в положительно значимое отсутствие одного («правильного») языка, что приводит к девальвации темпоральной иерархии как жанровой матрицы классического романа. В рамках новой эстетической «программы» формируется атемпоральная жанровая доминанта, учреждающая в пределах построманного высказывания онтологически реальную среду причастности человека к аконкурентной, аиерархизированной субъективности.

Ключевые слова: атемпоральность, построманный дискурс, жанровая доминанта, роман, построман.

The article presents a general ground for a theoretical hypothesis according to which at some particular stage of literature development the multilanguage nature of a novel turns into the absence of one («right») language. The process has a positive meaning and leads to devaluation of the genre matrix of a classical novel. Within the framework of the new esthetic «programme» an atemporal genre leitmotiv is formed and establishes within the postnovel space an ontologically real environment of the link between the man and subjectivity which is neither competitive, nor hierarchical.

Key words: atemporality, discourse of the postnovel, genre leitmotiv, novel, postnovel.

Сложившаяся на сегодня методологическая парадигма, выработанная в процессе многолетних исследований прозы постмодерна, тяготеет к апофатическому стилю описания основных черт поэтики постмодернизма. Один из пионеров в исследовании самого феномена постмодерна, американский культуролог Ихаб Хассан, в своем фундаментальном труде представляет целый спектр таких черт, отталкиваясь от собственного концепта «неопределенности» (indeterminacy): «By indeterminacy, or better still, indeterminacies, I mean a complex referent that these diverse concepts help to delineate: ambiguity, discontinuity, heterodoxy, pluralism, randomness, revolt, perversion, deformation. The

latter alone subsumes a dozen current terms of unmaking: decreation, disintegration, deconstruction, decenterment, displacement, difference, discontinuity, disjunction, disappearance, decomposition, dedefinition, demystification, detotalization, delegitimization let alone more technical terms referring to the rhetoric of irony, rupture, silence. Through all these signs moves a vast will to unmaking, affecting the body politic, the body cognitive, the erotic body, the individual psyche the entire realm of discourse in the West. In literature alone our ideas of author, audience, reading, writing, book, genre, critical theory, and of literature itself, have all suddenly become questionable» [8, 28].

Легко заметить, что все эти характеристики ориентированы на формирование достаточно расплывчатого образа, который сочетает в себе различные стратегии уклонения от прототипа: линии, центра, себестождества личности и т.п. Там и тогда, где и когда аналитик постмодерна соглашается описывать содержание и объем своего предмета в традиционных терминах, там и тогда с неизбежностью появляются термины, восходящие или к описанию перверсивности психологических эксцессов, или к различным интерпретациям альтернативных подходов к истории, социологии, психологии и даже физике.

В то же время одним из мощных инструментов собственно литературоведческого анализа остается интертекстуальный подход. Именно в его рамках время от времени формируются проблемные области, своей очевидной неоднозначностью, а иногда и парадоксальностью стимулирующие научные инновации.

Так, серьезное внимание исследователей английской литературы в последнее время привлек феномен, уже получивший специальное наименование «неовикторианство». Под этим термином имеется в виду рост интереса современных английских писателей-постмодернистов к викторианской традиции английской литературы. Первые объяснения этого интереса сводились, как обычно, к поискам пародийных переосмыслений классических мотивов и тем; затем последовали более основательные исследования, в которых усматривалась не только социально-идеологическая, но и своеобразная жанровая преемственность: Робин Гилмор в одной из статей сборника *Rereading Victorian Fiction* предлагает шесть возможных вариантов обращения романа XX века к викторианской литературной традиции: 1) исторический роман, написанный с современной точки зрения, 2) роман-пастиш или роман-пародия, 3) роман-инверсия викторианской идеологии, 4) роман-свержения викторианской художественной нормы, 5) современная обработка или дописки классического викторианского романа, 6) научно-исследовательский роман [10, 78].

По-видимому, можно говорить о полноценном культурном диалоге между эстетическими направлениями, со многих точек зрения взаимоисключающими мировоззренческие предпосылки друг друга. Непосредственным результатом этого диалога, как свидетельствует Р. Гилмор, оказываются мультижанровые произведения, по преимуществу – романы. Л. Хатчеон обращает внимание на существенно иной уровень взаимоотношений между двумя литературными стилями, нежели пародирование или тем более подражание: «I think it is wrong to see postmodernism as defined in any way by an “either/or” structure. ... it is not a case of its being either nostalgic ally neoconservative or radically antihumanist in its politics. It is, actually, both and neither. Certainly it is marked by a return to history, and it does indeed problematize the entire notion of historical knowledge. But the reinstalling of memory is not uncritical or reactionary, and the problematization of humanist certainties does not mean their denial or death. Postmodernism does not so much erode our “sense of history” and reference, as erode our old sure sense of what both history and reference meant. It asks us to rethink and critique our notions of both» [9, 46].

Мы склонны согласиться с Л. Хатчеон в том, что причины стойкой привязанности английского нового романа к викторианской традиции нужно, видимо, искать не в сфере социальной или национальной психологии. Постмодернистский роман, с одной стороны, отчетливо наследует жанровые контуры классической английской прозы, с другой – столь

же отчетливо переиначивает их, как бы разворачивает их в нужном ему направлении. Принцип как связи, так и отталкивания викторианства и постмодернизма в английской литературе нужно искать в плоскости жанрового взаимодействия, а конкретнее – в соотношении жанровых доминант двух типов романа.

Именно в обращении к маргинализовавшемуся в последние десятилетия понятию доминанты мы видим возможность продуктивно методологического разрешения накопившихся противоречий.

Одним из первых понятие доминанты применительно к эстетическому объекту использовал в своей незаслуженно забытой «Философии искусства» Бродер Христиансен. Его идея была подхвачена русскими формалистами. В терминологии русских формалистов, доминанта – основной прием, который необходим для создания художественного целого. В капитальной «Теории литературы» Б. Томашевский писал: «Признаки жанра, т.е. приемы, организующие композицию произведения, являются приемами *доминирующими*, т.е. подчиняющими себе все остальные приемы, необходимые в создании художественного целого. Такой доминирующий, главенствующий прием иногда именуется *доминантой*. Совокупность доминант и является определяющим моментом в образовании жанра» [4, 207]. Особое внимание уделил этому понятию Ю.Н. Тынянов: «Совершенно ясно, что каждая литературная система образуется не мирным взаимодействием всех факторов, но главенством, выдвинутостью одного (или группы), функционально подчиняющего и окрашивающего остальные. Такой фактор носит уже привившееся в русской научной литературе название доминанты (Христиансен, Эйхенбаум). Это не значит, однако, что подчиненные факторы неважны и их можно оставить без внимания. Напротив, этой подчиненностью, этим преобразованием всех факторов со стороны главного и сказывается действие главного фактора, доминанты» [5, 227].

Понятие доминанты значимо довлекло научным поискам представителей русской формальной школы. По понятным причинам для этих ученых понятие доминанты носило по преимуществу формальный характер. Крупнейший русский филолог Роман Jakobson много позже писал: «... это было одним из самых главных, разработанных и продуктивных понятий теории русского формализма. Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты. Доминанта обеспечивает интегрированность структуры. Доминанта специфицирует художественное произведение» [7, 119]. Наряду с вышеизложенным является взгляд, согласно которому доминантой признается любой компонент текста, в результате чего понятие доминанты используется при анализе содержательной, структурной и коммуникативной организаций текста. При этом доминантой могут считаться как содержательные, так и формальные средства. Например, В.А. Кухаренко дает такое определение доминанты: «... доминантой художественного произведения признается его идея и / или выполняемая им эстетическая функция, в поисках которой необходимо исходить из языковой материи произведения. Если объединить основные положения теории актуализации (выдвижения) и теории доминанты, можно прийти к заключению, что актуализация языковых средств, используемых для обозначения идеи (концепта) произведения, отражающей авторскую точку зрения, займет главенствующее, доминантное положение в ряду обнаруженных нами актуализированных употреблений. Отталкиваясь именно от них, можно не только выявить систему оценок автора и наметить верный путь их расшифровки-интерпретации, но и иерархически упорядочить и функционально определить все прочие сигналы» [2, 12].

Как представляется, существующие представления о доминанте применительно к художественному высказыванию не поддаются сведению в некоторое непротиворечивое единство постольку, поскольку очевидно отсутствие единого критерия различения различных доминант. Например, если в лирическом стихотворении роль доминанты может выполнять характер рифмовки, то в романе эта роль может быть отведена эволюции образа

главного героя и пр. Очевидно, что мы не имеем ресурса для сопоставления столь различных явлений по какому бы то ни было общему признаку.

В данной статье мы предлагаем в целях определения такого признака сконцентрировать внимание на временном аспекте художественного произведения.

Решающим критерием различения разных жанровых доминант мы, вслед за М. Бахтиным, считаем ценностное позиционирование времени в произведениях, объединенных той или иной жанровой принадлежностью. М. Бахтин отмечал решающее значение фактора времени в структуре жанра, в частности, эпопеи: «Для эпического мировоззрения "начало", "первый", "зачинатель", "предок", "тот, что был раньше" и т.п. – не сугубо временные, а ценностно-временные категории, это ценностно-временной уровень, который реализуется как в отношении людей, так и в отношении всех вещей и явлений эпического мира: в этом прошлом — все хорошо, и все действительно хорошее ("первое") – только в этом прошлом. Эпическое абсолютное прошлое является единственным источником и началом всего хорошего и для будущих времен. Так утверждает форма эпопеи» [1, 457–458]. А вот что он пишет о романе: «Опыт, познание и практика (будущее) определяют роман. В эпоху эллинизма возникает контакт с героями троянского эпического цикла; эпос превращается в роман. Эпический материал транспонируется в романский, в зону контакта, пройдя через стадию фамильяризации и смеха. Когда роман становится ведущим жанром, ведущей философской дисциплиной становится теория познания» [1, 458–459]. В работе о Гоголе М. Бахтин делает в скобках важное уточнение понимания им жанра как такового: «Трагедия Гоголя есть в известной мере трагедия жанра (понимая жанр не в формалистическом смысле, а как зону и поле ценностного восприятия и изображения мира)» [1, 471].

Таким образом, общее понимание жанра как зоны ценностного восприятия расширяется констатацией ценностно-темпоральной природы жанрового вектора. Различение эпопеи и романа опирается именно на разницу во временных ценностных векторах. Соответственно, именно с характеристикой этого вектора нужно связывать и определения жанровой доминанты.

Жанровая доминанта традиционного викторианского романа, во многом определившего развитие реалистического европейского романа, предполагала постоянный учет воспринимающим сознанием того или иного типа иерархии, соотнесение с которым, предощущение которого во времени и составляет содержание восприятия. Каждая жанровая модификация имплицитно обозначает свой идеальный ориентир: исторический роман – исторический прогресс, биографический роман – личную самореализацию, семейный роман – счастливый брак. Очевидна значимость темпорального модуса жанровой конструкции в викторианском романе. Время в нем не просто природный фон, «вместилище» событийности, оно гарант желаемой развязки. Награда находит «хороших», поражение ждет «плохих» с неизбежностью, с течением времени.

Мы исходим из определения жанровой доминанты как виртуального проекта идеального завершения мира, который может реализоваться в двух главных версиях. Каждая из них опирается на специфическую интуицию времени как смыслообразующего фактора. Одна из этих версий может быть обозначена как *онтогенетическая*, поскольку в центре творческой интенции автора в этом случае оказывается событие личностного становления человека как индивида. (Конкретной реализацией этого жанрового модуса является, в частности, роман воспитания.)

Вторая версия жанровой доминанты может быть обозначена как *филогенетическая*, поскольку в этом случае творческая интенция формируется в контексте художественного исследования становления человека как представителя рода, в других случаях – представителя семьи, народа и т.д. Соответственно, реализациями этого жанрового модуса являются исторический, семейно-психологический и т.д. романы.

Можно предположить, что исторически *филогенетическая* доминанта наследует *онтогенетической*. Радикальную проблематизацию ценностных иерархий нужно

локализовать именно в языке – и не просто в языке, а на том уровне, где происходит сознательная работа, практикующая перенос значений, – литературная практика. Эпоха рождения постромана в литературе ознаменовалась радикальным методологическим сломом, в результате которого предметом ценностного преодоления стала не очередная иерархия, а сам принцип эволюции внутрисловесной семантической иерархии. Под давлением интенсификации интертекстуальных связей постепенно дискредитируется внутрисловесная иерархия значений в системе отношений «прямое значение – метафорическое значение – коннотативное значение – окказиональное значение». Следствием этого, казалось бы, чисто формального процесса становится деструктуризация временной иерархии, которая формирует жанровую перспективу. Дело в том, что именно идеальный проект приоритета прямого значения в конкретных словоупотреблениях обладает онтологическим приоритетом в формировании всех ценностных иерархий постольку, поскольку идеальные завершения этих иерархий формируются в сфере языковых символизаций.

На уровне той же словесной игры постмодернисты столкнулись с ограничением, ранее им неизвестным: такой известный прием, как остранение, потерял свое обоснование и стал вообще неэффективным. В той или иной степени эти рассуждения касаются всех иронически игровых практик: все они требуют как онтологического обоснования иллюзии *прямого значения*, и, соответственно, все они обесцениваются с отменой этой перспективы.

Само остранение становится непосредственным предметом остранения в прозе постмодерна. Этот род эстетико-литературной активности наследует «цитатному» периоду. Вытеснение остранения не является частью осознанного эстетического намерения, оно входит в процесс интертекстуальной рефлексии и текстуальной авторефлексии и опосредованно, через событие остранения жанровой модели, откладывается в специфических сюжетных решениях конкретных произведений.

Наиболее глобальным следствием деактуализации внутрисловесной семантической иерархии является утверждение в рамках новой эстетической «программы» жанровой доминанты атемпоральности. Отмена внутрисловесной семантической иерархии инспирирует атемпорализацию авторской интенции. В результате любой фрагмент повествования чреват потерей временной, иерархизирующей перспективы; ценностного наполнения лишаются как зачин, так и сюжетное завершение истории. Атемпоральность как лейтмотив построманной жанровой парадигмы позволяет в определенной степени скорректировать некоторые устоявшиеся оценки постмодерна.

На определенном этапе литературного развития романное многоязычие, атрибутивный признак романного слова, его стилистическая трехмерность (М. Бахтин), превратилось в актуальную ментальную данность – положительно значимое *отсутствие* одного («правильного») языка. Это обстоятельство решающим образом повлияло на структуру жанрового мышления. Повторим: отсутствие единого языка следует мыслить не как стимул к осмыслению и «исправлению» этого недостатка, а как действенный фактор формирования литературного мышления. Глобальным следствием деактуализации внутрисловесной семантической иерархии является утверждение в рамках новой эстетической «программы» *доминанты атемпоральности*. Между остранением жанра как формальной доминанты построманного дискурса и атемпоральностью как сюжетной доминанты повествования невозможно установить прямые причинно-следственные связи. Эти две субдоминанты являются двумя коррелирующими факторами формирования построманного высказывания. Как следствие, ценностного наполнения лишаются как зачин, так и сюжетное завершение истории.

Жанровая синтетичность романа постмодерна в таком ракурсе предстает не результатом осмысленного, почти теоретического решения того или иного автора, а *эффектом* объективной закономерности литературного процесса. Так, английский роман второй половины XX в. тяготеет к сочетанию в едином тексте сразу нескольких жанровых структур, сформировавшихся в эпоху викторианства: романа воспитания, семейно-

психологического романа, исторического романа, наконец, детектива. Каждая из этих жанровых структур вполне укладывается или в онто- или в филогенетическую жанровую доминанту, в центре каждой из них – событие значимого изменения, преобразования, открытия, пусть запрограммированного и всегда ожидаемого, как раскрытие преступления в детективе. Моральная эволюция героя находится в центре внимания «критических реалистов», их художественной поиск проникнут пафосом реальности границы каждого отдельного жанра, обладающего собственной природой. Построман тяготеет к сведению этих жанровых моделей воедино не ради пародийной отмены их претензий на эстетическую значимость, а под влиянием доминанты *атемпоральности*. Деактуализация временной иерархизирующей перспективы высвобождает опыт причастности к событию *воссоздания* мира – в отличие от *обновления* его в свете рутинных темпоральных иерархий. Рутинное существование, иерархизированное ценностно гетерогенными временными перспективами, поглощает опыт *творческого воссоздания* мира как целого. Построманный дискурс высвобождает опыт этого воспроизводства.

Этот однозначно положительный опыт оказывается, в свою очередь, поглощенным при попытках романной интерпретации построманного дискурса. Атемпоральная поэтика *воспроизводства* в контексте темпоральной одержимости новизной (преобразованием) выступает источником девальвации основных концептов иерархизированного существования, таких как авторство, истина, исторический и моральный прогресс и т.д. На самом же деле атемпоральная жанровая доминанта постромана создает онтологически реальную среду причастности человека к *аконкурентной, деиерархизированной субъективности*, целиком и исключительно воплощаемой в пределах построманного высказывания.

1. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* М. 1975.
2. Кухаренко В.А. *Интерпретация текста.* М., 1988.
3. Толстых О.А. *Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог: на материале романов А.С. Байетт и Д. Лоджа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.*
4. Томашевский Б.В. *Теория литературы. Поэтика.* М., 1999.
5. Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино.* М., 1977.
6. Христиансен Б. *Философия искусства.* СПб., 1911. С. 204.
7. Якобсон Р. *Язык и бессознательное.* М., 1996.
8. Hassan I. *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture.* Ohio State University Press, 1983.
9. Hutcheon L.A. *Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction.* N.-Y., London: Routledge, 1999.
10. *Rereading Victorian Fiction.* Palgrave Macmillan, 2002.

Л.В. Гриченко
L.V. Grichenko

ПРОБЛЕМА СТАТУСА И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОСЛОВИЦЫ

THE PROBLEM OF PROVERB IDENTIFICATION AND ITS DIFFERENTIAL CHARACTERISTICS

Статья посвящена выделению и описанию дифференциальных признаков пословиц, уточнению статуса пословицы в системе речевых и языковых явлений. Предложенная система критериев учитывает фольклорные и языковые характеристики пословиц. В качестве дифференциальных признаков выделяются: полифункциональность, обобщенность, экспрессивность, структурная, логическая и интонационная завершенность. Пословица определяется как уникальная единица, совмещающая признаки единиц разных уровней языка (вторичного знака, предложения, этно-лингвокультурного мини-текста особой структуры).

Ключевые слова: пословица, поговорка, полифункциональность, обобщенность, экспрессивность.

The article is devoted to the question of the proverb identification in the system of language and speech means. The author touches upon the problem of differential characteristics of a proverb, including folklore and language features. Polyfunctionality, generalization, expressiveness, structural, logical and intonation completeness are given as the main distinctive characteristics. A proverb is defined as a unique unit that combines features of different language levels (secondary signs, sentences, ethno-lingvokultural mini- texts of special structure).

Key words: proverb, sayings, polyfunctionality, generalization, expressiveness.

Пословицы относятся к одним из тех наиболее трудноопределимых образований, самобытный характер которых не позволяет однозначно рассматривать их ни как явления языка, ни как явления речи, требуя выделения и уточнения дополнительных дифференциальных признаков.

На протяжении развития филологической науки ученые среди характеристик пословицы выделяли народность, лаконичность, остроумие, общеизвестность, краткость, вездесущность и законченность. Вместе с тем, перечисленные признаки не могут выступать дифференциальными, так как характеризуют одновременно либо пословицы и фразеологические единицы, либо пословицы и поговорки.

В совокупности с семантической емкостью, выразительностью и иносказательностью, которые также характеризуют и смежные явления, данные признаки исключают возможность однозначного определения пословиц. В этом смысле наличие определенных релевантных характеристик, объединяющих пословицы со смежными

явлениями – фразеологическими единицами и поговорками, принадлежащими к различным ярусам языковой системы, – служит свидетельством их синкретичной природы, но не идентичности.

Совершенно очевидно, что выделение дифференциальных (типологических) признаков пословицы требует своего рассмотрения на стыке паремиологии, фразеологии и фольклористики: «паремии занимают промежуточное положение между единицами языка и фольклора, точнее: относятся и к языку, и к фольклору в одно и то же время» [4, 250]. По мнению А.В. Жукова и К.А. Жукова, «одной из актуальных задач современной фразеологии и паремиологии является... объективный поиск и нюансировка явлений переходного характера» [3, 57].

Многоаспектная природа пословичного изречения – порождение устной речи, позднее получившее знаковую фиксацию в системе языка, – требует рассмотрения пословицы в аспекте ее синкретичности. Как единица языка она характеризуется знаковым выражением, оформляется в законченное клишированное предложение, воспроизводимое в типовых ситуациях; как единица речи – представляет собой коммуникативно-прагматический омокмплекс, реализующий от одной до трех потенциально заложенных функций; как единица фольклора (паремия) – имеет прочную устную традицию. Данный факт исключает возможность понимания пословиц как единиц, однопорядковых фразеологическим, и не позволяет объединять поговорки и пословицы в единое явление.

Более того, спорным представляется статус пословиц не только в аспекте смежных явлений, но и в дихотомии языка и речи, фольклора и лингвистики: пословица обнаруживает крайнюю самобытность жанровых и функциональных характеристик, тяготея и к лингвистике, и к фольклору. Любопытным представляется и тот факт, что в единой системе фольклорных жанров место пословицы также не определено.

Факторами, детерминирующими подобное положение пословицы, могут служить как сложность самого явления – «проблема размывания границ между жанрами, как и возможность неоднозначной интерпретации... вытекают из самой природы паремий и из специфики их бытования» [2, 8], – так и то, что жанры фольклора часто рассматриваются не в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а в отрыве. Отсутствие учета отношений взаимодетерминации породило целый набор явлений с невыделенной системой дифференциальных признаков и, как следствие, в настоящее время «стало обнаруживаться все больше переходных, гибридных, полулитературных-полуфольклорных форм, которые противоречат четким теоретическим классификациям» [6, 26–27]. К их числу справедливо, по нашему мнению, отнести и пословицы.

Межжанровые связи в фольклоре, взаимовлияние и переплетение характеристик различных единиц являются свидетельством их существования и функционирования в единой системе. Сказанное доказывает правомерность определения статуса пословицы как синкретичного явления. В этом случае возникнет возможность выделения набора дифференциальных признаков, способных отграничить пословицу от смежных явлений в языке и фольклоре, а также определить характер отношений между родственными явлениями.

Таким образом, пословица выступает уникальным явлением, совмещающим признаки единиц разных уровней языка и разных жанров, и должна рассматриваться как самостоятельное образование, отличное от смежных, но обладающее определенным набором релевантных характеристик, сближающих их. Сложная природа пословицы, уникальность жанровых и языковых характеристик, тяготение и к лингвистике, и к фольклору, одновременное соответствие и законченному предложению, и особому типу вторичного (языкового/речевого) знака, способного расширять свое содержание до этнолингвокультурного мини-текста фольклорного жанра, бытующего как художественно-обработанный, четко структурированный знак ситуации, – и есть основа ее синкретичного статуса, не позволяющая рассматривать пословицу как единицу фразеологического фонда или единицу, равнозначную поговорке.

Указание на переплетение фольклорного и языкового в пословице содержится и во взглядах В.Я. Проппа, согласно которым «генетически фольклор должен быть сближаем ... с языком, который также никем не выдуман...» [5, 22], и свидетельствует о размытии границ языкового и речевого, устного и письменного, фольклорного и строго лингвистического. Таким образом, в основу определения (системы) дифференциальных признаков пословицы должно быть положено, прежде всего, ее генетическое родство с фольклором, которое детерминирует наличие языковых и речевых признаков, свойственных пословице. Обращаясь к строго фольклорным характеристикам пословицы, мы, прежде всего, выделяем устность происхождения, народность, коллективность, тематическое единство, безличность, экспрессивность и эмотивность.

Перечисленные фольклорные характеристики пословицы, по нашему мнению, непосредственно связаны с языковыми. Именно они лежат в основе текстовых признаков пословицы, в возможности рассматривать ее как «этно-лингвокультурный мини-текст, выражающий в концентрированном виде сведения и знания о культуре народа, содержащий оценки и характеризующийся своей поэтикой» [1, 146]. Они же детерминируют обобщенность общего содержания и отдельных лексем, диалогичность, знаковую и функциональную асимметрию, облигаторную экспрессивность и возможную эмотивность.

Другими словами, учет фольклорных и языковых характеристик пословицы отражает сущность явления, способствуя отграничению ее от смежных единиц. Данный факт, исключая возможность узкого толкования пословиц лингвистикой или фольклористикой, позволяет разделить существующую в пословице совокупность признаков, на релевантные, в некотором смысле сближающие ее со смежными явлениями (поговорками и ФЕ), и дифференциальные, способные отграничить от других явлений, указывающие на самобытность пословичного изречения.

Помимо этого, пословичные признаки могут подразделяться на обязательные (постоянные) и факультативные; первые – характеризуют все единицы данного класса; вторые – имеют переменный характер, могут встречаться в отдельных единицах, но являются показателем большинства, могут зависеть от конкретных условий реализации или экстралингвистических факторов. Например, возможное буквальное понимание целью оформленной единицы, эмотивность пословицы, равно как и ритмическая организация синтаксической структуры, относятся к ее факультативным признакам.

Релевантные и дифференциальные признаки состоят, в свою очередь, из набора укрупненных и частных признаков, которые находятся в отношениях взаимообусловленности и нередко имеют зоны пересечения. К примеру, законченность синтаксической структуры пословицы органически связана с логической и интонационной завершенностью, наличием коммуникативной функции, интенциональностью, отсутствием необходимости синтаксического окружения. Дидактичность пословиц, рассматриваемая как генетическая назидательность, находится в отношениях взимодетерминации с оценочной, обще-назидательной и побудительной семантикой, которая, в свою очередь, свидетельствует о полифункциональности пословиц и их контекстной обусловленности.

К релевантным признакам пословицы и фразеологической единицы можно отнести: лаконичность, краткость, ясность, общепотребительность, клишированность, постоянство лексического состава и местоположения компонентов, целостность, воспроизведение в готовом виде, устойчивость, сверхсловность, образность, экспрессивность и т.д.

В дифференциальные характеристики пословиц справедливо включаются: структурная завершенность, логическое соответствие суждению, эквивалентность предложению, генетическая дидактичность и назидательность, возможность прямого толкования компонентов, а также целью оформленной единицы; контекстуальная обусловленность, устность происхождения, народность, коллективное авторство, одновременная принадлежность к языку и речи, межжанровость, отсутствие необходимости в синтаксическом окружении, полифункциональность, способность формировать значение и функции в фольклорно-оценочной сфере, обобщенность семантики при прямой,

косвенной, формально отсутствующей номинации субъекта, автономность, самоисчерпываемость.

К релевантным характеристикам пословиц и поговорок нами относятся: фиксация народного сознания, принадлежность к малым фольклорным формам, устность происхождения, народность и коллективное авторство, общеизвестность, межжанровость, одновременная принадлежность и к языку, и к речи, устойчивость, целостность, воспроизведение в готовом виде, сверхсловность, клишированность, постоянство лексического состава, постоянство местоположения компонентов, целостность, мотивированность целой единицы значениями ее элементов, стилистическая окрашенность, способность формировать значения и функции в фольклорной сфере, словное распределение иносказания.

После рассмотрения системы релевантных признаков пословиц и поговорок становится очевидным, что они как близкородственные явления, совмещающие признаки речевого и языкового, могут быть противопоставлены (дифференцированы) только по языковым характеристикам, тогда как в основу различия пословиц и фразеологических единиц кладется, в первую очередь, наличие фольклорного начала в пословицах. Подобной точки зрения придерживается и О.Е. Фролова, которая полагает, что «пословица отличается от поговорки по общности/конкретности и наличию/отсутствию иносказательного смысла» [7, 49].

По нашему мнению, круг дифференциальных характеристик пословиц и поговорок несколько шире и включает: полифункциональность пословиц, обобщенность семантики, не допускающую конкретизацию временной и адресной составляющих вне контекста; синтаксическую завершенность суждения пословицы и соответствие поговорки формально незамкнутому предложению, которое может быть включено в пословицу. Также к дифференциальным признакам относятся: наличие иносказательности одновременно на нескольких уровнях в пословице (на уровне компонентов и цельнооформленной единицы), тогда как в поговорках иносказательность характеризует только отдельный образ; дидактичность пословиц, закрепленная в форме прямых, косвенных и скрытых директивов, первостепенная реализация пословицей назидательной и оценочной семантики, а поговоркой – экспрессивной, структурная простота поговорки, разложение содержания пословицы до текста со своим выводом, моралью, сюжетом и действующими лицами.

На основании сказанного представляется очевидным самобытный характер пословичного изречения. Логичным оказывается и то, что при выявлении сходства с поговорками и фразеологическими единицами наблюдается первостепенное родство с поговорками, что обуславливает большой набор их релевантных фольклорных характеристик. Подобная ситуация объясняется изначальной принадлежностью и тех, и других к фольклору, что в значительной степени осложняет выделение дифференциальных признаков данных единиц, а также определение их самостоятельного статуса в фольклорной и лингвистической парадигмах.

Тем не менее, выделенные ключевые признаки (завершенность/незавершенность структуры; обобщенность/конкретность; полифункциональность, дидактичность, текстуальность, первоочередность выражения экспрессивной, директивной, оценочной семантики и т.д.) в большинстве своем способны дифференцировать смежные явления (пословицы, поговорки, фразеологические единицы).

Образуя систему, данные признаки характеризуются отношениями взаимодетерминации, а иногда и взаимоперехода. Например, полифункциональность пословиц как дифференциальный критерий связана с логической, структурной и интонационной завершенностью, а также варьирующейся временной и адресной направленностью. Дидактичность обуславливает репрезентацию семантики общего назидания, побуждения и оценки, то есть свидетельствует о полифункциональности; признаки обобщенности и диалогичности пословиц находятся в отношениях взаимодетерминации с текстуальностью пословичного изречения, его законченностью.

Немаловажным аспектом оказывается и то, что текст пословицы облекается в конвенционально закрепленную экспрессивную оболочку, которая находит свое выражение и в лексике, и в семантике, и в синтаксисе пословицы. При этом обязательная для пословиц экспрессивность может рассматриваться если и не как строго дифференциальный критерий при отграничении от поговорок, то как дополнительный – к разграничительным. Семантика экспрессивности пословиц, в отличие от поговорок, является вторичной, первичными выступают значения побуждения, оценки, общего назидания.

Вместе с тем, вербализация заложенной в пословицу семантики экспрессивности осуществляется языковыми средствами, принадлежащими к определенным языковым категориям, результатом работы которых является богатый лингвостилистический потенциал пословичного фонда и пословиц. Таким образом, мы смеем предположить, что пословица как явление языка и речи через набор языковых категорий дублирует основные средства репрезентации семантики экспрессивности, характерные, прежде всего, для фольклора и фольклорных текстов. Совокупность лингвостилистических средств, используемых в пословице и совпадающих с построением фольклорного текста, сводится к следующим: метафора (олицетворение), контраст, ирония, повтор, структурный параллелизм. Именно эти лингвистические средства, характерные для построения пословичного изречения, аккумулируют семантику экспрессивности и оценочности, интенсифицируя общее содержание пословицы и всего контекста.

Данный взгляд соотносится с пониманием того, что любой текст, в том числе и пословичный (уникальный по формальным и содержательным признакам), имеет экспрессивность как постоянную текстовую характеристику, которая формируется в момент возникновения текста. Следовательно, в отношении пословиц уместно говорить не только об оценочности как генетически заложенной характеристике, но и экспрессивности, которые в совокупности призваны оказывать прагматическое воздействие на адресата.

В совокупности система дифференциальных признаков пословицы знаменует совмещение языковых и речевых признаков, позволяя выявлять и частные характеристики пословиц, которые также вписываются в систему релевантных/дифференциальных, постоянных/факультативных признаков. Более того, предложенная система дифференциальных признаков, построенная на принятии синкретичного характера пословичного изречения, одновременно тяготеющего и к фольклору, и к языку, и к вторичному этно-лингвокультурно маркированному мини-тексту, и к вторичному знаку, учитывает все стороны пословицы как явления: синтаксис, лексику, семантику, коммуникативное и прагматическое функционирование.

1. Гриченко Л.В. Пословица как особый вид текста: проблема статуса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 144–147.
2. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц и полифункциональность текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
3. Жуков А.В., Жуков К.А. К вопросу о существенных свойствах и систематической классификации фразеологизмов // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 36. С. 55–58.
4. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 247–275.
5. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
6. Чистов К.В. Специфика фольклора в аспекте теории информации // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 26–44.
7. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007.

С.Ю. Дубровина
S.Yu. Dubrovina

**ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТЕНОГРАММА
ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ:
СПОСОБЫ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА⁷**

**IDEOGRAPHICAL SHORTHAND OF CHURCH
LEXIS IN THE RUSSIAN DIALECTS:
DATA PRESENTATION METHODS**

Многогранный образ мира, существующий в сознании носителей той или иной религии и культуры, фиксируется языковой системой языка. В настоящей статье представлены подходы автора к построению идеографической схемы вероучительной семиотики русских диалектов. Лексика религиозной сферы русской цивилизации отмечена богатством и разнообразием состава языковых единиц для описания ментально значимых объектов. Лексическая разработанность этой сферы в русских говорах проявляется в наличии обширной идеографической стенограммы составляющих, которая наличествует и в исторически сопрягаемых языковых системах – церковнославянской и русской литературной. Эти особенности выделяют русский язык среди иных в отношении аксиологической акцентированности земного и небесного.

Ключевые слова: русский язык, русские диалекты (говоры), лексика, идеографическое описание, идеографическая стенограмма, лексическая отмеченность, языковая картина мира.

Versatile world picture of some culture and faith bearers is fixed by language system. The present article represents author's methods for creation of Russian faith dialects ideographic system. Russian religious language is versatile and rich by its lexical units' composition describing mental valuable objects. Its lexical profoundness is shown in Russian dialects by wide ideographical shorthand of components. It is also represented in another similar by its historical value systems - Church Slavonic system and Russian literary system. Such features are marked out Russian language from another with its axiological accent between earthly and heavenly.

Key words: Russian language, Russian dialects, lexis, ideographical decription, ideographical shorthand, lexical accent, language picture of the world.

Многогранный образ мира, существующий в сознании носителей определенной религиозной и культурной цивилизации, фиксируется языковой системой языка. Обращаясь к исследованию фрагментов языковой картины мира, лингвисты целенаправленно

⁷ Издание статьи осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00017.

чрезвычайно важным выделение ключевых универсальных менталий, анализ их специфики и структуризацию семиотического содержания. Ценность определенных для этноспецифического сознания сфер выражается в большом количестве лексических единиц в поле тех или иных универсалий и является индикатором их значимости. Семиотическое различие культур, по мнению А. Вежбицкой, заключается в частотности слов, репрезентирующих те или иные области сознания носителя языка, в отмеченности и культурной разработанности ядерных ценностей [4, 27–30, 35–38]. В моделировании идеографической сетки смысловых сфер и репрезентации лексики достигается объективное знание о предпочтительности ключевых слов и концептов. В частности, автор ряда толковых словарей современного русского языка Л.Г. Бабенко применяет в качестве основной лексикографической методологии идеографическое описание лексики, рассматривая его как важный способ выделения ключевых концептов языка и базовых смысловых категорий [1, 3].

Христианская лексика русского языка и его говоров, эксплицирующая самые разнообразны образы, идеи и концепты, может быть представлена в обширной идеографической стенограмме ее составляющих.

Современные исследования показывают, что плодотворность использования идеографии для выявления общности и разнообразия предметов, признаков, действий, объектов и субъектов номинации не вызывает сомнений. Идеографическое описание русской нарицательной лексики можно считать теоретически освоенным и апробированным методом лингвистического анализа.

Последовательность и способы подачи материала, представленного в идеографическом описании, могут быть различными. В рамках исследований семантических полей разных сфер лексического фонда русского языка и разных языковых системных уровней в настоящее время превалирует «антропоцентрическая» логика построения идеограмм. Так, описание денотативного ряда библейских имен во вторичных языковых номинациях, предпринятое екатеринбургской исследовательницей И.В. Родионовой, представляет отагионимические номинации в следующих идеограммах: «I. Человек: 1) физическая сфера; 2) психологическая сфера; 3) социальная сфера. II. Действия человека (ситуации). III. Коммуникация: 1) речевые действия; 2) продукты речевых действий. IV. Хозяйство и быт. V. Мифологические представления и обрядовая деятельность. VI. Природа: 1) метеоявления и их последствия; 2) астральные объекты; 3) географические объекты; 4) флора; 5) фауна. VII. Общие свойства тел и веществ: 1) форма; 2) качество; 3) количество; 4) время» [9, 9]. Последовательность представления идеограмм, предложенная И.В. Родионовой, исходит из антропоцентрической направленности схемы «от человека»: номинации «Человек», «Действия человека», «Коммуникация» открывают идеографическую классификацию, развивая ее до общих представлений, связанных с природой и свойствами тел и веществ. Такая иерархия денотативного ряда оправдана изучением лексики с аксиологических и когнитивных позиций, «возвращающих» человека в язык, «шагающих от человека», активно развиваемых в современной лингвистике работами Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюновой, В.Д. Бондалетова, Т.И. Вендиной, В.Г. Гак 1993; А.Ф. Журавлева, Ю.М. Лотмана, В.В. Морковкина, Т.М. Николаевой, Ю.С. Степанова, С.М. Толстой, А.Д. Шмелева и мн. др.

Лексические единицы (в первую очередь это положение касается вторичных номинаций), во-первых, выявляют ценностное отношение человека к реалиям с точки зрения их соответствия его интересам и потребностям; во-вторых, эксплицируют познавательное отношение к действительности. Анализируя проблемы формирования языковой картины мира сквозь призму словообразования, Т.И. Вендина на материале русских говоров убедительно доказывает, что «лексический уровень языка ... ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира, позволяя увидеть реальную классификацию человеческого опыта, так сказать, “субъективную реальность” того или иного народа» [5, 223]. Структурная организация иерархии семантических сфер «русского

макрокосма», в формировании которого участвуют словообразовательные средства, схематически представлена ученым в том же антропоцентрическом ключе: человек → растительный мир, животный мир, ландшафт, небо и небесные тела [5, 223].

В работе, посвященной символике белорусской народной культуры, Я. Крук ориентирует семиотическое пространство народной культуры в концентрических объемах: «чалавек і час», «чалавек і яго лёс», «чалавек і яго род», «чалавек і свет», «чалавек і Сусвет» [10, 349].

Е.Л. Березович координирует этнолингвистическое исследование топонимии Русского Севера «...в различных версиях пространственных отношений, спроецированных на фигуру осваивающего человека» [3, 12].

Христианская лексика носит антропоцентрический характер, так как направлена на человека, осмысляющего духовные ценности религии во всем пространстве жизнедеятельности. Антропоцентризм лексики, эксплицирующей представления о вере и церкви в русском континууме, заключается в разнообразии тематики народного православия и образности его языкового выражения, формирующих отношение человека к миру природы и окружающим людям.

На основе тематического деления диалектной лексики веры и церкви мы предлагаем определенный порядок семантических полей и идеограмм. При этом мы опускаем рассмотрение фактов ономастического и топонимического порядка, обращаясь к ним лишь изредка в качестве иллюстраций. Отдельно не рассматривается также такая специфическая тема этнической традиции, как народная медицина. Языковые реализации данной тематической группы лексики распределяются по другим заявленным «темам» («акции», «артефакты» и др. нижеперечисленным).

Мы рассматриваем христианскую лексику как объединенную в семантические поля (лексико-семантические поля).

Семантическое поле мы определяем как обширное собрание слов (манифестантов лексики), формально представленное своим деривационным рядом, сложившимся на денотативной основе (особенно это касается слов-ономатем), и семантикой – сигнификативной основой, отражающей «идею» поля (последнее особенно касается абстрактных именованных). При этом денотат некоторой языковой единицы мы рассматриваем как объект действительности (вещь, свойство, отношение, ситуация, состояние, процесс, действие), «которые могут именоваться данной единицей в силу ее языкового значения» [12, 128]. Денотат обнаруживает соприкосновение языковой сферы с уровнем действительности и отражает маркирование номинациями объектов действительности. Сигнификат представляет «понятийное содержание языкового знака» и «с гносеологической точки зрения представляет собой отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата». Он противопоставлен денотату «как идеальное, психическое образование – материальному» [12, 444] и раскрывает содержание понятия, заложенного в единице именованного (прецедентный мотив, оценку, сакральность имени и т.д.).

Отбор составляющих семантического поля определяется семантическим соответствием единиц номинации социальным, культурным, психологическим темам – манифестантам общей идеи смыслового пространства поля. В поле могут войти и языковые знаки на формальном основании, то есть номинации, образованные от ключевых слов христианства, но семантически не связанные с ними напрямую (ср. *ад* в значении «брань, ругань»). Важно наличие семантического единства лексемного инвентаря по той или иной лексической «теме» и ориентация на общность внеязыковых сущностей (реалий, действий, явлений, традиций), отраженную в языке.

«Оглавление» семантических полей соответствует названиям тематических групп лексики. Тематическая дифференциация слов по праву является одним из традиционных и теоретически освоенных способов представления лексического материала.

Описательная эмпирическая часть систематизированного макрополя лексики веры и церкви представлена в ряде наших работ [7; 8].

Семантическое поле состоит из идеограмм, составляющих второй уровень классификационной иерархии. Идеограммой называются лексические реализации заданного смысла одной из полевых версий христианской лексики – антропонимической, признаковой, акциональной, зоонимной, астральной, предметной, обрядовой, ономастической, топонимической... – и, одновременно, условное обозначение, идентифицирующее эти лексические реализации. Включение номинаций в одну идеограмму мотивировано семантическим основанием.

Отличие семантического поля от идеограммы заключается в широте охвата явления: в поле может входить несколько идеограмм. Так, например, семантическое поле «календарь» включает в себя идеограммы «праздники», «посты», «моделирование времени»; семантическое поле «персонажи и образы народной веры» – идеограммы «святые помощники», «лица Ветхого Завета», «активный библейский именовослов» и «силы зла»; семантическое поле «флора» – идеограммы «травянистые растения», «народная микология», «деревья», «лес» и т.д. Внутри идеограмм могут быть свои уточняющие разделы (рубрикаторы).

Идеограмма, как и семантическое поле, может быть представлена с позиций трех аспектов: денотативного, выраженного в заглавном слове; сигнификативного, воплощенного в манифестантах и пояснениях к ним; структурного, реализованного в отношениях деривации к исходной лексеме. В идеограмме наиболее полно реализуется сигнификативная функция лексики и определяется структура номинаций.

Крупные по составу идеограммы содержат заглавные слова, которые обобщают семантику нескольких однородных номинаций и придают status quo идее, заключенной в них. Заглавная лексема детальнее, чем идеограмма, идентифицирует значение относящихся к ней диалектных реализаций (или манифестантов лексики), которые раскрываются в контекстах (пояснениях информаторов и собирателей). Идеограммы и заглавные лексемы подаются на литературном языке, манифестанты идеограмм представляют диалект.

При раскладке материала, собранного по словарю В.И. Даля и на основе аутентичной картотеки тамбовских говоров, количество семантических полей было определено числом 18, количество идеограмм – числом 99. В итоге созданная матрица религиозной семиотики в языке была представлена как структурно обозначенная и иерархически субординированная концептосфера христианства.

Эксплицированность религиозной семиотики в языке отражается в градационном построении семантических полей и идеограмм:

I. Акции: 1) обрядовые действия; 2) необрядовые действия; 3) вера; 4) чудо; 5) звуки, речь; 6) волеизъявление; 7) поведение; 8) письмо; 9) игры.

II. Артефакты: 10) святыне предметы и вещества; 11) иконы; 12) духовное обустройство дома; 13) святыне книги; 14) обряды и праздничный досуг; 15) обрядовая трапеза; 16) одежда и утварь; 17) реалии, связанные с полевыми работами; 18) реалии быта; 19) документы; 20) пища; 21) материалы; 22) реалии мифа.

III. Календарь: 23) праздники; 24) именовослов народного календаря; 25) названия дней; 26) названия недель; 27) посты; 28) праздничное время; 29) моделирование времени.

IV. Конфессии: Названия конфессий: 30) самоназвания; 31) иноназвания. Акции: 32) характерные обряды и приметы; 33) поведение. Артефакты: 34) предметы культа; 35) книги; 36) одежда и облачение. 37) Локусы. Люди: 38) социальное положение; 39) иерархия общины; 40) соматизмы. 41) Молитвы. 42) Пение; 43) Признаки и свойства. 44) Собрания. 45) Этикет.

V. Локусы: 47) этиология; 48) рельеф; 49) локативы, созданные для обряда; 50) место молитвы; 51) место в церкви; 52) место обитания; 53) место захоронения; 54) место работы; 55) вода.

VI. Люди: 56) качественные именованья человека (нейтральные и положительные); 57) качественные именованья человека (оценочные негативные); 58) социальное положение и род занятий; 59) исполнители народного обряда; 60) соматизмы.

VII. Ментальные универсалии: 46) перечисление универсальных концептов христианства.

VIII. Метеорология: 61) метеорологические явления.

IX. Молитвы: 62) народные названия молитв.

X. Небесная сфера: 63) небо; 64) светила.

XI. Персонажи и образы народной веры: 65) лица Ветхого Завета; 66) активный библейский именованье; 67) святые помощники; 68) силы зла; 69) идолы.

XII. Признаки и свойства: 70) характеристика Бога; 71) характеристики людей; 72) характеристики вещей и действий; 73) характеристики праздников; 74) пометы недель и дней; 75) степень качества.

XIII. Состояния: 76) состояние людей; 77) состояние вещей; 78) время.

XIV. Фауна: 79) животные; 80) птицы; 81) насекомые; 82) примечательные особенности живых существ.

XV. Флора: 83) травянистые растения; 84) народная микология; 85) деревья; 86) лес.

XVI. Церковный устав: 87) службы и требы; 88) иерейство; 89) работники церкви; 90) монашество; 91) звания и обращения.

XVII. Числа: 92) названия чисел; 93) чет-нечет.

XVIII. Этикет: 94) восклицание к Богу; 95) эмоции; 96) обращения и призывы; 97) ответ; 98) пожелания; 99) приветствия.

Предлагаемая модель идеографической классификации имеет два плана построения – вертикальный и горизонтальный. Высший вертикальный уровень представляет семантическое поле. Нижние ярусы структуры представлены манифестантами идеограмм и иллюстрациями. На этом уровне схема расширяется в горизонтальном направлении. Левая колонка идеограммы представлена заглавной лексемой, как правило, нарицательной единицей, являющейся в некоторых случаях основой номинации и производящей основой деривационного ряда. По ней можно определить принципы номинации каждой из лексико-семантических групп. Правая колонка содержит единицы номинации, заявленные в идеограмме. Диалектные номинации являются фонетическими, словообразовательными, лексическими вариантами единиц литературного языка и обнаруживают сходство между собой. Далее горизонтальная ось идеограммы увеличивается словарной дефиницией, затем контекстом (при их наличии в словаре или устной записи).

В итоге схема построения одного из типовых семантических полей выглядит таким образом: СП – семантическое поле, ИД – идеограммы (1,2,3...), Р – рубрикаторы (для насыщенных примерами идеограмм), М – манифестанты лексики или словарные дефиниции идеограммы, К – контекст. Мотивирующие контексты, объяснения информантов приводятся по источнику, заключаются в кавычки, содержащиеся в них географические пометы приводятся без изменений, все данные паспортизируются.

Строение идеограммы зависит от содержания лексических единиц, входящих в нее. По нашим наблюдениям, актуальны два наиболее распространенных типа организации идеограмм – формальный и семантико-мотивационный. В первом случае заглавное слово соотносится с манифестантами по морфемному составу и выдерживается производное соотношение «заглавное слово – однокоренные манифестанты идеограммы». Например, капуста – *капустники, капустницы*; красить – *красильная суббота*; простить – *прощенье 'великая пятница'*; ставить под венец – *поставное воскресенье*; агнец – *агнечная просфора*; великий четверг – *четверговая зола, четверговская свеча*; Радуница – *радоницкий хоровод*; Никола – *Никольский хоровод*; Вавилон – *вавилонистый*; крест – *кресты*; лесенка – *христовы лесенки, лестницы*. Во втором типе заглавное слово соотносится с рабочими манифестантами по идее содержания: 'невыносимый' – *адожной, адская злоба*; 'на смерть' – *отходная свеча*; 'освященное' – *кропленое*; 'постный' – *строгий* (среда – строгий день);

‘олады’ – *алялюшки, лялюшки*; ‘древность’ – *с-под Адама*; ‘криво’ – *вавилон*; ‘неясно’ – *бознат*; ‘хорошо’ – *по-божественному*. Номинации христианской лексики ассоциативно соотносятся с общим понятием, выраженным литературно обозначенным заглавным словом.

При возможности использовать и тот, и другой тип организации лексического материала внутри идеограммы мы отдавали предпочтение последнему. Семантическая мотивация (близость символического и реального значений) избирается предпочтительно перед словообразовательной (перечисление дериватов от производящей лексемы).

Приведем пример. Заглавное слово «исповедаться» объединяет манифестанты, производные от разных основ: *исповедаться, быть на духу*; заглавное слово «лечить» объединяет манифестанты *спустить воду с иконы, отчитывать*; «молиться» – *молеbstвовать, прослуживать молебны, молить, молитв, молитвы, шептать, утреневать*; «помянуть» – *поминки, плативенье, родители, сороковины*; «поститься» – *постовать, говеть, аговать, говонуть, говонуться, вговеться, вгавливаться*; «обещание» – *обет, оброк, обычанье; освящать: кропить, святить* и т.д. Во многих случаях с семантическое единство манифестантов дополняется словообразовательным («благословлять» – *благословление, баславить*; «помянуть» – *поминки, горячие поминки*).

Словообразовательный способ подачи манифестантов неудобен для структурно разнородных 2-3-сложных номинаций. В номинациях, представленных двусоставными фразеологизмами, для субстантивных словосочетаний опорной лексемой обычно определяют существительное (*Божьи слезки, Богородицны слезки* – исходная лексема – «слезки»), для предикативных – глагол или причастие (*Богом убитая* – исходная лексема «убитая»). Однако подача по существительному как опорному члену словосочетания не всегда уместна во фразеологизмах по причине особой сакральной обусловленности прилагательного, где именно прилагательное мотивирует основное значение термина: *белое духовенство* – ‘монастырское духовенство’, *черное духовенство* – ‘духовенство приходов’, *белые крестьяне* – ‘крестьяне, приписанные к монастырю’, *адамова вилка* – ‘горсть’, *христовское яйцо* – ‘первое яйцо, полученное на Пасху’ и др. В подобных случаях номинации входят в соответствующие прямым значениям идеограммы с близкими по смыслу заглавными словами – «иерейство», «монашество», «соматизмы», «святые предметы».

Выработка шаблона подачи разнородных фразеологизированных сочетаний отодвинула бы исследование в сторону проработки методической основы структуризации идиом, вопрос о классификации которых решается в лингвистической науке весьма противоречиво [6, 10].

Построение идеографического описания лексических реализаций является важным прогрессивным шагом в разносторонней проработке концепции народно-религиозной семиотики в диалектном дискурсе. В процессе составления «матрицы религиозной семиотики» становится очевидным, что лексика религиозной сферы представлена богатым составом языковых единиц для описания ментально значимых для русской цивилизации объектов, причем границы этого состава могут быть увеличены при поступлении новых фактов. Семантическая разработанность этой сферы очевидна в обширной идеографической стенограмме составляющих диалектную лексику, подобные же структуры одновременно наличествуют в исторически сопрягаемых языковых системах церковнославянского и русского литературного языков. Все это выделяет русский язык среди иных в отношении аксиологической акцентированности к земному и небесному.

1. Бабенко Л.Г. *Большой толковый словарь русских глаголов*. М., 1999.
2. Бабенко Л.Г. *Большой толковый словарь русских существительных*. М., 2008.
3. Березович Е.Л. *Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте*. Екатеринбург, 2000.

4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
5. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: макрокосм. М., 1998.
6. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977.
7. Дубровина С.Ю. Христианская лексика в русском диалектном «изводе»: монография. Тамбов, 2005.
8. Дубровина С.Ю. Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах [электронная монография] // официальный сайт Российского научного гуманитарного фонда. URL: <http://www.rfn.ru/index.php/ru/rezultaty/nauchno-populyarnye-izdaniya/216-scipor2012>
9. Родионова И.В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
10. Символіка беларускай народнай культуры. Мінск, 2001.
11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
12. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

Е.З. Киреева
E.Z. Kireeva

**ЭКСПЛИКАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ РЕПОРТАТИВНЫХ
ЗНАЧЕНИЙ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПОДСТИЛЯ)**

**EXPLICATION OF CORPORATE LINGUISTIC
PERSONALITY BY MEANS OF REPORTATIVE
MEANINGS OF INDIRECT EVIDENTIALITY
(ILLUSTRATED BY TEXTS OF REGION LAWS)**

В статье рассматриваются особенности функционирования эвиденциальных маркеров со значением репортативности – средств репрезентации косвенной эвиденциальности на материале текстов официальных документов. Выявляется специфика лексико-семантических и синтаксических средств ядерной и периферийной зон микрополя репортативности. Обосновывается, что в электронных документах, включенных в справочно-правовые системы, традиционная структура эвиденциального высказывания модифицируется при наличии системы гиперссылок. Определяются интенции коллективного автора документа в документах разных жанров.

Ключевые слова: эвиденциальный маркер, эвиденциальное высказывание, репортативность, интенция, официальный документ.

The article is describing the functioning of evidential markers with the meaning of reportativeness as the means of the representation of indirect evidentiality illustrated by texts of official documents. Peculiar features of lexical-semantic and syntactical means of kernel and peripheral zones in the microfield of reportativeness are specified. The author has argued that the traditional structure of evidential utterance in electronic documents from Law reference systems is modified by system of hyperlinks. The author has revealed intentions of corporate author in the documents of different genres.

Key words: evidential marker, evidential utterance, reportativeness, intention, official document.

Эвиденциальность («медиатив», «индиректив», «конфирматив») является категорией, в которой выражается «отношение говорящего к содержанию своего сообщения как дополнительная информация об источниках основной информации, передаваемой в высказывании» [1, 257]. До настоящего времени вопросы типологии и средства репрезентации этой категории-шифтера (в терминологии Р.О. Якобсона), ее связь с другими

грамматическими категориями составляют предмет научных дискуссий в зарубежной и отечественной литературе.

Изучению данной категории на материале русского языка посвящены работы Н.А. Козинцевой, В.А. Плунгяна, Т.А. Майсака, С.Г. Татевосова, В.С. Храковского, М.Ю. Григоренко и др. Материалом исследования в их работах является быденная речь, естественный язык. Однако интенсивно растущий интерес к рассматриваемой проблематике закономерно предопределяет смещение акцентов, и актуальным представляется выявление особенностей выражения эвиденциальности на материале, для которого естественный язык является субстратом, – языке официальных документов.

Целью статьи является рассмотрение специфики языковых средств – маркеров косвенной эвиденциальности со значением репортативности (далее – ЭМ) и особенностей их функционирования в документах законодательного подстиля официально-делового стиля с целью выявления интенций автора официального документа. Под репортативностью, вслед за В.А. Плунгяном, в статье понимаются значения группы неличной (и, следовательно, не прямой) засвидетельствованности, описывающие различные варианты доступа к ситуации на основании чужих слов [6, 358]. Материалом исследования послужили распорядительные и информативно-справочные документы; выбор текстов обусловлен концентрированностью в них ЭМ. Количественные показатели частотности основываются на сплошной выборке из всего массива документов, включенных в электронную базу данных регионального законодательства КонсультантПлюс: Тульский Выпуск.

В исследовании М.Ю. Григоренко, выполненном в рамках функционального подхода к исследованию языковых явлений в традициях научной школы А.В. Бондарко, эвиденциальность рассматривается как функционально-семантическое поле с предикативным ядром, состоящее из двух микрополей: моноцентричного микрополя прямой эвиденциальности (основанной на непосредственном способе получения информации говорящим) и полицентричного микрополя косвенной эвиденциальности (базирующейся на опосредованном способе получения информации), включающего микрополя пересказываемости (репортативности), инференциальности и перцептуальности [2]. Полевая организация позволяет на основании частотности употребления выявить центральные и периферийные, т.е. менее характерные, специализированные средства передачи репрезентации, т.е. характеризовать категорию более детально.

Группа модусных глаголов речевой деятельности, составляющая ядро лексико-семантических средств внутри микрополя репортативности в текстах документов представлена единицами *говорить, заявлять, объявлять, подчеркивать, указывать*.

Высказывания с ЭМ *указать* (34 словоупотребления) функционируют в контекстах, особенностью которых является описание ситуации конфликта. Это тексты информационно-справочных документов, в которых «следы субъекта» обнаруживаются наиболее явно, поскольку они предназначены для выступления перед аудиторией: отчет, обращение.

Так, в отчете о работе контрольной комиссии ЭМ используется с целью объективной подачи информации: *В результате проверки УФАС по Тульской области установило, что порядок предоставления субсидий муниципальным казенным предприятиям, установленный проверенными постановлениями, не отвечает требованиям ст. ст. 78, 86 Бюджетного кодекса РФ <...>. Антимонопольный орган указал, что решение вопросов местного значения является муниципальной нуждой и в силу положений Федеральных законов от 06.10.2003 N 131-ФЗ и от 21.07.2005 N 94-ФЗ должно происходить с применением публичных процедур – посредством размещения муниципального заказа, администрация города нарушила требования ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6].*

Субъектом-авторизатором является компетентный орган, который обладает

полномочиями в решении вопроса. Если в обыденной речи «...указывая, что передача фактов основана на косвенном свидетельстве, говорящий ставит своей целью информировать о том, что не был очевидцем Р и что у него нет полной уверенности в достоверности сообщаемого, снимая тем самым с себя ответственность за утверждение» [3, 93], то в официальном документе автор преследует противоположную цель: описать ситуацию максимально точно, изложив разные точки зрения, т.е. объективно. Изложение нескольких точек зрения позволяет автору документа сохранить беспристрастность. Объективность изложения достигается посредством модусной категории, поскольку информация в ЭВ априори является достоверной.

Периферийную зону микрополя репортативности в русском языке формируют деепричастия, образованные от модусных глаголов, и имена существительные, семантически связанные с речью [2]. Из всего корпуса единиц фиксируется существительное *аргумент* в документе информационно-справочного характера (*записка* о проблемах взаимодействия органов местной власти и товаропроизводителей с профсоюзами области). Номинация употребляется для описания ситуации конфликта в целях обоснования субъектом-авторизатором своего решения: *Руководители 11 лечебных учреждений г. Тулы <...>, используя аргумент «профсоюз ничего не дает», тоже упразднили профсоюзные организации* [6].

На синтаксическом уровне ядро микрополя репортативности формируется следующими синтаксическими средствами:

I) модальной частицей *якобы* (4 словоупотребления), единственной из частиц, восходящих к глаголам сообщения [3, 93]. Высказывания с этим ЭМ включены в тексты депутатского запроса, обращения, постановления, сообщения. Объединяет эти документы, разнородные по структуре и интенциям, реакция на ситуацию конфликта.

При анализе пресуппозитивного уровня смысла констатирующей части распорядительного документа (постановление) выявлено, что предусловиями, препятствующими констатационному способу передачи информации, являются противоправные деяния (дезинформация, некорректное поведение, т.е. все действия, которые выходят за границы нормы и оцениваются отрицательно): *В результате проверок выяснилось, что на Пронском спиртозаводе Новомосковского района (Стародубцев В.А.) имеют место неоднократные нарушения указанных выше Указа Президента РФ и постановлений Правительства РФ. Имело место, когда спирт реализовывался без нарядов юридическим и физическим лицам, не имевшим лицензии на переработку спирта. <...> Так установлено, что спирт, проданный якобы Новороссийскому винзаводу, нелегально использовался в Тульской области, в т.ч. для производства фальсифицированной водки* [6].

Субъективность автора основывается на уверенности в противоправности деяния, которая маркируется в тексте предикатами *выяснилось, установлено*. ЭМ является показателем существования этих экстралингвистических факторов и сигналом убежденного отрицания достоверности информации. Сема 'предположительность, сомнение в достоверности', дефинируемая словарями, в контексте модифицируется в сему 'уверенность в лживости'. Таким образом, по мнению автора, его статус позволяет давать оценки, выносить решения.

II) вводно-модальными компонентами: *по словам, по мнению, по сведениям, по моим расчетам, с точки зрения, судя по, в соответствии с, ни для кого не секрет, по данным, по расчетам, согласно* и др. В документах этот способ передачи эвиденциальных значений наиболее актуален, в отличие от обыденной речи. Автор документа активно ссылается на сообщения субъекта-авторизатора (как правило, им является компетентный орган) в разных контекстах. Любой орган является представителем государства, выражающим его волю, и наделяется властными полномочиями в пределах своей компетенции, т.е. юридически закрепленными возможностями принимать от имени государства юридически значимые решения и обеспечивать их реализацию. Государство задействует выработанные в ходе исторического развития и многократно апробированные механизмы воздействия на

граждан. Опыт решения задач по управлению государством является проекцией коллективного опыта. Таким образом, ссылаясь на точку зрения властных структур, автор-разработчик считает ее априори верной. Эта особенность стиля соотносится с наблюдением, приводимым в Mithun 1999: 185, о том, что в ряде языков именно показатель непрямого доступа может придавать высказыванию более достоверный характер по сравнению с показателем прямого доступа, в силу того, что в его семантике содержится отсылка не к субъективному личному, а к более надежному коллективному опыту (≈ 'это я не сам придумал, это все знают') [6, 353].

Место конструкций с перечисленными ЭМ по отношению к пропозиции четко фиксировано: это всегда препозитивные структуры, поскольку автор делает акцент на источнике сообщения, подчеркивая тем самым его важность.

Рассмотрим ЭМ по мере убывания частотности.

1) Наибольшая частотность ЭМ *согласно* (7791), в *соответствии* (23339), на *основании* (19493) объясняется тем, что они являются обязательным компонентом констатирующей части распорядительных документов – постановлений, распоряжений, указов, решений, указаний, приказов, реализующих основную интенцию законодательного подстиля – волеизъявление. Эта группа документов относится к нормативным правовым актам – принятым (изданным) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленным на установление, изменение и отмену правовых норм официальным документом.

По Е.Е. Корди, эвиденциальное высказывание (далее – ЭВ) «используется в повествовательных и вопросительных типах целеустановки и не может сопровождать императивные или оптативные высказывания, к которым не применяются ни критерии истинности, ни вероятностные оценки» [4, 256].

Однако в текстах электронных документов справочно-правовых систем «Гарант», «КонсультантПлюс» – зарегистрированных электронных СМИ, являющихся официальным источником правовой информации, традиционная структура ЭВ модифицируется, адаптируясь к условиям письменной деловой коммуникации. ЭВ встраивается в высказывание с директивной интенцией: модус – ЭМ функционирует в качестве косвенного дополнения, а пропозиция (в виде цитации) актуализируется при переходе по гипертекстовой ссылке на первоисточник информации. Таким образом, благодаря свертыванию пропозиции достигается компрессия текста при сохранении его информативности: *Согласно пункту 2.3.13 Областного трехстороннего соглашения между администрацией Тульской области, Тульской Федерацией профсоюзов и Тульским областным Союзом работодателей на 2011 – 2012 годы, в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», решением Собрания представителей муниципального образования Плавский район от 30.08.2007 N 27/185 «Об оплате труда работников муниципальных учреждений муниципального образования Плавский район, финансируемых из бюджета муниципального образования Плавский район», на основании статьи 41 Устава муниципального образования Плавский район администрация муниципального образования Плавский район постановляет... [7].*

Таким образом, ЭВ со свернутой пропозицией включается в высказывание с директивной интенцией (а именно в констатирующую часть распорядительного документа) в целях обоснования управленческого решения (автор ссылается в первую очередь на федеральные документы, а затем на региональные). Если в естественном языке, по наблюдениям Р. Ницоловой, «цитатив выражает дистанцированность, связанную с отсутствием оценки истинности пропозиции со стороны говорящего, так как передается оценка истинности пропозиции другим лицом» [5, 154], цель цитирования (имеется в виду свернутое цитирование) в констатирующей части распорядительного документа противоположная. Система гипертекстовых ссылок отражает согласованную работу органов законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровней

власти и демонстрирует преемственность законодательства, являющееся гарантом его стабильности.

2) Частотность ЭМ *по данным* (943). Целью коллективного автора документов статистического характера (статистический бюллетень, экспресс-информация) является информирование граждан и юридических лиц о социально-экономических показателях: об исполнении территориального бюджета, изменении потребительских цен, естественном движении населения, миграции населения и др. Поскольку документы отражают объективную картину действительности и беспристрастно констатируют социально значимую информацию, в них отсутствуют выводы: *По данным министерства финансов Тульской области консолидированный бюджет на 1 апреля 2013 г. исполнен с профицитом 3324,3 млн. рублей (на 1 апреля 2012 г. – с профицитом 1516,7 млн. рублей)* [7].

3) Если в обыденной речи и других функциональных стилях русского языка единица *по мнению* (130) может коннотироваться, приобретать контекстуально и ситуативно обусловленные оценочные семы сомнения, иронии, несогласия с точкой зрения субъекта-авторизатора, то в документах законодательного подстиля констатируется уважение к точке зрения продуцирующего ее субъекта – компетентного органа или должностного лица (характерна его деперсонализация), и согласие с ней. ЭВ используется в документах разъяснительного характера: *Следовательно, по мнению ФНС России, в случае отказа одного из родителей в пользу другого по причине нахождения налогоплательщика в отпуске по уходу за ребенком или в отпуске без сохранения заработной платы налоговый агент вправе предоставить стандартный налоговый вычет в двойном размере другому родителю* [7].

4) ЭМ *по сведениям* (24), *по сообщению* (7) активно используются автором-разработчиком в документах прогнозного (прогноз), программного (концепция, программа, стратегия) и статистического (доклад) характера в разных целях. Пропозиция представляет собой перечисление сведений о социально-экономических показателях, т.е. информацию статистического характера. Ссылка на источник достоверной информации в документах статистического характера придает документу объективность. ЭВ в программных документах является одним из способов подкрепления или обоснования точки зрения разработчика документа, используется с целью аргументации предложений по решению проблемных вопросов. Закономерно поэтому функционирование ЭМ в тех структурных компонентах паспорта программного документа, которые содержат анализ проблемы: *По сведениям территориального органа Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в Тульской области, численность постоянного населения Тульской области на 1 января 2013 г. составила 1538,7 тыс. человек (по состоянию на 01.01.2012 г. – 1544,5 тыс. чел.). С начала года численность населения уменьшилась на 5,8 тыс. человек, или на 0,38 % (за 2011 г. сокращение населения составило 0,4 %.)* [7].

5) ЭМ *по расчетам* (18) включается в документы программного характера (в части обоснования решения проблемы программно-целевым методом), отчетные и статистические документы. Особенностью синтагматики рассматриваемой единицы является отсутствие актанта-распространителя, т.е. импликация субъекта-авторизатора: *В 2007 г. населению Веневского района, по расчетам, оказано жилищно-коммунальных услуг на 112,2 млн. рублей* [7]. Таким образом, автор не всегда последователен в стремлении быть объективным, поскольку лакуна лишает текст полноты. Авторство документа может проясняться благодаря формуляру, если автор документа является органом статистики (Туластат).

6) Значение контекстного окружения ЭМ *с точки зрения* (135 док.) отличается от обыденной речи: в документах не отмечается ни одного указания на персоналии. Перечислим характерные для него контексты: *(с точки зрения) интересов общественного блага, полноты выполнения принятых обязательств по отношению к ..., проблемы замещения газа другими источниками, потребительских качеств, демографических последствий, экономических интересов предприятий области* и др. Примеры подчеркивают

рационально-искусственную природу законодательного подстиля, служат иллюстрацией его условности. Эти конструкции демонстрируют приоритетность регулирования общественных отношений, подчеркивают системообразующую роль государства.

7) По частотности употребления ЭМ *по словам* (6) (высказывания с этой номинацией употребляются в отчетах, обращениях, решениях) занимает последнее место. Актуализируясь в контексте официального документа, сема 'устно' лишает пропозицию необходимой вескости. Высказывание теряет убедительность из-за не подтвержденной документально информации.

Итак, цели использования эвиденциальных высказываний со значением репортативности в обыденной речи и официальных документах диаметрально противоположны. В документах отказ от констатационного способа передачи информации обусловлен необходимостью соблюдения объективности. Эвиденциальные высказывания с маркерами, формирующими микрополе репортативности, используются коллективным автором, чтобы подчеркнуть объективность информации при описании конфликтной ситуации (в документах справочного, информационного характера), обосновать свои предложения (в документах программного характера), аргументировать властное решение (в констатирующей части распорядительного документа). Активное апеллирование к источникам информации, предоставляемой компетентными органами, демонстрирует самоустранение субъекта модуса от определения истинности пропозиции.

1. Бондарко А.В. *Категоризация в системе грамматики*. М., 2011.
2. Григоренко М.Ю. *Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Белгород, 2011.
3. Козинцева Н.А. *Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)* // *Вопросы языкознания*. М., 1994. № 3.
4. Корди Е.Е. *Категория эвиденциальности во французском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. СПб., 2007. С. 253–291*
5. Ницолова Р. *Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. СПб., 2007. С. 107–196*
6. Плуныян В.А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М., 2011.
7. *Справочно-правовая система КонсультантПлюс: Тульский Выпуск [Электронный ресурс]*. Доступ из локальной сети (дата обращения: 30.10.2013).

*Т.Ю. Колупанова
T.Y. Kolupanova*

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА

THE CONCEPT «RUSSIA» IN CULTURE AND LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN PEOPLE

В статье показано, каким значением обладает концепт «Россия» в русском языковом сознании и какое место занимает данная лексема в общенациональной картине мира. На основании анализа словарных дефиниций слова, фразеологических единиц с данным словом, употребления его в художественных текстах реконструируется признаковое поле концепта «Россия» и описываются его универсальные и специфические черты. Кроме того, на основе концептуального анализа выявляется его ментальное представление и особенности семантической организации в русском языковом пространстве.

***Ключевые слова:** Россия, концептосфера, концепт, концептуальное значение, языковое сознание*

The article shows the importance of the concept of «Russia» in Russian language consciousness and takes his place in the national picture of the world. Dictionary definitions of the word analysis, phraseological units, literary texts demonstrates attributive field concept "Russia", its universal and specific features. In addition, the conceptual analysis reveals the mental representation of the concept and features of its semantic organization in the Russian language space.

***Key words:** Russia, conceptual sphere, concept, conceptual meaning, language consciousness.*

На современном этапе развития лингвистики изучение языка ведется по преимуществу в свете антропоцентрической парадигмы научного знания, в связи с чем, по мнению исследователей, «возникла необходимость изучать язык “внутри нас”» [22, 375] – тот язык, который служит средством накопления, формирования и передачи знаний человека об окружающем его мире. Кроме того, лингвистика конца XX – начала XXI вв. рассматривает язык как отражение сознания, менталитета народа, его культуры и мировоззрения. Под воздействием данных идей в последнее десятилетие активно развиваются научные области, объектом рассмотрения которых является язык как особый создатель и интерпретатор реальности, в которой живет человек. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают такие направления современного языкознания, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Как считает В.А. Маслова, когнитивизм представляет собой «направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны» [10, 6]. Вследствие этого мы можем говорить о том, что когнитивная лингвистика – это отрасль языкознания, занимающаяся исследованием языковой репрезентации мыслительных процессов, протекающих в сознании людей. Лингвокультурология же трактуется учеными как «наука <...>, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [11, 129].

В свете данных направлений носители языка предстают как носители национально-специфических концептуальных систем, строевой единицей которых является концепт. По мнению Н.Ю. Шведовой, «концепт как языковая данность есть уходящее в историю народа понятие, поименованное языком в виде лексического значения слова, лежащее в ментальной, духовной, социальной или физически необходимой жизненной сфере человека, осмысленное средствами дейктической системы языка...» [21, 508]. Важное значение при рассмотрении концепта имеет определение, данное Ю.С. Степановым в работе «Константы: словарь русской культуры»: «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [17, 43]. Другими словами, концепт – смысловая единица языка, включающая в себя те представления, эмоции, ассоциации, оценки, которыми наделяется слово в процессе его функционирования в определенной культурной среде. Как правило, концептами становятся фундаментальные и основополагающие для данного народа явления действительности, имеющие разнообразную языковую репрезентацию в пословицах и поговорках, поэтических и прозаических текстах. Кроме того, по мнению И.А. Мартыановой, «концептуальным потенциалом априорно обладают названия стран, официальные и неофициальные, и слова, производные от них» [9, 290]. Таким образом, вышесказанное позволяет нам говорить о том, что лексема *Россия* представляет собой концепт, отмеченный лингвокультурной спецификой и характеризующий носителей определенных ментальных ценностей. Также стоит отметить, что концепт *Россия* возник не только из лексического значения соответствующего слова. Он представляет собой результат соединения словарного значения с личным и этническим опытом русского народа, о чем и пойдет речь в нашей работе.

Как отмечают исследователи, слово *Россия* впервые встречается в Московской грамматике 1517 г. [19, т. 3, 505] и «до начала XVIII века наряду с наименованиями *Русь*, *русская земля*, *Московское государство*» [13, 473] употребляется как название нашей страны. С 1721 по 1917 гг. данная лексема видоизменяется, приобретая форму *Россія*, и используется «как вариант официального названия Российской империи» [13, 473]. После Октябрьской революции 1917 г. в русском языке окончательно закрепилась словоформа *Россия*, ставшая «неофициальным названием Российской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Советского Союза» [13, 473]. С 1991 г. и по сей день эта лексема используется как наименование страны и как равнозначный вариант названия Российской Федерации и толкуется в словарях следующим образом: «Россия – государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [3, 1129]. Исходя из данного определения, мы можем говорить о том, что одной из строевых единиц концепта *Россия* является сема 'государство'. Но словарная дефиниция дает самое общее представление о значении слова, поэтому, чтобы проникнуть в ментальное содержание концепта, необходимо привлечь самые разные источники: художественные тексты, философские и научные работы, фразеологизмы, пословицы и поговорки, в которых концепт выступает как комплекс ассоциаций, представлений, чувств и эмоций.

По мнению лингвистов, оценочные категории, находящие свое выражение в ключевых культурных концептах, «обладают сильной валентностью на смысловое развертывание» [1, 218] и обширным ассоциативным потенциалом. Поэтому можно говорить об особой важности анализа состава и структуры ассоциативных связей, образуемых словом-стимулом *Россия*. Это, на наш

взгляд, поможет выделить не только ядерные, но и периферийные характеристики данного концепта.

Ассоциативное поле рассматриваемой лексики в «Русском ассоциативном словаре» представлено следующими словами, расположенными в порядке убывающей частотности: *страна* 23; *родина* 16; *мать* 8; *молодая* 7; *матушка* 5; *наша*, *флаг* 3; *великая*, *государство* 2; *березка*, *беспредел*, *больная*, *большая*, *будущее*, *величие*, *в нищете*, *во мгле*, *восстанавливается*, *выругаться*, *гордость*, *гостиница*, *Грузия*, *держава*, *Ельцин*, *звезда*, *концертный зал*, *лес*, *любимая*, *мать ваша*, *мир*, *многострадальная*, *может выжить*, *Москва*, *моя*, *наша Родина*, *нашла себя*, *не знаю*, *помойка*, *простор*, *родина наша*; *родина*, *отечество*, *патриотизм*; *Русь*, *свободная*, *СНГ*, *телевизор*, *терпение*, *90-х* 1 [14, т. 1, 561].

Ядро поля образуют наиболее типовые ассоциаты, отражающие наиболее устойчивые связи концепта *Россия*. Так, самым частотным из них является слово *страна*, что представляется вполне закономерным, так как оно отражает общепризнанное значение рассматриваемой лексики, зафиксированное в толковых словарях, о чем уже говорилось выше. К этому ассоциату примыкают сходные с ним по значению слова-реакции *государство* и *держава*, характеризующие Россию как определенным образом организованное социокультурное пространство с государственным суверенитетом и территориальными границами.

Высокой частотностью также отличается и слово-реакция *родина*. Это говорит о том, что русский человек ощущает свое духовное родство с Россией, которая на протяжении всей его жизни остается самым родным и любимым уголком Земли. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «Родина – это всегда личностное, персональное восприятие “своего” демографического пространства, <...> ценностное отношение к которому для субъекта X определяется тем, что: X родился здесь и с детства ощутил себя в кровнородственной связи с окружающими и с ушедшими поколениями; в этом месте X впервые воспринял себя как “часть” окружающей природы (микро- и макрокосма); X впервые обрел здесь друзей и близких и стал “частью” этого неформального социума; X осознал “свой внутренний мир” среди родных и близких на родном языке и воспринимает себя как “часть” этого общего с ними мира; X овладел здесь родным языком и стал “частью” говорящих на нем; X испытал здесь и продолжает испытывать эмоционально положительное отношение к родным местам, к своим родителям и кровнородственным “корням”, к близким людям, к знакомым с детства традициям, к родному языку» [18, 177]. Кроме того, о душевной сопричастности русского народа к судьбе своей страны говорят и такие ассоциаты, как *отечество*, *наша*, *моя*, *наша Родина*, *родина наша*.

Русский человек ощущает не только духовное, но и кровное родство со своей страной, этим и объясняется появление слов-ассоциатов *мать* и *матушка*. Это еще раз подчеркивает, насколько значимым для русской языковой картины мира является анализируемый нами концепт.

Понятие *России* в русских пробуждает много эмоций, что, конечно же, отражается и на ассоциативном ряде соответствующего слова. Так, можно выделить две полярные группы слов-реакций. К первой относятся положительные ассоциации, выражающие чувства любви, восхищения и гордости, например, *великая*, *любимая*, *величие*, *гордость*, *патриотизм*, *свободная*. Ко второй группе, напротив, примыкают слова, отражающие негативное отношение русских людей к реалиям российской действительности: *беспредел*, *больная*, *в нищете*, *во мгле*, *выругаться*, *помойка*. Данные слова-ассоциаты показывают, что для русского народа характерно очень личное и открытое эмоциональное отношение к своему государству.

Особую группу слов-реакций составляют лексемы, называющие особые национальные атрибуты, без которых уже не мыслится русская жизнь и культура: *флаг*, *березка*, *лес*, *Москва*, *простор*. Приведенные лексемы являются одними из ключевых в русской языковой картине мира, поскольку служат наименованиями значимых и определяющих для нашего государства понятий действительности.

Анализ фактического материала подтверждает мысль В.В. Виноградова о том, что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на

поверхность» [4, 17]. Это, несомненно, сказывается на функционировании концепта *Россия* в речи носителей языка.

На вопрос, какое место в русском народном сознании занимает рассматриваемая нами лексема, поможет ответить анализ пословиц, сконцентрировавших в себе духовный опыт русского народа. Поскольку, по словам ученых, «ядро научной модели концепта *Россия* состоит из двух дополняющих друг друга сегментов – “общество” и “государство”» [15, 154], мы считаем необходимым рассмотреть выражения, характеризующие нашу страну не только как государственный аппарат, но и как общность людей, для которой характерны единые мировоззренческие и поведенческие установки.

Анализ исследуемого материала позволяет выделить несколько семантико-прагматических групп пословиц, относящихся к концепту *Россия*:

1. Россия – страна православная, хранимая богом: *Русский бог велик. Русским богом да русским царем святорусская земля стоит; Земля русская вся под богом; Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля.*

2. Россия привыкла во всем полагаться на авось: *Русский человек любит авось. Русский на авось и взрос; Русский человек любит авось, небось да как-нибудь; Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь.*

3. Россию населяют серьезные и воинственные люди: *Русский человек ни с мечом, ни с калачом не шутит; Русский молодец – ста басурманам конец.*

4. Для России характерен особый склад ума: *Русак умен, да задним умом. Русский назад умен; Кабы у немца наперед, что у русского позади – с ним бы и ладов не было (ум); Русский догадлив (сметлив, себе на уме)* [5, 327–329].

Итак, мы видим, что значение лексемы *Россия* в пословицах обогащается семами «самобытная», «непохожая на других». Кроме того, анализируемые выражения свидетельствуют о том, что рассматриваемый концепт несет в себе отпечаток национального миропонимания и отражает отношение русского народа к самому себе и своей стране. В этом и заключается его историческая и этнокультурная ценность.

Стоит отметить, что концептуальное значение слова *Россия*, по мнению Ю.С. Степанова, «с одной стороны, смыкается с представлениями об особой русской религиозности, или, может быть, лучше будет сказать – об особенностях русской религиозности. С другой – тоже с особым отношением к своей стране и земле как к матери или как к жене» [17, 174]. Первое выразил И.А. Ильин в своем философском труде «О России». Необходимо сказать, что отношение к родной стране как к матери здесь выявляется на фоне родственной взаимосвязи «мать – сын»: «Этим он [русский пророк. – Т.К.] указывает своему народу верный путь к духу и духовности...; и сам останется тем духовным алтарем, вокруг которого собираются и из века в век будут собираться *сыны* его *Родины...*» [8, 20].

Подобное восприятие России находит очень яркое воплощение в стихотворениях русских поэтов. Необходимо отметить, что в произведениях писателей наряду со словом *Россия* широко употребляется лексема *Русь*, представляющая собой поэтическое наименование нашей страны. Так, Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» писал: «Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, *Матушка-Русь!*» [12, 86]. Ему вторил, например, и П.П. Ершов, также считавший Россию матерью русского народа: «Не забыта *мать-Россия* У небесного царя» [6, 34].

Позднее, в XX в., образ Родины-матери в своем творчестве воспевал С.А. Есенин, восклицая в одном из своих стихотворений: «*Россия-мать!* Прости меня, Прости!» [7, 148]. Через образ матери воспринимал свою страну и другой поэт Серебряного века, известный под псевдонимом Саша Черный, писавший: «О, *мать моя, Россия, Русь*, Незыблем трон твой златоглавый, Люблю тебя, тобой горжусь, Многострадальной и державной» [20, 121].

Итак, можно отметить, что в творчестве писателей находит свое отражение национальная персонификация нашего государства. Россия в русском культурном сознании

зачастую мыслится именно как женщина, мать, воспитавшая и взлелеявшая своего ребенка – русский народ.

Вторую точку зрения, отражающую отношение к своей стране, выразил А.А. Блок в цикле стихотворений «Родина», в котором поэт пишет о России как о своей жене: «О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь!» [2, 305]; «Помяни ж за раннюю обедней Мила друга, светлая жена!» [2, 307]; «О, бедная моя жена, О чем ты горько плачешь?» [2, 311]. В данном случае определяющую роль играет духовное родство, которое и обуславливает тесную и нерушимую связь между лирическим героем и его женой – Россией. Необходимо отметить, что подобное отношение к нашей стране не очень широко распространено в общенациональной картине мира, но, тем не менее, оно представляет собой большую культурологическую ценность, потому что предстает перед нами как комплекс ассоциаций, чувств и эмоций, формирующих индивидуально-авторскую картину мира Блока.

Таким образом, анализ различных источников позволяет говорить нам о многогранности и неоднозначности толкования концепта *Россия* в национальном языковом сознании. В культурно-языковой концептосфере значение данной лексики наполняется особым, неповторимым смыслом, возникшим на основе духовных ценностей, национальных традиций и обычаев нашего народа, что еще раз подчеркивает особую важность данного концепта в русской языковой картине мира.

1. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М., 1999.
2. Блок А.А. *Стихотворения. Поэмы*. М., 2006.
3. *Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов*. СПб., 2000.
4. Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1972.
5. Даль В.И. *Пословицы русского народа*. М., 1957.
6. Ершов П.П. *Стихотворения*. М., 1989.
7. Есенин С.А. *Избранное*. М., 1989.
8. Ильин И.А. *О России*. М., 1995.
9. Мартыанова И.А. *Русский текст: концепт «Китай» // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко*. СПб., 1998. С. 290–300.
10. Маслова В.А. *Когнитивная лингвистика*. Минск, 2004.
11. Маслова В.А. *Современные направления в лингвистике*. М., 2008.
12. Некрасов Н.А. *Кому на Руси жить хорошо*. М., 2012.
13. *Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова*. М., 2007.
14. *Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова*. М., 2002. Т. 1.
15. Сергеева Е.В. *Лексическое представление концепта «Россия» в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санька» и сборника «Я пришел из России») // Слово. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)*. М., 2012. С. 151–154.
16. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М., 1957. Т. 6.
17. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. М., 2004.
18. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2000.
19. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* М., 1987. Т. 3.
20. Черный С. *Стихотворения*. М., 1991.
21. Шведова Н.Ю. *К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова: Сб. статей*. М., 2006. С. 506–510.
22. Шулежкова С.Г. *История лингвистических учений*. М., 2008.

И.М. Курносова
I.M. Kurnosova

**СВОДНЫЙ АВТОРСКИЙ СЛОВАРЬ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВНИКА⁸**

**SUMMARY AUTHOR'S DICTIONARY
OF THE REGIONAL VOCABULARY:
PROBLEMS OF THE VOCABULARY ORGANIZATION**

В статье рассматриваются проблемы формирования словника авторского дифференциального словаря, фиксирующего диалектную и просторечную лексику, а также часть устаревшей, относящейся к быту прежней русской деревни. Автор исследует вопросы, связанные с источниками словаря, правилами отбора слов и выражений для словника, определяет форму заголовочных слов разных частей речи, говорит о сложности квалификации языковых явлений как диалектных и просторечных. Исследование нацелено на репрезентацию языковой картины региона на основе совмещенного анализа языка писателей, объединенных общей территорией и одним временным отрезком.

***Ключевые слова:** авторский словарь, дифференциальный, регион, художественный текст, диалектное слово, просторечное слово, словник, форма слова.*

This paper deals with the problems of the vocabulary organization of the author's dictionary which fixes the dialectal, low-colloquial and outdated lexis, related with the old Russian village. The author explores issues of sources of dictionary, rules of word selection, determines the shape of the header words, indicates the complexity of the qualification of linguistic phenomena as dialectal or colloquial. Research is aimed at representation of the region language picture, based on a combined analysis of the language of writers united by the common territory and one period.

***Key words:** author dictionary, differential, region, literary text, dialectal word, colloquial word, vocabulary, word form.*

Рассматривая проблему репрезентации языковой картины мира одного региона на основе совмещенного анализа языка писателей, объединенных общей территорией, мы предприняли попытку дать свод региональной лексики, выявленной в произведениях ряда

⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-48001.

писателей Центрального Черноземья. Объектом рассмотрения стала лексика живой разговорной речи в ее диалектной и просторечной формах, а также часть устаревшей, характеризующей жизнь русской деревни и провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Известно, что этот период в истории русского языка до сих пор остается малоизученным, от него не сохранилось записей живой разговорной речи, а исследования, обращенные к данному периоду, лексику живой разговорной речи рассматривают лишь эпизодически.

Первыми нашими результатами лексикографического представления народно-разговорной речи в произведениях писателей данного региона стали дифференциальные словари языка одного писателя, построенные на материале региональной лексики (Диалектно-просторечный словарь языка Евгения Замятина, 2008; Народное слово в произведениях А.И. Эртеля: словарь, 2009; Словарь народного языка в произведениях И.А. Бунина, 2012).

Анализ полученных словарных материалов позволил прийти к выводу о целесообразности изучения лексики живой разговорной речи региона на материале произведений тех писателей, которые выросли в народно-разговорной языковой среде и являются носителями родных говоров. Полагаем, что в условиях возрастающего внимания современного общества к национальной самобытности русской культуры и русского языка в частности обращение к словарному наследию мастеров слова, отразивших народно-разговорную речь во всех ее проявлениях, представляется актуальным и необходимым.

Продолжением проведенного исследования стал проект сводного словаря «Региональная лексика в языке писателей Центрального Черноземья» на основе лексического материала из произведений И.А. Бунина, Е.И. Замятина, А.И. Левитова, М.М. Пришвина, Т. Чурилина, А.И. Эртеля и других мастеров слова второй половины XIX–XX вв. В современной писательской лексикографии, как известно, сводные словари, построенные на материале произведений ряда авторов, «представлены меньшим количеством образцов, хотя служат объективной основой для описания истории языка русской художественной литературы» [7, 100].

Определяя тип, назначение и задачи создаваемого словаря, лексикограф должен решить «два основных вопроса, от правильного решения которых зависит ценность составляемого словаря: что включать в словарь и как описывать то, что включается в него» [6, 7]. В нашем случае проблемы, связанные с формированием словника дифференциального авторского словаря, построенного на материале произведений ряда писателей, оказались самыми сложными. Попытаемся сформулировать эти проблемы и обозначить возможные пути их решения.

Первая проблема обусловлена существующей в языкознании сложностью квалификации ряда языковых явлений как диалектных или просторечных. Опираясь в стилистической квалификации лексических единиц прежде всего на словарные пометы, мы, безусловно, учитываем существующую в современном языкознании сложность в отнесении тех или иных слов к просторечной или диалектной системе языка и известную зыбкость границ между диалектной и просторечной лексикой, учитываем и известную противоречивость в стилистических пометах словарей как XIX, так и XX вв. Однако наличие специфических (фонетических, морфологических и др.) признаков у слов в диалектной системе языка позволяет квалифицировать многие языковые явления в проанализированных художественных произведениях как территориально ограниченные, диалектные и, следовательно, как обязательные составляющие словника формируемого словаря (*деушка, дыхать, зажмать, иде, наскрозь, ослобониться, пуак, рыга, таперь, уверх, удова, ускочить, шкворец; болеть, закурать, исделать(ся), итить, убечь* и др.).

Специфика просторечия, как известно, также выражается наличием в нем особых языковых явлений, отмечаемых на всех уровнях языка и образующихся из различных источников. Во-первых, это явления, выходящие за пределы диалекта и теряющие свою территориальную ограниченность (экспрессивная лексика – *брехня, лодырь, лохмы, галдеть, гаркнуть, очуметь, очухаться, садануть, шваркнуть*, слова широкого ареала –

оглашенный, оголтелый, очумелый, синонимы по отношению к одним и тем же реалиям: *буркалы – глаза, лохмы – патлы – волосы* и т.д.). Во-вторых, это ненормативные нейтральные в эмоционально-экспрессивном отношении явления, не имеющие территориальных ограничений и в то же время не принятые нормами литературного языка (*вспрашивать, всегда, задаром, куды, надобно, нетути, примать, становить* и др.). В-третьих, просторечную отнесенность получили слова собственно русского происхождения, имеющие дублеты в старославянском языке (*угожать, одёжа, враг, подпущать* и др.), а также иноязычные слова в результате своеобразного преломления их звучания в речи носителей живого разговорного языка (*анчихрист, ахтёр, кальера, комедь, леригия, пачпорт* и др.). Ряд оснований, по которым языковые явления относятся к области просторечия, в разное время был отмечен в работах В.В. Виноградова, В.Д. Девкина, А.Н. Еремина, А.Ф. Журавлева, Е.А. Земской, Г.П. Князьковой, Л.П. Крысина, В.И. Собинниковой, Д.Н. Шмелева и др. исследователей. Среди этих оснований – стилистическая дифференциация русских и старославянских по происхождению слов; специфические в сравнении с литературным языком словообразующие и формообразующие аффиксы; «формальное усложнение слова при сохранении его значения (за счет добавления морфем или знаков)» и «формальное упрощение слова» [1, 64]; использование аффиксов с формальным признаком экспрессивности [см.: 3, 85, 90] и т.д. Эти и другие признаки позволяют рассматривать многие лексемы как просторечные и включать их в словарь разрабатываемого словаря.

Однако существующая в языкознании сложность в разграничении понятий «диалектное слово» и «просторечное слово», нашедшая отражение и в научных трудах, и в словарях русского языка как XIX, так и XX вв., потребовала в ряде случаев «волевого» решения в определении правил отбора слов и выражений для данного словаря. Эти правила были выработаны с учетом стилистических и ареальных помет в словарях XIX (*абы, ан, ахтителный, бесперечь, беспелюха, ведмедь, взгойчиться, взьесться, воп* и др.) и XX вв. (*вешала, всухомятку, дроги, заваять, мамаша, матерок* и др.), фиксации их в СРНГ (*бесстудный, бойчиться, выход, междеворка, долюбить, досвету, дуросветить, жаровый, оморок* и др.) или в одном из региональных словарей русского языка (*лешейбойник*), опирались на фонетические и грамматические признаки диалектных и просторечных слов (*встопоршиться, молонья, туча, дык, дыть*), учитывали лексико-семантическую отнесенность слов к реалиям крестьянского быта (*водовозка, кутузка, отава, полугар, пристяжка, пристяжная, ситник* и др.); они основывались также на результатах опросов современных носителей говоров, предполагали этимологический анализ лексических и фразеологических единиц, не зафиксированных словарями русского языка и не сохранившихся в речи современных диалектоносителей (*баклановка, божеряка, евсяной, жмуриться, шалова*) и т.д. [подробнее см.: 2, 218–222].

Еще одна проблема в формировании словаря данного авторского словаря связана с определением источников словаря. Логика разработки такого словаря диктовала рассмотрение произведений тех писателей, которые, во-первых, родились и выросли в народно-разговорной языковой среде на территории изучаемого региона, во-вторых, объединены заявленным периодом в истории языка и, в-третьих, обращены в своем творчестве к теме деревни и провинциального города. Однако цель исследования – воссоздание языковой картины региона в определенный период развития языка – предполагает, видимо, анализ только тех произведений, которые содержательно соотносятся с территорией исследования. И в соответствии с этим, например, Пришвин, елецкий по рождению писатель, не может быть представлен в данном словаре всеми своими произведениями – из числа источников должны быть исключены его повести и рассказы, написанные в результате путешествия по северу, Заволжью, Дальнему Востоку; из произведений Замятина, лебедянского писателя, видимо, необходимо исключить повести северного цикла; Марко Вовчок, родившаяся и выросшая в одном из сел Елецкого уезда, но известная как украинская писательница, может рассматриваться для данного словаря как

автор лишь нескольких рассказов, территориально, возможно, соотнесенных с изучаемым регионом; для произведений Бунина таким исключением, конечно, должен стать, например, восточный цикл его рассказов.

Если авторские словари монографического типа, т.е. фиксирующие и описывающие лексику только одного писателя, нацелены на лексикографическое представление всего его творчества, что способствует раскрытию особенностей идиостиля писателя в целом, то сводный дифференциальный словарь, построенный на материале произведений ряда писателей, должен, видимо, опираться лишь на тот перечень источников, который определяется отнесенностью произведений к территории региона. Однако и такое решение данной проблемы не представляется безусловно верным. Так, опыт работы над дифференциальными словарями языка одного писателя, отражающими живую разговорную речь, показывает, что многие авторы, будучи носителями родных говоров с детства, используют лексику известного им народно-разговорного языка и в тех произведениях, которые далеки от темы деревни – это, например, встречается в ряде рассказов Бунина из цикла «Темные аллеи».

Еще одним решением данной проблемы могло бы стать обращение ко всем произведениям писателей, но с включением в словарь только той лексики, которая известна в исследуемом регионе. Однако и здесь видимая логика исследования не получает практической поддержки: во-первых, лексика не всех регионов имеет лексикографическое представление (например, елецкие говоры, отраженные в произведениях Бунина, Пришвина и других писателей, до сих пор не получили системного описания и словарной репрезентации); во-вторых, в словарях русского языка, в частности в СРНГ [5], южнорусская лексика представлена значительно беднее в сравнении с севернорусской; наконец, не все выявленные в художественных произведениях слова и выражения вообще зафиксированы в словарях русского языка. Видимо, в данном случае все же основным критерием в отборе источников для словника данного словаря должна стать отнесенность художественных текстов к территории исследования, и в связи с этим в круг источников не войдут те произведения писателей, которые этому критерию не соответствуют.

Следующая проблема связана с определением формы заголовочного слова в словнике словаря. Лексикографическая традиция предполагает фиксацию такого слова в словаре в начальной форме, однако «словарь отражает текст, т.е. связан с речью, основной единицей при этом является словоформа» [4, 276]. Дифференциальность создаваемого словаря диктует включение в него всех зафиксированных в художественных произведениях форм и вариантов диалектных и просторечных слов (акцентологических, фонетических, грамматических, орфографических): *огромадный, агромадный и аграматный; валёк и вялёк; понёва и панёва; будет, буде и будя; за ради и за-ради* (предл. с род. п.) и т.п. При этом функцию заголовочного слова, полагаем, должен выполнять наиболее употребительный, чаще всего встречающийся в произведениях писателей вариант. Остальные варианты указываются в этой же словарной статье (например, в скобках), но каждый из зафиксированных вариантов занимает в словнике словаря свое алфавитное место, сопровождаясь отсылкой к главной словарной статье:

Панёва. См. **понёва.**

Понёва (панёва), ы, ж. Домотканая шерстяная клетчатая или полосатая юбка, собранная в талии на шнур. *Барские не упустили случая... погдумиться над их манерой одеваться: толсто наматывать онучи, носить широчайшие, с бесчисленными складками сапоги, кафтан с приподнятыми плечами и высоким воротом, уродливые кички и паневы у баб.* Эргель. Гарденины. *Носят [дурновские бабы] старинные темно-лиловые поневы с позументом, белый передник вроде сарафана и лапти.* Бунин. Деревня. *Повойники от матерей, от бабок достались... понёвы да сарафаны – домотканые, синие с красными ластовицами, с бахромками, с узорами.* Замятин. Полуденница.

Основные трудности в определении заголовочного слова возникли по отношению к тем лексическим единицам, которые зафиксированы в произведениях писателей только в

производной форме: например, причастные и деепричастные формы при отсутствии в текстах глаголов, от которых они образованы (например, *измызанный* у Эртеля, *вихляясь* у Бунина), или краткие формы прилагательных или причастий при отсутствии в проанализированных произведениях полных форм (*здоров* у Бунина, *вспомянут*, *вывершен* у Эртеля), или формы сравнительной степени прилагательных или наречий без примеров положительной степени сравнения (*струшней* у Бунина, *гожее* у Замятина), или формы повелительного наклонения глагола при отсутствии форм изъявительного наклонения (*балу́й*, *балова́й* у Бунина) и т.д. Теория и практика словарей языка одного писателя доказывает, что в них функцию заголовочного слова должна выполнять языковая единица в той форме, которая зафиксирована в его произведениях, т.е. в форме причастия или деепричастия, сравнительной степени прилагательного или наречия и т.д., т.к. задача такого словаря – показать своеобразие языка именного этого автора. В заявленном же словаре задача иная – дать свод той лексики, которая характерна для данного региона. Пока решение видится в представлении заголовочного слова в начальной форме, даже если она не зафиксирована в проанализированных художественных произведениях. В таком случае заголовочное слово получает толкование без иллюстрирования его примером из художественного текста, а затем указывается производная форма с иллюстрацией. При этом производная форма также получает в словаре свое самостоятельное алфавитное место с отсылкой к той начальной форме, при которой словарная статья разработана. Такой прием, как полагаем, позволяет показать и наличие лексикографируемой единицы в живой разговорной речи, и своеобразие использования ее в художественном произведении:

Кóтная, ж. Беременная (об овце). *Кóтна*, кр. форма. – Неудобство, конечно, от ней [козы] та, что с овцами ее нельзя держать – бьет их дюже, когда кóтна, а зачнет починать, злей собаки исделается, зрить их не может. Бунин. Ночной разговор.

Кóтна. См. котная.

Формы причастий и деепричастий обычно не указываются в толковых словарях, так как они регулярно образуются по правилам грамматики от соответствующих глагольных форм. В данном словаре причастия и деепричастия также рассматриваются как глагольные формы, однако они получают фиксацию в словарной статье, так как являются примерами образований от тех глаголов, которые в произведениях писателей не представлены: *виляясь* (от *виляться*), *залубеневиший* (от *залубенеть*), *замызганный* (от *замызгать*), *запотолоченный* (от *запотолочить*), *изгвазданный* (от *изгваздать*), *перебитый* (от *перебить*) и др.:

Залубене́ть, ёю, сов. Затвердеть, стать жестким, твердым, как лубок. *Залубене́виший*, ая, ея, прич. *Надрав, он пошевелил пальцами ступни, взял в обе руки онучу, залубеневишую, вогнутую и черную в тех местах, что были на пятке и подошве, – точно натертую черным воском...* Бунин. Ночной разговор.

Залубене́виший. См. залубенеть.

Вопрос о внесении имен собственных в словарь остается пока открытым, хотя, как полагаем, такая лексика могла бы стать отдельной частью словаря, поскольку среди имен собственных, использованных авторами, немало топонимов и антропонимов (в основном прозвищ) диалектного происхождения (например, топоним *Суходол* у Бунина, антропонимы *Рогач* у Пришвина и *Гомозок* у Эртеля и т.д.).

Другие проблемы формирования словника данного словаря связаны с определением алфавитного места и подачей тех словарных единиц, которые традиционно вызывают вопросы при их лексикографировании. Это, например, предложно-именные сочетания наречного типа – *к завтрему*, *до ветру* и др. Их место в словнике определяется в соответствии с существующей словарной практикой: если знаменательное слово из состава наречного сочетания существует в языке как самостоятельная единица, то такое сочетание расчленяется и толкуется в словарной статье с заглавным знаменательным словом:

Зáвтра. **К за́втрему**, нареч. К началу завтрашнего дня. *Долго и напряженно глядела Дашка на бегущие вагоны. – Должно, к за́втрему приедет, – сказала она в раздумье.* Бунин. Кастрюк.

Предложно-именные сочетания, в которых знаменательное слово вне этих сочетаний не употребляется, не расчленяются:

На веду́, нареч. Открыто, без тайн. *В Пожогe народ на счету, на веду́ живет: скоро проведали, какая пошла раздeряга между Иваном да Марьей.* Замятин. Кряжи.

Составные и сложные части речи (предлоги, союзы, частицы) не расчленяются и разрабатываются в самостоятельной словарной статье:

Да́ром что, союз *уступит.* Несмотря на то, что; хоть и. *Не иначе, как мягкость влекла эта самая – любили его, даром что непутевый был.* Замятин. Непутевый.

Для-ра́ди, предл. с род. п. Ради чего-либо, по причине чего-либо. *Искунала Петровна Васятку, печь истопила, пошла в погребцу: надо для-ради воскресенья щи наварные, с убоиной, сделать.* Замятин. Чрево.

Дефисные написания, применяемые по отношению к двум самостоятельным по смыслу лексическим единицам, в лексикографической практике до настоящего времени не получили однозначного решения. Например, в «Словаре языка А.С. Пушкина», «Словаре автобиографической трилогии А.М. Горького» дефисные написания разделены, в «Словаре языка русской поэзии XX в.» они не расчленяются, при этом вторая часть составной лексической единицы включается в словник со ссылкой на соответствующую словарную статью и т.д. В нашем словаре дефисные написания, не продиктованные жесткими нормами орфографии, расчленяются при внесении в словарь, если слова – части составного наименования зафиксированы в художественных произведениях и как самостоятельные лексические единицы:

Де́вка, и, ж. Женщина низшего сословия до замужества. – *Да нешто можно женщине простоволосой ходить? Чай, я не девка, ведь грех* (Замятин. Уездное). **Бой-де́вка.** О девушке: смелая, ловкая, проворная, сильная. *Только и разговору было в Пожогe, что про Марью, как Марья сома обротала: ну и богатыриха, ну и бой-девка.* Замятин. Кряжи.

Бой-де́вка. См. **девка.**

В словаре сохраняется авторское написание слов:

Бага́то, нареч. Много. – *Багато людей загнуло! – говорят, не слушая его, другие. – Багато, багато!* Бунин. На край света.

По охвату лексики словарь, ориентированный на воссоздание живого разговорного языка определенной эпохи, должен быть полным, фиксирующим всю лексику народно-разговорного языка, т.е. в него должны войти не только знаменательные, но и служебные слова, а также вводные, междометные и звукоподражательные. Например: *абы, ай, арря, ась, ат, вона, вычь, ей-ей, кажись, небось, никак, однакось, почесть, почитай, пра, тово, ужсо, чай, чать, эко-ся* и др.

Рассмотренные в данной статье проблемы формирования словника и представленные пути их решения, конечно, не являются исчерпывающими и однозначными. Неизбежная субъективность в построении любого авторского словаря, проявляющаяся на всех этапах его создания (и в способах подачи лексического материала, и в определении структуры словарной статьи, и в способах толкования словарных единиц), обусловлена спецификой того лексического материала, на который словарь нацелен. Сводный авторский дифференциальный словарь является тем лексикографическим произведением, который, с одной стороны, способствует описанию особенностей лексикографируемой лексики как части общенародного языка и части языка отдельных писателей, а с другой стороны, он выполняет функцию справочного пособия, толкующего лексику народно-разговорного языка в его диалектной и просторечной формах. В то же время он имеет и известное культурологическое значение, поскольку в нем представлены слова, отражающие быт и трудовую деятельность прежней русской деревни, духовные и нравственные взгляды русского народа, образ его мышления и верований. Сказанное, полагаем, позволяет сделать очевидный вывод о необходимости дальнейшей разработки словаря такого типа.

1. Еремин А.Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия. Калуга, 2001.
2. Курносова И.М. О формировании словника авторского диалектно-просторечного словаря // Слово и словарь: *Vocabulum et vocabularium*. Вып. 12. Харьков–Клагенфурт, 2011. С. 218–222.
3. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
4. Самотик Л.Г. Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей: проблемы и решения // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 274–279.
5. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–43. Л., 1965–СПб., 2008.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.Н. Молоткова. М., 1987.
7. Шестакова Л.Г. «Словарь языка русской поэзии XX века» и его место в современной авторской лексикографии // Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX вв. (к 100-летию со дня рождения Ю.С. Сорокина). СПб., 2013. С. 100.

А.М. Подоксенов
A.M. Podoksenov

**ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ М. ПРИШВИНА И В. РОЗАНОВА:
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**CREATIVE DIALOGUE OF M. PRISHVIN AND V. ROZANOV:
ON THE QUESTION OF METHODS OF THE RESEARCH**

Задачей статьи является определение наиболее действенных методологических подходов к исследованию особенностей творчества выдающихся отечественных писателей и мыслителей М. Пришвина и В. Розанова. Анализируются биографический, диалектический, герменевтический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, а также принцип толерантности, которые позволяют наиболее полно прояснить особенности философского и социокультурного содержания как мировоззренческих взглядов Пришвина и Розанова, так и их творческого диалога.

***Ключевые слова:** мировоззрение, философия, диалектика, методология, герменевтика, толерантность.*

The aim of the article is to determine the most effective methodological approaches to the investigation of the peculiarities of M. Prishvin's and V. Rozanov's creative activity, both Prishvin and Rozanov being outstanding Russian writers and thinkers. The article analyses biographical, dialectical, hermeneutic, cultural-historical and comparative-historical methods and also the principle of tolerance, which make it possible to clear up in more detail the peculiarities of philosophic and social-cultural content of both Prishvin and Rozanov's world-outlook views and their creative dialogue.

***Key words:** world outlook, philosophy, dialectics, methodology, hermeneutics, tolerance.*

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) в истории отечественной культуры является одной из самых сложных и многогранных личностей. Однако у его наследия есть примечательное свойство: в каждый новый исторический период по мере обновления исследовательских парадигм возникают все новые и новые интерпретации его творчества. По мере выхода в свет задержанных из-за цензуры художественных произведений и особенно многотомного Дневника становится все более ясно, что перед нами оригинальный мыслитель с собственным философским взглядом на мир, природу и общество. Отсюда актуальность исследования историко-культурного контекста искусства писателя, позволяющего учесть все богатство идейно-эстетических влияний на его сложное литературное творчество. И здесь одним из самых значимых моментов, существенно

повлиявших на писательскую судьбу Пришвина, было начавшееся еще в ученические годы знакомство с Василием Васильевичем Розановым (1856–1919), о важности которого на пороге своего 65-летия он скажет так: «И еще одно удивительное единство во мне – Розанов. Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи...» [6, 706].

Следует отметить, что в пришвиноведении уже предпринимались попытки анализа творческого диалога Пришвина с Розановым. Одну из первых предпринял еще в дореволюционном 1911 г. известный литературный критик Р.В. Иванов-Разумник, который, рассматривая проблему розановского воздействия на писателя, отмечал, что влияние это хотя и «несомненно, но оно частично», так как касается преимущественно лишь сектантско-религиозной проблематики. Действительно, оба мыслителя искренне ненавидели «черного бога» сектантов, но если Розанов отождествлял фанатичное монашеское христианство с Христом, то позиция Пришвина была совершенно иной. «Различна и их любовь: В. Розанов входит в космическое только в точке “пола” – и здесь он единственный в своем роде апологет “святой плоти”; для М. Пришвина “святая плоть” – только частность религии Великого Пана; ему не надо входить в космическое – он весь в нем» [2, 67]. Если после прихода партии большевиков к власти с подачи Л.Д. Троцкого Розанов был буквально ошельмован как идейный враг пролетарского государства [7, 46-48] и в дальнейшем именовался не иначе, как «махровый реакционер» [3, стб. 733], то в постсоветский период мы наблюдаем возврат к традиции акцентирования сектантско-религиозной проблематики как главной темы, сближающей Розанова и Пришвина.

Например, Н.П. Дворцова, отмечая, что Розанов стоит у истоков творческой личности Пришвина и фиксируя внимание на теме «борьба Розанова с Христом», утверждает: смысл пришвинской мировоззренческой эволюции может быть понят только лишь как духовное развитие «в русле русского религиозного возрождения, являющегося для Пришвина не второстепенным, а сущностным и доминантным контекстом» [1, 139]. Интересные подробности взаимоотношений Пришвина и Розанова содержит вышедшая в серии «ЖЗЛ» книга А.Н. Варламова «Пришвин» (2003). Хотя автор по вполне понятным причинам, определяемым законами жанра, не ставит задачи анализа розановского влияния на примерах разбора конкретных произведений писателя, подробно останавливаясь прежде всего на бытовых деталях и историко-биографических сюжетах их жизненного и творческого пути.

Безусловно, для исследования творческого диалога Пришвина и Розанова такой подход является основополагающим. Ведь сам *биографический метод*, как общепринятый метод в литературоведении и истории философии, рассматривает биографию и личность писателя или мыслителя в качестве определяющих факторов его творчества. Биографический метод позволяет объективно и доказательно проследить эволюцию эстетических и философских взглядов писателя, на разных этапах творческого пути находящих свое различное выражение в его искусстве. Однако при всей важности жизненно-биографической основы анализа взаимоотношений Пришвина и Розанова необходим также учет и историко-культурного фона, и влияния на обоих писателей литературно-философского окружения. Поэтому биографический метод с необходимостью должен быть дополнен рядом других, адекватных предмету исследования.

По нашему мнению, выявить основные факторы историко-культурного контекста, обуславливающего интересующий нас спектр взаимоотношений Розанова и Пришвина, чтобы посредством анализа свести различные элементы и стороны к их внутреннему единству, возможно, если в качестве специфического «целого», служащего предметом исследования, будет взят мировоззренческий контекст их творческого диалога, поскольку именно мировоззрение является универсальной «системой представлений о мире и месте в нем человека, об отношении человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции и установки

людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [8, 366].

В результате становится возможным как учет разнообразных влияний на Пришвина, так и осмысление его творчества с позиций интегрирующего фактора, включающего в себя целостный комплекс мифологических, религиозных, философских, политических, нравственных, эстетических, экологических воззрений, творческих принципов и ценностных ориентиров. Но эта задача предполагает тщательный анализ диалектики всех этих различных факторов и влияний.

Следовательно, кроме биографического метода необходимо привлечь *диалектический метод*. Отметим, что наше исследование исходит из классического понимания диалектической борьбы и сочетания противоположных начал, под влиянием которых происходит становление мировоззрения человека. Применение диалектического метода закономерно предполагает использование *культурно-исторического метода* для анализа социокультурной динамики и культурных контекстов развития мировоззрения Пришвина. *Сравнительно-исторический* метод помогает сопоставить философско-мировоззренческий и литературно-художественный дискурс Пришвина с идейными концептами и текстами Розанова, что позволит исследовать пришвинское творчество в культурно-диалогических контекстах.

Герменевтический метод. Его применение прямо вытекает из специфики исследования философско-мировоззренческого дискурса творчества как Пришвина, так и Розанова. Научный анализ художественных и публицистических текстов невозможен без учета дневниковых записей писателей, ибо объективно лишен необходимого контекста творческой лаборатории пришвинской и розановской мысли, чутко откликавшейся на социальные, философские и эстетические, политические и нравственные проблемы и веяния своей эпохи. Сопоставительное исследование текстов и мировоззренческих взглядов писателей, зафиксированных в их дневниках и эпистолярном наследии, выступает как своеобразный герменевтический круг, т.е. анализ мировоззрения позволяет лучше понять текст, а текст, в свою очередь, позволяет прояснить особенности философского и социокультурного содержания мировоззрения авторов.

Принцип толерантности. При анализе творческого диалога Пришвина с Розановым необходимо в полной мере использовать принцип толерантности, который основан на допущении плюрализма мирообъяснительных дискурсивных и методологических практик как в сознании обоих мыслителей, так и в исследовании их литературного творчества.

Представляется, что, руководствуясь этими методологическими подходами, мы сможем хотя бы отчасти уяснить, почему Пришвин и Розанов оценивали реалии жизни «так, а не иначе», т.е. уйти от описательно-иллюстративного подхода к их творчеству. Кроме того, избрание в качестве предмета исследования мировоззренческого контекста творчества Пришвина позволит привести в единую систему разнообразные подходы к анализу становления его как писателя и мыслителя. Само собой разумеется, что эволюция мировоззрения и творчества Пришвина не определяется только лишь влиянием одного Розанова. Анализ мировоззренческого контекста творческого диалога Пришвина и Розанова с необходимостью предполагает исследование историко-культурного фона, т.е. взаимодействия мыслителей с другими персоналиями мировой и отечественной культуры. Следовательно, при анализе взаимоотношений Пришвина и Розанова чрезвычайно важной представляется проблема роли тех деятелей культуры, воззрения которых оказали существенное влияние на миропонимание как Пришвина, так и Розанова.

Исходя из изложенной методологии, мы предполагаем выделить в истории взаимоотношений Пришвина и Розанова – двух выдающихся отечественных писателей и мыслителей – три четко отграниченных периода:

1. Гимназический (1887–1889);
2. Религиозно-богоискательский (1905–1917);
3. Духовно-метафизический (1919–1954).

Эти три периода отличаются друг от друга не только временными рамками, но и качественными экзистенциально-онтологическими характеристиками. Так, если в гимназические годы Пришвин-ученик в общении с Розановым-учителем находится в неравном, подчиненном и страдательном отношении (яркий пример – исключение из Пришвина гимназии по жалобе Розанова), то в религиозно-богоискательский период их общение – это отношения равных, хотя и различающихся по общественному авторитету деятелей отечественной культуры. И совсем иной бытийственный статус приобретет духовный «внутренний диалог» Пришвина с Розановым после смерти последнего вскоре после Октябрьского революционного переворота. Поэтому, прежде чем приступить к содержательному анализу взаимоотношений обоих мыслителей, имеет смысл кратко обозначить основные особенности каждого этапа.

Первый период – гимназический, заложивший на всю последующую жизнь мировоззренческие пункты притяжения и отталкивания Пришвина к Розанову, длится всего лишь три года, с 1887 по 1889-й. В течение этого времени отношения ученика, «беглеца в Азию», с учителем географии меняются от взаимных симпатий до вражды и обоюдных оскорблений, закончившихся конфликтом и исключением 16-летнего юноши из 4 класса Елецкой классической мужской гимназии с так называемым «волчьим билетом» – запретом на обучение где бы то ни было в России. В автобиографическом романе «Кашеева цепь» писатель даст художественную интерпретацию истории своего гимназического знакомства с Розановым, закончившегося для юного гимназиста жизненной катастрофой и психологической травмой – тягостным и крайне болезненным ощущением себя изгоем-неудачником, которое будет им изживаться многие десятилетия.

Во второму периоду отношений с Розановым относится тот мировоззренческий этап становления личности писателя, который Пришвин назовет десятилетием интеллигентского богоискательства между революциями 1905 и 1917 гг. Время полемического сотрудничества Пришвина с Розановым, совпадающее с эпохой «богоискательства» русской интеллигенции в начале XX в., прервется Октябрьской революцией, после которой в апреле 1918 г. Пришвин покидает Северную столицу («бежал от ареста большевиков» [5, 141]), а в феврале 1919 г. Розанов, уехавший из Петрограда еще в сентябре 1917 г., умирает от голода в Сергиевом Посаде. «Богоискательский» период характеризуется творческим общением Пришвина с Розановым как в рамках деятельности Петербургского отделения Религиозно-философского общества, так и личных отношений, основанных на обоюдном признании писательского достоинства друг друга. Этот период общения с Розановым найдет свое художественное отражение в первых пришвинских книгах: «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «У стен града невидимого» (1907–1909 гг.), а также ряде дореволюционных рассказов и очерков.

Третий – опосредованный, духовно-метафизический период, начинающийся после смерти мятежного философа в 1918 г., – это послереволюционный этап мировоззренческого освоения и переосмысления литературно-философского наследия Розанова, с которым Пришвин до конца жизни будет вести внутренний диалог, находящий как свое прямое выражение в дневниковых записях, так и косвенное – в силу ограничений цензуры – в ряде сюжетных линий художественных произведений советской эпохи. При этом следует отметить, что вся история пришвинских отношений с Розановым демонстрирует неуклонный интеллектуальный рост Пришвина – духовный мир писателя постоянно обогащается и расширяется по мере освоения все новых и новых пластов отечественной и мировой культуры. И соответственно с каждым годом возрастает философская насыщенность и мировоззренческая глубина его творческого диалога с Розановым.

Пришвин сам предельно откровенно писал об исключительности розановского влияния и, размышляя о собственном месте в отечественной словесности, заключал: «Розанов – послесловие русской литературы, я – бесплатное приложение. И все...» [6, 699]. Из дневниковых записей известно о намерении писателя сделать Розанова одним из главных героев повести «Начало века», в которой Пришвин хотел художественно

изобразить сложную и многоцветную палитру духовного брожения общественного сознания в предреволюционную эпоху, показать противоречивое богатство взаимоотношающихся друг друга философско-мировоззренческих увлечений интеллигенции. И хотя этот план не получил воплощения, многие розановские идеи будут определять не только сюжеты повествования ряда пришевских произведений, но и присутствовать в размышлениях писателя всю жизнь. Об увлечении розановскими взглядами говорят многочисленные записи в пришевском Дневнике, публицистические статьи и такие произведения, как «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «У стен града невидимого», «Мирская чаша», «Кашеева цепь», целый ряд сюжетных линий которых свидетельствуют о творческом и зачастую полемическом диалоге писателя с мировоззренческими взглядами Розанова.

Отметим, что, как и Розанов, Пришвин сегодня – один из самых неизданных и непрочитанных, а значит и неизученных авторов, если иметь в виду главное произведение его жизни – создаваемый ежедневным полувековым трудом, без малейшей надежды на публикацию в советскую эпоху, Дневник объемом около 600 печатных листов, т.е. порядка 20-ти томов, из которых к 2014 г. изданы 15 (охватывающие период с 1905 по 1947 гг.). Этим, еще только предстоящим введением в научный оборот огромного массива неопубликованного наследия Пришвина, в значительной мере объясняется длящаяся до сих пор определенная «непонятость» творчества писателя, изучению которого препятствовало отсутствие мировоззренческого контекста, раскрываемого лишь в дневниковых исповедях. Если учесть, что восьмитомное собрание сочинений Пришвина по объему в несколько раз меньше Дневника, то вполне ясен истинный объем его творческого наследия – неизвестного и подлинного. Аналогичное заключение будет справедливым и в отношении Розанова, чье 30-томное собрание сочинений опубликовано только в последние годы.

В заключение следует отметить, что обозначенные задачи нашего исследования [4] реализуются при использовании начавшейся лишь в постсоветское время публикации текстов розановского наследия, а также ранее недоступных из-за цензурных ограничений художественных, публицистических, эпистолярных и дневниковых записей Пришвина. Сопоставление мировоззренческих позиций обоих мыслителей позволяет выявить аналогии или различия в их идейно-философском, художественно-эстетическом или нравственном отношении к действительности. Осуществление этой задачи исследования творчества Пришвина и Розанова предполагает неременный учет того обстоятельства, что всякое своеобразие или уникальность мировоззренческой позиции автора обуславливаются не только и не столько биографическими особенностями его жизненного пути, но прежде всего историко-культурным контекстом. Поэтому всякий подлинный текст действительно крупного мыслителя или художника слова – это всегда свидетельство, с одной стороны, культурно-исторического влияния эпохи, а с другой – воплощение в слове мировоззренческих установок личности.

1. Дворцова Н.П. Михаил Пришвин: «Жизнь как утверждение» // Михаил Пришвин и русская культура XX века: сб. статей / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 1998.

2. Иванов-Разумник, Р.В. Великий Пан // Соч.: т. 2. Творчество и критика. – СПб., 1913.

3. Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9.

4. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Василий Розанов: мировоззренческие контексты творческого диалога. М., 2013.

5. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М., 1994.

6. Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010.

7. Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М., 1990.

8. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.

Т.А. Полякова
T.A. Polyakova

**«БЫЛИНА О МИКУЛЕ БУЯНОВИЧЕ»
Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ПОЭТИКА МИФА**

**«BYLINA ABOUT MIKULA BUYANOVICH»
BY G.D. GREBENSHCHIKOV: POETICS OF THE MYTH**

В статье рассматриваются мифологические основы поэмы Г.Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче». В «Былине» писатель повествует о трагическом изломе исторического самосознания народа, он обращается к существенным началам народной жизни – ее религиозно-нравственной истории. Здесь художник стремится найти ответы на тревожившие его вопросы: в чем смысл русской революции и что случилось с русским народом?

Ключевые слова: былина, Россия, храм, архетип, мифопоэтика.

The article considers the mythological basis of the poem «Bylina about Mikula Buyanovich» by G.D. Grebenschikov. In «Bylina» the writer tells about the tragic break in historical consciousness of the people, he refers to the essential principles of national life - its religious and moral history. Here the artist is trying to find answers to the questions that worried him: what is the sense of the Russian revolution and what happened to the Russian people?

Key words: bylina, Russia, temple, archetype, mythopoetics.

Творчество Г.Д. Гребенщикова (1882(?)–1964), писателя-эмигранта, только в последнее десятилетие возвращается в Россию. В 1996 г. в Москве впервые публикуется «Гонец. Письма с Помпеярага», а в 2003 г. в столице выходит в свет «Былина о Микуле Буяновиче»⁹; в Барнауле изданы: «Моя Сибирь» (2002), «Егоркина жизнь» (2004), «Чураевы» (в 4-х книгах, 2006–2007); в Бийске в 2007–2008 гг. опубликованы «Сибирские повести и рассказы (1911–1919)» (в 2-х книгах) и т.д.

В эмиграции Гребенщикова пишет свои лучшие произведения – «Былина о Микуле Буяновиче» (1924 г.), «Гонец. Письма с Помпеярага» (1928), «Чураевы» (1922–1937, 1952),

⁹ В нашем исследовании мы цитируем текст «Былины о Микуле Буяновиче» раритетного издания «Алатасъ» (Париж–Нью-Йорк) типографии «Франко-Русская Печать», который был подготовлен к печати самим автором.

«Царевич» (1930-е гг.), «Радонега: Сказание о неугасимом свете и о радужном знамени жития преподобного Сергия Радонежского» (1938), «Егоркина жизнь» (1966) и др.

Сегодня творческое наследие Гребенщикова становится важным объектом научного исследования. Особый интерес представляет как осмысление литературно-художественного, так и культурологического и философского контекста, в котором создавались его произведения. Творчество писателя уже не раз становилось предметом изучения в работах Т.Н. Закаблуквой, А.П. Казаркина, В.Н. Леонова, В.А. Росова, С.В. Селиверстова, О.С. Сироты, С.С. Царегородцевой, Т.Г. Черняевой, в диссертациях и научных статьях¹⁰.

«Былина о Микуле Буяновиче», обращенная к трагическим событиям русской истории начала XX столетия, принадлежит к наиболее значительным произведениям писателя. Известно, что Гребенщиков в феврале 1922 г. приезжал из Парижа в Берлин для встречи с артистами Московского Художественного театра во время их гастролей. Так, Вл.И. Немирович-Данченко, говоря Гребенщикову о том неизгладимом впечатлении, какое произвела на актеров «Былина», укорил писателя: «Что вы сделали с моими актрисами? Они всю ночь читали роман¹¹, всю ночь проплакали, а к утру перессорились – кому играть главную роль?!» [9, 10]. В письме М. Горькому от 17 апреля 1928 г. (Саутбери, Коннектикут, США) автор поэмы заметит, что «Былину» прочел Б.С. Глаголин¹² и «написал о ней восторженный отзыв Луначарскому» [12, 364]. А в Америке в 1940 г. «Былина» имела ошеломляющий успех в авторском переводе на английский язык: на ее выход «откликнулись крупнейшие американские издания („The Nation”, „The New York Times”, „The Herald Tribune”, „The Hartford Times”), признанные критики и известные литераторы (J. Cournois, P. Rosenfeld, Fred T. Marsh, T. Glenn, Leticia P. Osborn)» [13, 196]. По утверждению О.С. Сироты, американских читателей «покорил искренность повествования <...> И сам Микула, и его сестра Дуня, и непутевый Илья были восприняты ... как живое воплощение человеческого духа, вечно устремленного к постижению смысла жизни» [13, 196].

Своей «Былиной», как признавался Гребенщиков, он ответил не только читателям, но и самому себе на вопрос: «что случилось с боголюбивым, ищущим вѣчной правды, мирным русским народом, особенно с крестьянином, который в столь короткое время стал кощунствовать, богохульствовать, убивать своих священников и разорять все накопленное вѣками культурное достояніе?» [3]. В этой связи произведение художника несет печать его

¹⁰ См.: Закаблуква Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008; Казаркин А.П. Георгий Гребенщиков и областничество // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 290–294; Леонов В.Н. Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2003; Россов В.А. Писатель Г.Д. Гребенщиков в Константинополе // Славяноведение. 2009. № 4. С. 91–101; Селиверстов С.В. Г.Д. Гребенщиков и евразийство: из истории сибирской общественной мысли первой половины XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 65–69; Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005; Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков в дореволюционной литературе Алтая (к проблеме становления регионального литературного процесса) // Культура и текст. 1997. № 2. С. 93–96 и др.

¹¹ Речь идет о поэме «Былина о Микуле Буяновиче». 30 октября 1923 г. в Париже на творческом вечере Георгия Дмитриевича «артисты Московского Художественного театра сыграли первое действие из пьесы Гребенщикова “Сказка о кладах”, написанной по мотивам “Былины”» (См.: Россов В.А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода. Книга первая: Великий план. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. СПб. –М., 2002. С. 88).

¹² Глаголин (Гусев) Борис Сергеевич (1879–1948) – драматург, театральный критик, актер, режиссер. В эмиграции с 1928 г.

напряженных философских раздумий, связанных с поисками ответов на эти и многие другие вопросы.

Гребенщиков вспоминал о поразительном случае, произошедшем однажды с ним в храме: «Помню <...> чудесную русскую церковь в Висбаденѣ, гдѣ во время Херувимской я получил отвѣтъ на мой вопрос. Все: сюжет, форма, основные характеры – все пришло в Херувимской. Так сказать, явное Божіе благословеніе» [3].

«Былина о Микуле Буяновиче» – художественный отклик на «окаянные дни» русского апокалипсиса. Здесь писатель рассказывает о трагедии русского богатирства, о буйстве «Аримановой Руси», которую пленил дух растления, распада, одержимости. Художник рассказывает новую былинку, пристально вглядываясь в искаженный лик заблудившейся России, которая двойится в сознании автора. С одной стороны, зачарованная колдовскими силами, Россия превращается в пугающее пространство, где бродят «съ посвистами, съ злыми воями, съ бичами, метлами и молотками раскосмаченныя бѣлыя вѣдьмы» [4, 9–10], обрекая миллионы ее жителей на вечную битву с холодом, нищетой, пьянством... Но есть и другая Россия – «навозно-земляная, запылено-потная лѣтомъ» [4, 10] – это «мужицкая Россія». Эта константная антитеза: «бѣло-пуховая», морозная, студеная и «навозно-земляная», палящая, знойная – рождает внутреннее и почти непреодолимое противоречие, обрастающее все новыми и глубинными антиномиями.

В своем «сказании» Гребенщиков обращается к архетипической символике, к «формуле мифа». В горе людском – «окияне бездонном» – живут герои «Былины», проходя путь чудовищных испытаний. Автор ставит перед собой задачу познать «знаки огненных скорбей и знаменія времени» [4, 343], приблизиться к тайне русского мира, к построению «храма мира и любви» среди всеобщего озверения. «Былина» обращена к настоящему трагическому времени «русской смуты»; вместе с тем в произведении актуализируется синтез исторического и мифического времени. Усложняя представление о возможностях темпоральных отношений былинного жанра, писатель повествует о трагическом изломе исторического самосознания народа.

История жизни главных героев «Былины» – Микулы Петровича и его сестры Одвотьи – это рассказ о разрушении духовных основ и гармонии жизни, о проявлении звериного начала в человеке, о беспощадной мести людям за их жестокость, и, наконец, о просветлении и внутреннем перерождении человеческой души.

Центральным персонажем «Былины» является Микула, поэтому и временная ось сказания и локальные характеристики связаны с его страшной судьбой. Сюжетная канва открывается, как нередко встречается в былинах, описанием детства, чаще всего героического (ср. «Волх Всеславьевич», «Василий Буслаев и новгородцы», «Исцеление Ильи Муромца», «Добрыня Никитич и змей», «Михайло Козарин», «Иван Гостиный сын» и др.). Но ничего героического в гребенщиковской «Былине» не обнаруживается.

Целыми днями приходится восьмилетнему Микулке одному сидеть «въ темной молчаливой и глухой избѣ» [4, 21], где из каждого угла смотрит на него беспросветная бедность. Сидение героя на печи – это явление имеет любопытную типологическую параллель с подобным сидением на печи героя волшебной сказки (ср.: Емеля из сказки «По Щучьему велению»). Интересно, что многолетнее сидение на печи Ильи Муромца в былинке «Исцеление Ильи Муромца» осознается как неестественность и болезнь: «Он [Илья Муромец] сидел ли тридцать лет на седалище, / Он не имел-то да ни рук, ни ног» [7, 49]. Былинный богатырь, как правило, почти всегда находится в движении. Однако его героическое детство имеет свои специфические пространственные характеристики: «Мир героя-ребенка замкнут пределами места рождения» [11, 40]. Так и в гребенщиковской «Былине» детство Микулки проходит в закрытом, ограниченном пространстве – бедной крестьянской избе. Ее герой не может покинуть из-за крайней нищеты: ему просто не во что обуться и одеться в зимнее время года. Здесь существенно противопоставление дома остальному миру: «Сидит Микулка, слушает тишину избы <...> Тамъ ходять по снѣгу

люди, обутые и одѣтые въ шубы и въ шапки. Это очень счастливые люди <...>» [4, 15]. Былинное пространство, как правило, «поляризовано» противопоставлением *свое/чужое*, которое и определяет развитие былинного сюжета.

Сколько страха натерпится, сколько слез прольет Микулка, пока дождется родную сестру, которая и пожалеет его и приголубит. Именно на юной Овдотье «все попеченье о парнишкѣ» [4, 12], который матери своей не помнит: та умерла, когда «Дунѣ ... было всего только одиннадцать годковъ» [4, 14]. Каждый день ждет Микулка маленьких и единственных радостей своей жизни, когда родная сестра «по-матерински ласково» обнимет его и накормит «принесенными остатками съ купеческаго стола» [4, 22]. Но в бедном хозяйстве есть своя гармония, свой необходимый порядок.

Пусть холодно и голодно, но по-своему радостно живет маленькому Микулке в этой скособоченной, холодной, наполовину крытой, нищенской избе: «Славно жить ему среди родныхъ своихъ, сестры, бабушки и тятки. И никакихъ ему обутокъ не надо, никакихъ шапокъ. И такъ тепло, и такъ весело и хорошо-хорошехонько» [4, 24]. Любовь и забота ближних: Овдотьи, бабушки Устиньи и отца, Петрована Василича, – делают его, парнишку, настоящим «баловнем-счастливчиком». Растет он облаканным ребенком, слушает по вечерам бабушкины сказки, ее редкие беседы с Дуней, в которых открывается «какая то иная, удивительно-далекая, должно быть, неправдишная жизнь» [4, 13].

Здесь детские мечтания не иллюзорны, а вполне конкретны. Чистая душа Микулки грезит об одном: «...какъ пройдетъ лютая зима, а за нею явится веселая весна, съ ручьями, съ Пасхой, съ красными яичками, съ зелеными лужайками, по которымъ босикомъ-то бѣгать еще лучше <...>. А на Троицу, какъ въ прошломъ лѣтѣ, всѣ вмѣстѣ пойдутъ въ чужое село въ церковь!» [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 24]. Образ храма введен писателем в повествование не случайно. Он не только часть человеческих эмоций этого юного героя, но и символ миропорядка семьи Петрована Василича: бабушка ходит на богомолье, славно и радостно молится Господу Дуня.

Прекрасна и чиста Овдотья, непорочная и светлая богомолица, в душе которой живет стремление к горнему миру: «...я другой разъ уйду на пашню, брожу промежь полось, а мнѣ на умъ такія-то задумныя думушки приходятъ, што какъ будто не живу я, а летаю гдѣ то высоко, высоко надъ бѣлымъ свѣтомъ» [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 32]. И плачет чистая душою Дуня о людях, которые не видят и не чувствуют «благодати этой Божьей». Овдотья с ее стремлением к свету Божественному, с ее нравственными и интеллектуальными запросами (единственная грамотная в деревне) вызывает глухую злобу и раздражение. Она – чужая среди деревенского мира, ей не могут простить и красоты, и благочестия.

Гармонию деревенской избы, где один-одинешенек дожидается маленький Микула своих близких, нарушает Проезжий, персонаж символический, амбивалентный. «Сполитический» интеллигент, случайный и непрошенный гость, внешне никому не желающий зла, он вторгается в бедный, но устоявшийся быт батрака Петрована, вдовца, утешением которому были его дети. Вместе с Проезжим в избу приходит страшная сила, все разрушающая на своем пути. Мотив вторжения *чужого* в *свое* пространство приносит особую «напряженность» и конфликтность.

Примечательно, что автор не наделяет своего героя конкретным именем, отчеством и фамилией, а называет его *Проезжий*, то есть «проезжающий мимо» [14, 752], а значит – не останавливающийся. Но Проезжий, напротив, не только задержится в сибирской деревне, но и сыграет роковую роль в судьбе главных героев «Былины».

На первый взгляд намерения Проезжего безобидны: он, разъезжая по деревням, скупает «звѣрей ... для музея» [4, 18]. Его выбор *случайно* подает на одну «изъ самыхъ засугробленныхъ и малыхъ, ... захудалыхъ» [4, 11] изб – убогое жилище Петрована Василича. Символично, что вторгается он в деревенскую избенку как сила инородная, враждебная. Недаром он так пугает Микулку своим неожиданным появлением. Будучи сверху донизу одет в «мѣховую шапку съ длинными ушами» [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 16], в

волчью шубу и «мягкіе олени сапоги [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 16] он не просто вызывает страх у ребенка, коротающего день в одиночестве, но видится ему «мохнатым» «чертякой».

Обращает на себя внимание появление Проезжего именно в волчьей шубе. Так, в мифопоэтической традиции амбивалентная символика «волка» связана не только с позитивной семантикой, знаменуя собой воинскую доблесть, храбрость: «волчьи шкуры издавна служили одеждой воинов» [6, 180]; но и вместе с тем отмечается значение опасности, хитрости, кровожадности и свирепости. Для мифологии многих народов типично «представление о превращении человека в волка, выступающего одновременно в роли жертвы (изгоя, преследуемого) и хищника (убийцы, преследователя)...» [10, I, 242]. Более того, «в христианской традиции волк также символизировал и самого дьявола, который пытается посягнуть на стадо верующих» [1, 14].

Появление Проезжего в доме Петрована Василича – символ преддверия переломных событий в жизни героев, мистический знак страшных предзнаменований (ср.: в сновидении быть укушенным волком – «лишиться чего-нибудь, понести убытки, *пострадать от грязных сплетен, оговоров* [Курсив наш. – Т.П.]» [6, 181]).

Гребенщиков вспоминал о том, что сенатор от штата Флориды Спенссад Холланд, которому писатель однажды преподнес в подарок свою «английскую „Былину“», совершенно справедливо заметил: «„Прохожий“, явившийся в убогую избушку бѣдняка, дочь котораго грамотная Дуня, прообраз чистой и Святой Руси, была им соблазнена и потом, перерожденная в жестокую Овдотью, била его по физиономіи, и есть предтеча большевизма» [3].

Это вторжение чужого, «сполитического» в деревенский мир рождает традиционный мотив соблазна, который приобретает в этом контексте особую суггестивность. Дуняша полностью погружается в свои городские мечты о жизни совершенно другой, невообразимо новой: «Микулку отдалуть въ ученье, онъ будетъ одѣтъ, какъ баричъ. Она гдѣ нибудь поступить въ больницу либо въ монастырь въ послушницы, а бабушку возьмутъ любые господа въ няньки» [4, 52].

Люди, отмеченные знаком отверженности, сохраняют энергию Божественного откровения. Тем значительнее для темной силы соблазн «святой души», ибо она чаще всего не придает никакого значения «сугубо земным атрибутам своего существования» (А. Панарин). Чистая и цельная душа Дуни тускнеет, соблазняясь городской жизнью. Не сохранила она и своей целомудренности: «Ушла она за нимъ [Проезжим] ушла, какъ въ сказкѣ, невидимкою. Было радостно и было широко кругомъ, и было все по-новому, казалось всё прекрасно, даже *позабыла о монастырѣ, о Богѣ, объ отцѣ, о братѣ*. Отдалась ему, какъ сказочному витязю, какъ книжному герою... А потомъ жена узнала, выгнала!.. [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 125].

Исчезновение Дуни связано с типичным для мифопоэтики *мотивом метаморфоз*. Не случайно с героиней происходят страшные «превращения»: она «давно возненавидѣла себя и, ненавидя, кое какъ терпѣла всѣхъ людей. Презирала за покорность брата и родную бабу. И окаянною, неслыханною ненавистью встрѣтила отца...» [4, 129]. Демоническая сила, вселившись в прежнюю кроткую, светлую девушку, превратила ее в одержимую. Но Овдотья не безнадежна. Ее заблудшая душа все еще помнит о своем предназначении – об истинной вере в Бога.

Пробуждение заблудшей души связано с образом светлого храма. Храм в национальном самосознании символизировал модель космической гармонии. В частности, Н.О. Лосский отмечает, что «интимное содействие своему возрастанію в добре человек получает в Церкви, которая есть Тело Христа, Сына Божия» [8, 289]. В гребенщиковском дискурсе храм является свидетельством «иначе возможного», знаком Божественного присутствия в «дольнем мире». Поэтому биографическое время персонажей, его

критические моменты совпадают с вершинными моментами православного календаря. Так, нравственное падение Дуни совпадает со Святками, начало ее искупления с Троицей.

Храм, являясь сакральным локусом, сакральным центром, воздействует на ожесточенную и властную Овдотью Петровну с исключительной силой. Именно доносящийся колокольный звон напоминает ей «и полосу пшеницы, где молилась, и первую печальную мечту о томъ, какъ она, всѣхъ любящая Дуня, покрытая чернымъ монашескимъ платкомъ, будетъ стоять въ храмѣ и молиться... [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 130]. Однако появление родственника, в том числе отца «на второй день послѣ Троицы въ Подосинникахъ» [4, 129], вызывает в ее памяти и все самое постыдное, безобразное и уродливое, что было в жизни; «и дьяволъ въ ней возсталъ со всею дерзостью противъ карающей, безмолвно уличившей ее правды...» [4, 130]. Как ни душила в себе «обезумевшая» Дуня «все молитвенные помыслы», как ни смотрела «на себя въ минуты проблеска <...> какъ на окаянную, покинутую Богомъ, брошенную заживо въ мученья адскіе» [4, 128–129], но грустный и сиротливый удар колокола, раздавшейся в это время в соседней деревне, словно вырывает ее из царства мертвых душ, одухотворяя и очищая. Звон колокола зажег в ней многое «невозвратно-чистое, святое», все «вновь встало въ этомъ тихомъ похоронномъ звонѣ» [4, 130].

Отношение к колоколу и колокольному звону на Руси особенное. Звон оберегает от темных сил зла, восстанавливает физически и духовно. Так, в крестьянской среде русского Севера бытовало поверье о колокольном звоне: «Заслышав звон колоколов, дьявол бежит прочь от человека [Курсив наш. – Т.П.]. Замечают еще, что если выйти из дома, войти в него, кончить что-либо в самое начало звона, есть предвестие добра» [5, I, 164].

Душа Овдотьи, преодолевая чудовищные испытания, корчась от боли, проходит свою инициацию. Это – мучительный процесс, поэтому Дуня, упавшая в момент своего второго рождения в ноги «обнимавшей ее бабушки», «не могла больше сказать ни слова... Слезы сладостнаго покаянья захлестнули голось» [4, 131]. Слезы героини бесценны: они животворят, очищают, возвращают к жизни.

Образ Дуняши глубоко символичен. Это сама Россия, забывшая о Боге, одержимая злым духом революции, страдает и мучается на историческом разломе. Но Гребенщиков верит в Россию, в ее мессианское предназначение. Интересно, что выбранное писателем для героини имя не случайно. Овдотья (Авдотья) – это народная форма имени Евдокия, в переводе с греческого обозначает «благоволение».

Трагична судьба героини: пройдет она свой горестный путь испытаний, искупит свои буйные грехи «милая, святая, грѣшная... Дуня» [4, 197] «жестоккой мученической кончиной» [4, 197]. Ключевые слова «святая» и «грѣшная», стоящие рядом, несут особую семантическую нагрузку. Здесь обозначенное столкновение противоположностей в характеристике героини не является случайным. Семантическая антитеза определяет стремление писателя не только понять внутреннее противоборство героини, антагонистичность жизни, но и осмыслить полярность мироустройства.

Но греховность – не абсолютная величина. Покаяние и смирение есть та духовная сила, которая очищает человека, приближая его к Богу. Гребенщикову, по всей видимости, были близки эти представления, понимание которых аналогично суждениям Н. Бердяева: «Христіанство не знаетъ застывшихъ типовъ злодѣевъ, или застывшихъ типовъ праведниковъ. Злодѣй можетъ превратиться въ праведника, и праведникъ въ злодѣя» [2, 116]. Писатель прекрасно осознавал, что есть надежда на искупление грехов, на исцеление больной Родины.

Грехопадение России, историческая западня, – не окончательное решение «русского вопроса». Подлинная энергетика народа, его потаенная пассионарность имеют духовное измерение. В этой связи еще в самом начале «Былины» повествователь своим читателям задаст и оставит открытым один единственный вопрос – печать напряженных философских раздумий: «Для чего живутъ всѣ эти милліоны обреченныхъ на вѣчную борьбу и нищету,

на пьянство, на преступление и на размножение против воли и желанья?» [4, 11]. Вопрос о смысле страдания решается художником в традициях христианской этики: «...страдание есть ... путь искупления, просвѣтления и возрождения [Курсив наш. – Т.П.]» [2, 127].

Скорбный путь унижений, соблазнов и предательства пройдет Овдотья Петровна. Из страшного видения Микулы читатель узнает о ее трагической судьбе, о том, какой ценой искуплены ею грехи: Дуняша погибнет от руки собственного мужа. В конце этого странного состояния полусна-полуяви – «будто то был сон, а ... все взаправду» – Овдотья будет просить Микулу о всепрощении: «А Илью Иваныча прости Христа ради! [Курсив наш. – Т.П.]. Сама я довела его до грѣха. Нравомъ своимъ лютымъ, словомъ своимъ невоздержаннымъ. За это и погубила душеньку свою безъ покаянія» [4, 253]. Являющаяся во сне Микуле Дуня встает на защиту своего мужа, подобно библейскому Аврааму, который «заступается за грѣшников и последовательно испрашивает помилования всякому городу, в котором найдется 50, 45, 40, 30, 20 или хотя бы 10 праведников» [10, I, 27].

Не за себя грѣшную просит Дуня, а за ближнего, за мужа – Илью Иваныча, совершившего тяжкий грѣх убийства. Проявление любви к ближнему – это и есть просвѣтление и преображение бытия, потому что «любовь къ человеку самоцѣнна, она имѣетъ въ себѣ имманентное качество добра» [2, 115]. Для каждого чуткого человека – это первая ступень к духовному возрождению, поскольку «выше ... любви къ ближнему, къ человеку стоитъ лишь любовь къ Богу...» [2, 114].

Этот странный полусон-полуявь, увиденный Микулой, завершается появлением в пространстве абсолютного верха – «и раздался голосъ изъ подъ купола [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 253]. Во многих религиях купол имеет символическое значение. Так, в христианском символизме купол является образом небес. Человек живет не только землей, но и небом, символом Божественного присутствия в мире.

Не случайно повествование о матушке-России писатель завершает образом возвышающегося на горе храма. У Гребенщикова образ храма «никѣмъ и никогда не виданного, легкого и прозрачного ..., нерукотворного, бѣлооблачного [Курсив наш. – Т.П.]» [4, 255] – глубинный мистический образ-символ, исполненный космического звучания. В разных мифологиях небесная гора сопоставляется с земной горой как своим образом, а всякий холм и возвышенность являются репрезентантами неба. Стоящий на горе Храм, так ослепляющий своей «свѣтозарной бѣлизной» гребенщиковских героев, – это начало их пути-дороги к абсолютному добру, это путь к Богу (ср.: Моисей на горе Синай).

Появление в «Былине» именно белого храма рождает цепь ассоциаций, отмеченных позитивной семантикой. Белый цвет является «универсальным символом невинности души» [6, 102], ассоциируясь с Абсолютом. Весьма ощутимы здесь библейские ассоциации: «При преображении Христа его одежды сделались „белыми, как свет“» [6, 103]. «Белый – цвет одежд Девы Марии, ангелов и священников для праздников Благовещения, Рождества и Пасхи как символ духовных и светоносных принципов» [6, 103]. «Бѣлооблачный» храм символизирует воистину ковчег спасения для заблудших, но глубоко верующих, гребенщиковских героев.

1. Баешко Л.С. Большая энциклопедия символов / Под. ред. О.В. Перзашкевича. М., 2009.

2. Бердяев Николай. Этика искупления // Бердяев Николай. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Парижъ, 1931.

3. Гребенников Г. Русская проблема в Вашингтонѣ. Необходимое разъяснение. Письмо из Флориды [Вырезка из газеты] // Русская мысль (год, дата выпуска неизвестна) / Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА), г. Барнаул. Ед. хр. ОФ 15542/152. Орфография и пунктуация автора.

4. Гребеницкий Г.Д. *Былина о Микуде Буяновиче*. Париж–Нью-Йорк: Алаташ, (раритетное издание, типография «Франко-Русская Печать», год не указан). Орфография и пунктуация соответствует оригиналу.
5. Ефименко П.С. *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*. М., 1877. Т. 1. С. 164.
6. *Иллюстрированная энциклопедия символов* / Сост. А. Егзаров. М., 2007.
7. *Исцеление Ильи Муромца* // *Былины: Сборник*. Л., 1986. С. 49–52.
8. Лосский Н.О. *Условия абсолютного добра. Основы этики*. Минск, 2011.
9. Макаров А.А. *Построение храма* // Георгий Гребеницкий. *Гонец. Письма с Помпеярага*. М., 1996. С. 7–16.
10. *Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т.* / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1982.
11. Неклюдов С.Ю. *Время и пространство в былинах* // *Славянский фольклор*. М., 1972. С. 18–46.
12. *Письма Г.Д. Гребеницкого Горькому (1911–1928)* / Вступ. статья, подготовка текста и примечания Л.В. Суматохиной // *Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка)*. М., 2010. Вып. 10.
13. Сирота О.С. Роман Г.Д. Гребеницкого «Былина о Микуде Буяновиче» и его роль в развитии культурного диалога между Россией и США // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. № 1. С. 195–201.
14. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.

М.В. Пузыренко
M. V. Puzirenko

**СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С
СООТНОСИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ «ТАКОЙ»
В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ**

**COMPLEX SENTENCES WITH THE CORRELATIVE
WORD «SUCH» IN MODERN PROSE LANGUAGE**

Исследование сложноподчиненного предложения в коммуникативно-функциональном аспекте предполагает установление особенностей реализации синтаксической модели в речевом контексте. В статье сделана попытка описания одного из функциональных типов сложного предложения – сложноподчиненного с соотносительным местоимением «такой» – с точки зрения актуализации в художественном тексте категории интенсивности.

***Ключевые слова:** сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа, указательно-характеризующее местоимение, категория интенсивности, современная актуализирующая проза.*

The study of a complex sentence in communicative – functional aspect supposes establishment of implementational features of a syntactic model in speech content. An attempt was made in the article to describe one of the functional types of a compound sentence – the complex sentence with the correlative word “such” – from the point of view of intensity category actualization in a fictional text.

***Key words:** complex sentence of pronoun – correlative type; demonstrative – characterizing pronoun; category of intensity; modern actualizing prose.*

В одной из своих статей Т.В. Шмелева, ссылаясь на работы В.А. Белошапковой, убедительно доказала необходимость исследования синтаксических средств связи в сложноподчиненном предложении (далее – СПП) до того, как будет возможно детальное описание СПП как особой синтаксической единицы [7, 6].

Думается, что анализ семантики и функций соотносительного слова *такой* в разных типах СПП также может дать определенный материал для дальнейшего описания сложных синтаксических единиц.

Известно, что соотносительные слова представляют собой релевантный признак местоименно-соотносительных СПП. Статус этих предложений в современной лингвистике является одним из дискуссионных вопросов. Некоторые ученые относят местоименно-соотносительные предложения к конструкциям с присловной связью придаточных (работы С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова). Другие ученые (работы В.А. Белошапковой), определяя

место подобных конструкций в составе нерасчлененных сложноподчиненных предложений, наоборот, противопоставляют их предложениям с присловной связью. Рассматривая сложноподчиненные предложения с местоименно-соотносительным придаточным с точки зрения функционально-синтаксического анализа, Г.Ф. Гаврилова справедливо утверждает, что «такого рода единства представляют собой аналитическое образование, один из элементов которого – местоимение – выполняет формальную роль, сигнализирует о синтаксической функции придаточного и указывает направление его зависимости; другой же элемент – придаточное передает реальное вещественное значение, т.е. налицо аналитизм в функционировании СПП. В результате и местоимение, и придаточное можно рассматривать как синтаксическое единство, не членимое в функционально-синтаксическом плане и занимающее одну синтаксическую позицию, как аналитическую форму придаточности» [2, 97]. Действительно, и указательному местоимению, и придаточному соответствует одна пропозиция. Принимая позицию ученого по вопросу об аналитизме как общем признаке предложений, составляющих ядро местоименно-соотносительных конструкций, мы рассматриваем СПП с соотносительным словом «такой» в выделенном ею типологическом ряду: предложения аналитического типа («вмещающие»); предложения фразеологического типа; предложения синкретичного типа с придаточными, совмещающими значение других разновидностей придаточных; предложения с обстоятельственным значением; предложения с временным пространственным значением.

С точки зрения структуры сложноподчиненного предложения соотносительные слова могут играть различную роль. Соотносительное слово может быть конструктивно необходимым для построения предложения и реализации его семантики. Например: *Прозрачность ночного воздуха была **такой**, **что** звезды, – казалось, их было больше, чем темных участков на небосводе, – заходили за горизонт не сразу, а как будто частями, по четвертям* (Т. Толстая. Изюм). Очевидно, что без соотносительного слова *такой* невозможно присоединение придаточного к главному, поскольку оно выполняет функцию именной части сказуемого. В других случаях соотносительное слово не обязательно, оно выполняет выделительную функцию в главном предложении, например: *Вид у Алены был **такой** довольный, как будто она первой контрольную по математике написала*. (Л. Улицкая. Ветряная оспа). Соотносительное слово *такой* можно опустить без ущерба для структуры и смысла предложения, однако в этом случае снижается уровень интенсивности всей конструкции и нейтрализуется сема ожидания некоторой пропозиции, которая обязательна при введении указательно-характеризующего местоимения.

Традиционно местоимения классифицируются по двум принципам – они распределяются на семантическом основании по лексико-грамматическим разрядам, а по грамматическим признакам их подразделяют на группы в зависимости от проявления у них семантико-синтаксической общности с другими частями речи.

Местоимение *такой* относится к разряду указательно-характеризующих, указательных дальних (в отличие от ближнего устаревшего *сякой*). Однако, как показывает анализ языкового материала, в речевом контексте его семантика может быть трансформирована, причем иногда, чаще во фразеологизированных сложноподчиненных предложениях местоименно-соотносительного типа, на первый план выдвигается сема сравнения, например: *Вот нет другой **такой** нации, **которая** стала бы лечить грипп, да еще при температуре под сорок, противным, сладким ромом*. (Т. Толстая. Легкие мифы). (см. – нет другой такой же, как эта).

В сложноподчиненном предложении местоименно-соотносительного типа местоимение *такой* играет роль соотносительного слова в главном предложении, причем его атрибутивная семантика способствует сочетаемости либо с союзным словом, выраженным относительным местоимением или местоименным наречием, либо с асемантическим союзом *что*. Относительные местоимения и местоименные наречия в функции союзного слова в сложноподчиненном предложении местоименно-соотносительного типа могут иметь разную семантику, обозначая качество (*какой*,

который), место (*где*), удаление (*откуда*), направления (*куда*), образ действия (*как*), время (*когда*) и др.

В определительных СПП обнаруживаются следующие особенности функционирования соотносительных местоимений:

1) *такой* может соответствовать определительно-качественному придаточному с союзным словом *такой* – *как*, где *такой* имеет интенсифицирующую функцию: *Да, их красота была именно такой, какую (=как) юный мечтатель, физически еще невинный, может без конца представлять себе в эротических сценах собственного сочинения* (Т. Толстая. Русский человек на randevу).

2) *такой* может соответствовать определительно-выделительным придаточным с *какой* или *который*: *Эта книга не столько для ученых, сколько для врачей такой специализации, которой пока еще нет...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

3) определительно-выделительные предложения могут характеризоваться синкретизмом значения: определительного и пространственного (со словом *где*): *После того, как ты его поймал, ты совершенно свободен, можешь сам собой распоряжаться, наняться, например, в такой дом, где любят котов, или поступить на государственную службу.* (Л. Улицкая. История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь);

4) иногда этот синкретизм может сочетаться с интенсифицирующей функцией местоимения *такой*: *Тамила... жила на стеклянной голубой горе с неприступными стенами, на такой высоте, откуда виден весь мир, до четырех столбов с надписями: «Юг», «Восток», «Север», «Запад»* (Т. Толстая. Свидание с птицей).

Таким образом, *такой* в определительных СПП может выполнять в одних случаях (вместе с придаточным) выделительную функцию, в других – интенсифицирующую, при этом придаточное приобретает оттенок следствия интенсификации признака или действия.

Как показал анализ языкового материала, отсутствует сочетаемость рассматриваемого указательно-характеризующего местоимения с относительными местоимениями со значением сущности *кто*, *что*, что объяснимо с точки зрения актуализации в главной части именно существительного или прилагательного, при этом валентность атрибутивного местоимения *такой* ограничивается этими частями речи, являющимися опорными словами для создания пропозиционального содержания придаточной части. Имена существительные, которые интенсифицируются за счет сочетаемости с указательным местоимением *такой*, могут обозначать отвлеченные действия, состояния, эмоции, их проявление или признаки, например: *И подняли такой крик, какого еще никто не слышал* (Л. Улицкая История про воробья Антверпена, кота Михеева, столетника Васю и сороконожку Марью Семеновну с семьей); *Таня хранила при этом выражение такой полной незаинтересованности, словно была девственницей или старухой* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Впервые описание категории интенсивности как выразителя экспрессивности текста представил в своей книге И.И. Туранский [6].

Категория интенсивности обуславливает специализацию значений грамматических форм, которая носит узуальный, а не индивидуально-авторский характер. Ее основная функция состоит в том, чтобы сделать оценку предметов и событий по шкале градуальности более убедительной и эмоциональной. Как справедливо отмечает Т.Л. Павленко, «употребление единиц, обращающих внимание на предельную, крайнюю степень проявления признаков, полноту охвата предметов, абсолютное отсутствие их или каких-либо свойств, становится главным принципом отбора материала для категории интенсивности, которая позволяет уточнить оценки, выразить сильные чувства» [5, 77].

Довольно часто интенсификация рассматриваемых синтаксических конструкций усиливается за счет семантики меры и степени, которая реализуется в ироническом контексте, при этом подобную сочетаемость с глаголом, обозначающим состояние, можно назвать аномативной, например: *Девушка дружила с молодым человеком; то есть даже до такой степени дружила, что подарила ему свитер* (Т. Толстая. Засужу, замучаю, как

Пол Пот – Кампучию). Сочетания *до такой степени, такой мощности, такой важности* определяют параметры представленной ситуации уже в главной части. Придаточная же часть раскрывает эти параметры: *Серго постоянно вызывал это видение, развивая его в разных интересных направлениях и разжигая в себе **огонь ревности такой мощности, что** вся грохочущая вокруг война, превратившаяся уже в обыденность, тонула в этом огне, как сухая травинка* (Л. Улицкая. Чужие дети).

В третьеличном нарративе достаточно часто используются средства выражения категорий интенсивности и эмотивности, в ряду которых особое место занимает сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа. Как отмечает С.В. Коростова, «в повествовании от 3-го лица, оценивая другого, персонажа, повествователь/рассказчик ориентируется прежде всего на внешние черты, делая свои умозаключения о его внутреннем мире, характере. Однако сама оценка другого чаще является интеллектуализованной, поскольку она всегда относится к плану прошлого, а воспоминания в той или иной степени нейтрализуют эмотивность, если они не включены в чужую речь, а являются достойным повествователя» [3, 35]. Автор художественного текста представляет эмоциональные состояния персонажей за счет лексического наполнения главной части местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений, в частности, метафорически осмысленных опорных существительных со значением эмоций, например: *Все эти часы, прошедшие с тех пор, как она вернулась от Казиева, она испытывала **такой пожар, такую нарастающую жажду, как будто** каждая клетка ее тела прожаривалась раскаленным ветром и только единственной влагой могла утолиться* (Л. Улицкая. Лялин дом). Заметим, что повтор указательного местоимения и сравнительный соотносительный союз, формирующий гипотетическую модальность, усиливают интенсификацию содержания рассматриваемой конструкции, реализуя ее прагматический потенциал.

Большую часть рассматриваемых конструкций (80 %) в языке современной художественной литературы составляют предложения, включающие указательно-характеризующее местоимение *такой* и соотносительные слова (союзы *что, будто, как будто, словно*) – именно эти единицы составляют центральный компонент функционально-семантического поля интенсивности. На периферии поля (20 %) оказываются местоименно-соотносительные предложения с союзными словами – местоименными наречиями и относительными местоимениями (*откуда, где, какой, который, чем и*). Такое положение определяется тем, что, как отмечает Г.Ф. Гаврилова, в самых разных типах сложноподчиненных предложений (как с придаточными местоименно-соотносительными меры и степени; так с определительными и другими, которые могут участвовать в выражении категории интенсивности) местоимения и местоименные наречия, приобретая под влиянием контекста сложного предложения значение градуальности, становятся компонентами структурной схемы предложения [1, 5].

Придаточное предложение в местоименно-соотносительных конструкциях можно оценить с точки зрения реализации определенной степени интенсивности и одновременно следующих частотных оттенков синтаксического значения: семантики следствия (причем представлены либо ментальные, либо физические действия); значение сравнения (как правило, сравнивается актуальное с виртуальным событием), например: *Зато сама Сусанна Борисовна была как вдовья королева: в лиловой одежде наподобие мантии, голова повязана фиолетовым шарфом в виде тюрбана, грим темный и **такой** уродливый, **что** заподозрить ее в кокетстве было никак невозможно* (Л. Улицкая. Зверь); *...Он сбивался со стихов на тяжкий, сырой, как еловьи дрова, верлибр или на ритмичную, заунывную прозу, и вместо чистого пламени из злокачественных строк валил **такой** белый удушливый дым, **что** Нина надсадно кашляла, махала руками и кричала, задыхаясь: «Да прекрати же ты сочинять!!!»* (Т. Толстая. Поэт и муза).

Местоименно-соотносительные конструкции со сравнительными союзами *будто, словно, точно* в художественном тексте имеют значение виртуальной причины,

воображаемой говорящим. Субъективность содержания таких предложений проявляется в их синонимичности конструкциям с субъективно модальным звеном *казалось*: *Вид у Миркаса был такой* (ужасный), (что казалось) *будто он только что старушку топором зарубил* (Л. Улицкая. Зверь). Как замечает Г.Ф. Гаврилова, двойная субъективность содержания данных конструкций способствует их особой эмоциональности [2, 93].

Большинство исследованных местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений с указательным местоимением *такой* принадлежат авторскому третьеличному повествованию, в перволичном нарративе и в речи персонажа такие конструкции встречаются реже, однако они, как правило, обладают способностью передавать эмоциональное состояние субъекта речи, что позволяет говорить об усилении интенсификации высказывания, например, в повествовании от 1-го лица: *Так пелось, такая томность, легкость такая вступила, такое согласие, крылья такие, будто и прокуренная избушка – не избушка, а поляна, будто вся природа голову подняла, обернулась, удивилась, рот разинула и слушает, а слезы у ей так и текут, так и текут!* (Т. Толстая. Кысь).

Нельзя не согласиться с утверждением Г.Ф. Гавриловой, что «интенсивность действия признака может быть максимальной, достигающей высшей точки на шкале градуальности. Наиболее высокая степень интенсивности выражается тогда, когда собственно синтаксические средства сложного предложения комбинируются с другими средствами выражения интенсификации: инверсией (которой в основном подвергается указательное слово, выделенное в качестве компонента с особой прагматической нагрузкой), использованием усилительных фразеологизмов (в основном – в придаточном), повторами, парцелляцией, употреблением синонимов и т.п.» [2, 92]. Действительно, в местоименно-соотносительных предложениях с указательным словом *такой* само местоимение сочетается с существительным или прилагательным, которые уже содержат семантический компонент интенсивности/деинтенсивности (см. *такой скандал, с такой важностью, такой мощности, такой пожар, такой довольный, такой уродливый, такой ветхий* и т.п.), и выполняет особую прагматическую функцию, актуализируя один из аспектов представленного события.

Интенсификация всего сложноподчиненного местоименно-соотносительного предложения происходит и за счет имплицитно выраженного усилительно-негативного содержания придаточного, актуализирующего исключительно высокую степень проявления признака, например: *Однажды приехал какой-то израильтянин польского происхождения, привез мне несколько сот долларов и для тебя игрушки, одежды, она узнала и такой скандал мне закатила, что я не знала, куда деваться* (Л. Улицкая. Пиковая дама); *На возвратном пути неполноценная девочка безмятежно спала, красавица мать прижимала к себе свою драгоценность с такой углубленной важностью, что Дмитрий напряженно думал, вполне ли поняла его жена весь невообразимый ужас происшедшего, и не решился ее об этом спросить* (Л. Улицкая. Дочь Бухары). В последнем примере содержание главной части контрастирует с негативной оценкой ситуации, представленной в придаточной, что усиливает интенсификацию конструкции в целом.

В современной прозе встречаются также СПП, построенные по схеме *такой – какой*, где *такой* – интенсификатор, а придаточное – актуализатор градуального аспекта его значения, причем именно в придаточном с отрицанием содержится указание на необычность, неординарность, неожиданность для говорящего высокой степени проявления действия или его признака: *И подняли такой крик, какого еще никто не слышал* (Л. Улицкая. История про воробья Антверпена, кота Михеева, столетника Васю и сороконожку Марию Семеновну с семьей). Подобные конструкции близки к фразеологизованным структурам, так как строятся по устойчивой схеме: в главной части – указательное слово-интенсификатор, в придаточной – соответствующее союзное слово и негативный предикат со значением субъективной оценки.

Представляют интерес конструкции, в которых местоимение *такой* указывает на признак, но при этом само значение не раскрывается в придаточной части, а репрезентируется в продолжении главного предложения, например: *Перед ней стоял ее*

муж Павел – не старьй и не молодой, а **ровно такой**, с **каким** она познакомилась, – сорокатрехлетний (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Подобные СПП, на наш взгляд, находятся на периферии поля интенсивности, поскольку интенсивность в них нейтрализуется за счет контекста, а именно – семантики вставного предложения, передающего дополнительную, а не основную информацию высказывания.

Исследование функционирования сложноподчиненных предложений с соотносительным словом *такой* в современной прозе позволило выделить конструкции с высокой степенью интенсивности и те, которые занимают нулевую позицию на шкале интенсивности, а также рассмотреть структурные элементы, которые участвуют в интенсификации высказывания: опорные слова-интенсивы, сочетающиеся с указательным местоимением в главной части, а также относительные местоимения определенной семантики, актуализирующие содержание придаточной части.

Таким образом, соотносительное слово *такой* в языке современной художественной литературы является одним из регулярных и продуктивных средств выражения категории интенсивности, а следовательно, и средств экспрессивности текста. При этом присутствует оно в современной литературе в самых разнообразных типах сочетаемости со словоформами и разновидностями придаточных.

Думается, что регулярность употребления СПП со словом *такой* – интенсификатором объясняется общей тенденцией современной актуализирующей прозы к сегментации высказываний. Данные же СПП характеризуются значительной паузой между главной частью (с повышением тона в конце) и придаточной (с понижением тона в ее последних словах).

1. Гаврилова Г.Ф. Категория интенсивности и средства ее выражения в сложноподчиненном предложении // *Единицы языка в коммуникативном аспекте: межвуз. сб. науч. тр., Ростов-на-Дону, 1993. С. 3–10.*
2. Гаврилова Г.Ф. Способы выражения категории интенсивности в сложном предложении // *Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2000. С. 87–97.*
3. Коростова С.В. Эмотивность как категория художественного текста // *ФИЛОЛОГОС. Выпуск 14 (3). Елец, 2012. С. 28–36.*
4. Лабзина С.В. Слова «так» и «такой» в современном русском языке – их синонимика и изофункциональность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
5. Павленко Т.Л. Категория интенсивности в современном русском языке // *Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2000. С. 76–87.*
6. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
7. Шмелева Т.В. Компоненты синтаксической связи // *Традиционное и новое в русской грамматике. М., 2001.*

Т.В. Федорова
T.V. Fyodorova

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ВЕЖЛИВОСТИ В СИТУАЦИИ УТЕШЕНИЯ

MEANS OF EXPRESSION OF SEMANTICS OF POLITENESS IN THE SITUATION OF CONSOLATION

В статье рассматривается семантика вежливости и способы ее репрезентации в ситуации утешения в современном русском языке. Речевое действие утешения, предписываемое правилами речевого этикета, напрямую связано с вежливостью – уважительным, доброжелательным отношением к партнеру по коммуникации. Анализ языкового материала, извлеченного из драматургических произведений русских писателей второй половины XX века, позволил выявить комплекс разноуровневых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), способных представлять указанное значение.

Ключевые слова: семантика, категория вежливости, ситуация утешения.

In the present article semantics of politeness and ways of its representation in the situation of consolation in modern Russian language are examined. A verbal action of consolation prescribed by the rules of speech etiquette is directly connected with politeness, which is respectful, benevolent attitude to partner in communication. The analysis of sound material extracted from dramaturgic works of Russian writers of the second half of the XX century let detect the complex of split-level means (morphological, syntactical, word-formative, lexical, combined) capable to represent the specified meaning.

Key words: semantics, category of politeness, situation of consolation.

Вступая в общение, люди не только обмениваются информацией, но и выражают различное отношение друг к другу – от подчеркнутого уважения до демонстративного неуважения. Все случаи проявления уважительного, доброжелательного отношения к партнеру по коммуникации объединяются понятием «вежливость». Как и многие другие явления реальной действительности, вежливость находит отражение в языке, при этом каждый язык обладает специфическим набором средств реализации данного значения. Задача предпринятого нами исследования заключается в выявлении языковых единиц, представляющих семантику вежливости в ситуации утешения в русском языке. Материалом для наблюдения послужили преимущественно тексты современной драматургии.

Русский социум, как отмечает А.О. Ханский, принадлежит к числу коллективистских, где «каждый член переносит все свои радости и печали на “мир”, а “мир” ведет себя по отношению к своему члену сообразно с теми обстоятельствами, в которых член социума оказался» [4, 127]. Поэтому сочувствие и утешение того, кто испытывает отрицательное эмоциональное состояние, является одной из отличительных черт национальной психологии русского народа [см.: 2] и предписывается правилами речевого поведения.

Утешение можно определить как попытку успокоить чем-нибудь радостным, облегчить кого-нибудь в горе, трудном положении. Семантическая структура данной ситуации такова: 1) говорящий понимает, что адресат находится в отрицательном эмоциональном состоянии; 2) говорящий желает уменьшить или устранить негативное эмоциональное состояние адресата; 3) говорящий произносит словесную формулу, принятую для этого, предполагая, что адресат способен подчиниться воздействию с его стороны. Например: */Бакченин/ В общем, нескладно у меня в личном отношении получилось. Потери, разлуки, разочарования... /Шаметова/ Ну, это дело поправимое, я думаю (В. Панова. Сколько лет, сколько зим!).*

В ситуации утешения иррелевантными оказываются такие прагматические координаты, как свой / чужой, старший / равный / подчиненный, авторитетный / неавторитетный, имеющий / не имеющий полномочия [см.: 3]. Тем не менее, данное речевое действие напрямую связано с проявлением вежливости, так как с его помощью говорящий-утешающий демонстрирует заинтересованность делами (состоянием) собеседника, проявляет сочувствие, сердечное отношение, доброжелательность, заботу по отношению к нему.

Как показывает материал, утешение является, как правило, реактивным речевым действием и следует за выражением слушающим своего негативного эмоционального состояния. В этом случае реплика-утешение уместна, так как инициатор диалога (адресат утешения), представляя открыто свое трудное положение, рассчитывает на понимание, сочувствие, ожидает утешения (см. пример выше).

Если же сочувствие или утешение не являются реакцией на «жалобы», то они могут выступить в не свойственной им функции: оказаться невежливыми, так как в этом случае утешающий, во-первых, лишний раз напоминает адресату о чем-либо негативном (что, возможно, слушающий желает забыть), а во-вторых, демонстрирует свою осведомленность о «неприятностях» собеседника (что не всегда приятно слушающему). В связи с этим показателен следующий пример (сочувствие, утешение человека, от которого недавно ушла жена): */Лариса/ Вам надо уехать, переменить обстановку, а то вы здесь совсем прогоркнете! /Антошин (вдруг разговорился)/ На работу ходить невозможно – все сочувствуют, от чистого сердца, я понимаю. Один говорит: пить начни, теперь все пьют; другой: заведи молоденькую, теперь все заводят; управляющий премию выписал – сто рублей, ни за что ни про что. <...> Мой лучший друг Бараиш – мы с ним десять лет за одной партией сидели – теперь под любым предлогом заходит или без предлога... (Э. Брагинский. Игра воображения).*

Полная модель языковой реализации утешения содержит два компонента: 1) побуждение (прямое или косвенное) слушающего к изменению эмоционального состояния и 2) аргументативное сообщение, подталкивающее адресата утешения к данному изменению и оправдывающее это побуждение. Возможна неполная реализация данной модели, когда один из ее компонентов опускается.

1. Собственно побуждение представляется, как правило, говорящим прямо (что объясняется нацеленностью каузируемого действия в пользу адресата) и обычно выражается:

а) отрицательными императивными формами несовершенного вида глаголов эмоционального состояния (*унывать, расстраиваться, волноваться, грустить, печалиться, переживать* и т.д.): */Сергей/ Что, не пишут из Ленинграда? /Виктор/ Нет.*

/Сергей (негромко)/ **Не расстраивайся**, Витюшка (А. Арбузов. Иркутская история); /Лаврухин/ ...Да, великое дело ему [Шурке] досталось. А тебе, Мишка Лаврухин, нет фортуны! /Люся (гладит его по плечу)/ **Не грустите**... А вдруг и вам что-нибудь перепадет... (А. Арбузов. Годы странствий); /Она/ Он смотрел, а не видел. /Он/ **Не огорчайтесь**. В конце концов мог быть у него тяжелый день? (Л. Зорин. Невидимки);

б) положительными императивными формами глаголов с семантикой прекращения действия (*прекрати, перестань, брось, успокойся* и т.д.): /Балясников/ ...Я вдруг почему-то никому не нужен. /Христофор/ **Успокойся**, Федя, и выпей чаю... (А. Арбузов); /Горенко/ Где ты, что ты теперь, Костя? /Олесов/ Кости Олесова нет. /Горенко/ Ну не надо. Ну **брось** ты это... (В. Панова. Еще не вечер);

в) фразеологизированными предложениями с указанной семантикой: /Амброзев/ ...Огнем горит!.. (Массирует бок.)... /Кижжакин/ **Не бери лишнего в голову**, мало ли... Аппендицит или еще чего... (О. Перекалин. Дым);

г) конструкциями 'не надо (не следует) + инфинитив', 'ты не должен + инфинитив', которые дополняют речевой акт утешения оттенком долженствования, делают его более убедительным, в первом случае происходит имперсонализация участников коммуникации: /Тетя Тася/ ...Ты плачешь?... (Подходит к Ольге.) **Не надо огорчаться**, мой друг. Миша вернется, а немцы проиграют войну. Они всегда их проигрывают (А. Арбузов. Годы странствий).

Элементы контекста, находящиеся при императивных конструкциях, дополняют утешение различными компонентами смысла. Так, пре- или постпозитивная безличная форма *не надо (не нужно)* делает утешение более интенсивным: /Волкова./ **Не грустите**, женщина, не надо! Вы чего?.. (А. Галин. Конкурс). То же можно отнести к употреблению в реплике-утешении местоимений **ты, вы**, которые, эксплицируя адресата, подчеркивают направленность действия на него, вносят в утешение оттенок дружественности: /Маргарита/ Господи! За что! За что?! /Наташа/ Мамочка, мама, вы не волнуйтесь! (В. Павлов. Десятый круг); /Дуся (тихо)/ Ты... ты не печалься, Танюша, не надо... (А. Арбузов. Таня).

Формулы, вводящие побуждение в ситуации просьбы (*прошу вас, умоляю вас* и под.), вносят в семантику утешения компонент 'личная заинтересованность говорящего в исполнении адресатом каузируемого действия', что делает утешение более участливым, сердечным: /Авенир Николаевич (с горечью, тете Саше)/ И он променял свою жену на это создание... Боже, как слепы бывают люди! /Вася (сконфуженно разводит руками и раскланивается с ним)/ Умоляю вас, не огорчайтесь (А. Арбузов. Мое загляденье).

Экспрессивный оборот *слышишь?* делает утешение более сильным и одновременно служит средством поддержания контакта между собеседниками, что повышает степень вежливости речевого акта (этот элемент служит как бы тестом на наличие контакта): /Коверга (подошел к Глебову)/ **Успокойся**, ну... слышишь? (А. Арбузов. Ночная исповедь). Сходным образом в данной речевой ситуации функционируют элементы контекста, содержащие сему положительного исхода (*ладно; хорошо*): /Мишка/ **Не унывай, ладно**... (А. Арбузов. Жестокие игры). Междометие *ну* (особенно повторяющееся) дополнительно выражает побуждение, внося в реплику-утешение оттенок уговаривания: /Кулеба/ **Будет, ну, парень, ну, будет**... (С. Злотников. Дурацкая жизнь).

Косвенное побуждение в ситуации утешения, как показывает материал, может представляться безличными утвердительными конструкциями 'Нельзя так', а также псевдовопросительными формулами 'Разве можно так?'; 'Зачем так?', с помощью которых говорящий-утешающий убеждает адресата в нерациональности его поведения, утешение представляется осторожным из-за имперсонализации участников общения: (Манечка плачет) /Ольга Ивановна/ ...Ах господи... **Нельзя так**, вы ребенка кормите! (В. Панова. Бессонница); /Катерина/ Горько мне, Коля. Все здесь мое вроде, а по правде – не мое, нет!.. /Ермаков/ **Ну зачем так**... А дети мои не твои разве?.. (Нежно погладил ее плечи.) Что ты, милая... (А. Арбузов. Ожидание).

2. Аргументативное сообщение, как отмечалось выше, должно подтолкнуть адресата утешения к выполнению каузируемого действия. Имеющийся материал позволил нам выделить в рамках данного компонента реализации утешения несколько семантических групп:

а) говорящий демонстрирует оптимизм относительно исхода неприятной ситуации, в которой оказался адресат, подчеркивает временный характер неприятностей. Представляют семантику довольно разнообразные конструкции, содержание которых противоречит опасениям, настроениям адресата, а также конвенциональные формулы *(все) (это) пройдет; (все) обойдется; все будет хорошо*, например: /Леля/ *Они погибли!.. <...> (тихо). Собаки вернулись, Ваня... /Жмельков/ У них же компас – им Белоус на дорогу дал. **Они вернуться** – вот увидишь (А. Арбузов. Город на заре); /Настя [отцу]/ *Приляг вот сюда – я тебе жакеточку под голову положу... /Алеша/ Не печальтесь, Настенька, **все обойдется** (А. Арбузов. Счастливые дни несчастливому человеку); /Алексей/ Да, я мужчина! И потому я плачу. /Семенова/ Ну, перестань. **Перестань**. (Обнимает сына за плечи.) Ты просто переутомился. **Нелады в семье. Это пройдет**... (Ю. Ломовцев. Пирамида Хеопса). Конструкция *это дело поправимое* семантически близка к рассматриваемым, однако если безличные конструкции указывают на естественный ход событий, то данная формула подразумевает активную роль одного из участников коммуникации в изменении ситуации: /Бакченин/ *...В общем, нескладно у меня в личном отношении получилось. Потери, разлуки, разочарования... Живу бобылем... /Шеметова/ Ну, **это дело поправимое**, я думаю (В. Панова. Сколько лет, сколько зим!);***

Нередко аргументативное сообщение дополняется компонентами *'(вот) увидишь'*, *'(я) уверен'*, которые делают утешение более убедительным, передают большую степень уверенности говорящего в положительном исходе ситуации, говорящий внушает оптимизм адресату: /Клоэтта/ *Пожалуйста, помоги мне сесть. Еще целых два месяца, а я начинаю почему-то трусить. Я часто просыпаюсь среди ночи с ощущением, что меня уже нет... и никогда не было. /Мартина (поглаживая ей руку)/ Ты у нас умница, **все будет хорошо, вот увидишь** (О. Перекалин. Заложники вечности); /Леонидик./ *Словом, исполнение всех желаний? /Лица (помедлила)/ Не всех... Не от нас зависит. /Леонидик./ Нет. **Все будет хорошо... Уверен** (А. Арбузов. Мой бедный Марат);**

б) говорящий старается приуменьшить величину неприятностей в глазах адресата. Причины, вызвавшие негативные эмоции у слушающего, он представляет как мелкие, ничтожные, не заслуживающие внимания, и поэтому поведение адресата, по его мнению, не оправдывается здравым смыслом. Реализуется семантика формулами *'Пустяки (Пустое)'; 'Какая чепуха'; 'Ерунда'; 'Не велика беда'; 'Горе небольшое'*: /Балясников/ *Христофор, это старость! Я вышел в тираж... Кончился как художник... /Христофор/ **Какая чепуха!** (А. Арбузов. Сказки старого Арбата); /Крестовников (тихо)/ Я совсем один. /Володя (весело)/ **Пустяки!** (А. Арбузов. Счастливые дни несчастливому человеку); /Ася/ *А вдруг с ним [с отцом] случилось что-нибудь? /Калерия/ Ничего не случилось, **глупости** (В. Панова. Еще не вечер); /Лена (всхлипывая)/ Запутали мы. /Алехина/ Ну, **горе небольшое** (А. Арбузов. Шестеро любимых).**

Иногда говорящий распространяет данные формулы указанием на то качество или свойство адресата, которое должно было бы «сдержать» возникновение у собеседника отрицательных эмоций, в этом случае утешение имеет вид противительной конструкции, указывающей на несоответствие поведения адресата его свойствам: /Манечка (плачет)/ *Я больше не могу ничего не знать, не могу, не могу. Его немцы замучили, он в плен попал, они его замучили... /Ольга Ивановна/ Манечка... Детка хорошая, ну перестань! **Такой молодец, и такие глупости**... (В. Панова. Бессонница).*

Семантически близкими к отмеченным являются экспрессивные формулы *'Подумаешь, какое несчастье (беда, горе)!'*, которые не только преуменьшают неприятности адресата, но и дополняют общее содержание речевого акта утешения семами *'насмешка', 'пренебрежение', 'недоверие'*: /Зина/ *Это не может быть! /Ельников/ Ну, а*

вдруг? /Зина/ Тогда, останетесь на вечные веки учителем. /Ельников/ Только и всего? /Зина/ **Подумаешь, какое несчастье!** Тысячи учителей живут, и ничего... (В. Панова. Бессонница) – в данном примере реплика-утешение сопровождается примером опыта других людей.

Формулы данной структурно-семантической группы характерны чаще всего для ситуации общения «своих», поскольку несут яркую отрицательную оценку состояния или причин состояния адресата, в противном случае они могут оказаться невежливыми, продемонстрировать недостаточно внимательное отношение говорящего к проблемам собеседника, его чувствам.

Более нейтральным и мягким представляется вариант ‘Зачем преувеличивать?’: /Пальчиков/ Беда, Боря. Просто беда. Еще никогда в жизни я не испытывал такой боли. /Шнейдер (неуверенно)/ **Ну зачем преувеличивать?..** (А. Арбузов. Вечерний свет). В данном случае говорящий менее категоричен в оценке неприятностей собеседника;

в) утешающий демонстрирует адресату выгоду от сложившихся таким образом обстоятельств (конструкции ‘скажите спасибо, что...’; ‘поблагодарите бога, что...’); передается следующий смысл: «это событие имеет положительные стороны»: /Ксения/ Нет. Главное: пускай ответит, почему я одна должна мучиться, за себя и за него... проклятого... /Любовь/ **Поблагодарите бога, что** вовремя избавил вас от такого человека. **Ведь человек-то ничтожный, Ксения!** (В. Панова. В старой Москве);

г) говорящий-утешающий призывает адресата смириться с событиями, так как тот не в силах что-либо изменить, даже при большом старании (конструкции ‘ничего не поделаешь’; ‘что делать’; ‘что (теперь) поделаешь’; ‘что уж теперь’; ‘ты ничего не мог сделать’; ‘ты сделал все, что мог’ и др.): /Олег Павлович/ ...Зашел на несколько минут – в кабинете порыться надо, а ночевать у родителей буду, скучают старики. /Кай/ **Что поделаешь, Олег Павлович** (А. Арбузов. Жестокие игры); /Родион/ Будь здоров, не поминай лихом, не приходи в отчаяние. **Что, брат, делать, я вот тоже, например, не тем занимаюсь...** (В. Панова. Бессонница).

В представлении указанной семантики могут участвовать крылатые выражения, пословицы и поговорки, например: «– Представляешь? – Наташа простирала руки к самому лицу Татьяны. – Взяла и подарила этой польской сволочи...»

У нее наворачивались на глаза злые слезы.

– Брось, отвечала Татьяна. – **Что упало, то пропало**» (В. Токарева. Перелом).

А.Г. Балакай справедливо подчеркивает ярко выраженную воздействующую функцию пословиц и поговорок, которая «обусловлена их социальной значимостью, авторитетом источника... В них – народная мудрость, внушающая надежду, спокойствие», что «делает пословицы эффективным средством речевого воздействия на собеседника, испытывающего эмоциональный стресс» [1, 43];

д) говорящий аргументирует утешение указанием на то, что ситуация не единична или типична ((это) бывает; случается; это сплошь и рядом и др.): /Илья (растерян)/ Ах ты... ну? Из-за всякой дряни плакать? Ты что, брат? Ты чего? Ничего... **Бывает!..** (Н. Павлова. Пятое время года) (в данном примере говорящий минимизирует неприятности еще и уничижением их виновника); /Христофор/ А мне не повезло. Весь день ждал, что со мной случится что-то необыкновенное. Не случилось... /Христофор/ **Это бывает** (А. Арбузов. Сказки старого Арбата); (Ксения громко рыдает.) /Хлебников/ ...Ну, ну... **То, что случилось с вами, случается каждый день** (В. Панова. В старой Москве).

Нередко, типизируя ситуацию, говорящий выражает солидарность с адресатом: /Дор/ Мне бы убить его, а я шмыг в сторонку, по привычке... Вот здесь, здесь вот я стоял перед ним и ненавидел. Его? Да. Но себя больше! За подлость мою, бессилие, шутловство. /Анна/ Не горюй. **Мы все такие** (А. Арбузов. 12-ый час); /Гаврилова/ Ты не горюй, **все мы этим кончаем.** Как ни вертись (А. Арбузов. Домик на окраине);

е) утешающий демонстрирует заботу о партнере по коммуникации, указывая на то, что состояние, в котором находится адресат, может повредить ему в будущем: /Таня/ Кому я

тут нужна? (Тихо.) Неудачница... /Игнатов/ ...Падать духом оттого, что вам не дано вылечивать всех! **Разве это поможет вам завтра, когда вы отправитесь в очередной рейс?** (А. Арбузов. Таня);

ж) говорящий подчеркивает то качество или свойство адресата, которое позволит ему сохранить выдержку в трудной ситуации: /Мишка/ **А я и так почти все забыл. Как встретил тебя. Как с ума сходил. И ты тогда какая была. Одно теперь помню – как прощаемся. /Маши (провела рукой по его волосам)/ Не в пору тебе плакаться, Мишечкин. Ты у нас железный молодец** (А. Арбузов. Жестокие игры).

Таким образом, семантика вежливости в ситуации утешения реализуется системой разноуровневых языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, комбинированных).

1. Балакай А.Г. Пословицы и поговорки как формы утешения собеседника в русском речевом этикете // Проблемы речевого воздействия. Вып. 1: Речевые цели и средства их реализации. Ростов-на-Дону, 1996. С. 43–44.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 73–94.
4. Ханский А.О. Социокультурный фактор в изучении диалога утешения // Филология и культура: Тезисы II-ой Международной конференции: в 3-х частях. Ч. II. Тамбов, 1999. С. 126–127.

Г.Д. Фигуровская
G.D. Figurovskaya

**КОНКРЕТИЗИРУЮЩИЕ КОНСТРУКЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ОПИСАНИЯ,
ФУНКЦИИ В РЕЧИ (часть первая)**

**SPECIFYING CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN
LANGUAGE: THE PROBLEMS OF THEIR DESCRIPTION,
FUNCTIONS IN SPEECH (part one)**

В статье уточняется термин «конкретизация», рассматриваются проблемы отграничения отношений конкретизации, которые представляют собой раскрытие или детализацию того, что называется определяемым компонентом, словесное представление абстрактного, указательного обозначения предметов, явлений, признаков, от отношений пояснения и уточнения, отмечаются противоречия в трактовке конструкций с отношениями конкретизации, выраженными разными способами. Ставится задача системного представления конкретизирующих конструкций на основе анализа их функций в речи.

***Ключевые слова:** синтаксические отношения конкретизации, пояснения, уточнения, метаслова, текст.*

This paper specifies the term «concretization», addresses the problems of delimiting concretization relations that represent the disclosure or detail of what is called the defining component. We also touch upon verbal representation of abstract, the indicating designation of objects, phenomena, signs of relationship of explanations and clarifications. We note contradictions in interpretation of constructions with concretization relations which are conveyed in different ways. We put forward the goal of systematic notion of specifying constructions based on the analysis of their functions in speech.

***Key words:** syntactic relations of specification, explanation, amplification, meta-words, text.*

Значение конкретизации, как правило, не выделяется в качестве самостоятельного при рассмотрении отношений в простом и сложном предложении. Термин «конкретизация» используется в качестве синонима термина «пояснение», или относится к видам пояснения ([3; 17, 339; 15; 7, 112; 1, 8; 12] и др.), или синонимичен термину «уточнение» ([14, 216; 8, 9] и др.). Встречается и толкование данных слов через одно и то же понятие, ср. толкование терминов *пояснение* и *уточняющий* через понятие детализации в [3]. Поэтому первой

проблемой в сфере описания конкретизирующих отношений является их определение и отграничение от смежных понятий.

Синонимичное употребление терминов, конечно, не случайно: общим для всех этих отношений является отнесенность определяемого и определяющего компонентов конструкции к одному и тому же денотату (референту), ср.: *Первая коллекция называлась La Perla (то есть «жемчужина») — это купальники-бикини, украшенные полудрагоценными камнями и натуральным жемчугом* [Анна Карабаш. *La perla, или мало ли что?* (2002) // «Домовой», 2002.06.04] – пояснение; *В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина* [И.С. Тургенев. *Ася* (1858)] – конкретизация; *На берегу Сены, под Парижем, они отыскивали шестиметровую лодку, выдолбленную из дуба, — точнее говоря, ее обломки* [Лодку спасла радиация // «Знание – сила», 2003] – собственно уточнение, или уточнение-поправка. Однако различны функции зависимых компонентов и средства их присоединения. Под конкретизацией мы понимаем раскрытие или детализацию того, что называется определяемым компонентом, словесное представление абстрактного, указательного обозначения предметов, явлений, признаков. Основной, наиболее общий выразитель этого отношения – союз *а именно* и – чаще – специфическая предупредительная интонация в бессоюзных конструкциях, синонимичных конструкциям с *а именно*. Пояснение мы определяем как синтаксическое отношение, направленное на истолкование значения или смысла определяемого компонента, главным средством выражения этого значения является союз *то есть*. Уточнение, с нашей точки зрения, – это синтаксическое отношение, состоящее в более точном, по мнению говорящего, обозначении уже обозначенного в определяемом компоненте явления, собственно уточнение – это уточнение-поправка, средства выражения этого значения – вводные слова *точнее, вернее*, которые в настоящее время рассматривают, в связи с возросшим интересом к отражению человеческого фактора в языке, среди метатекстовых, метакоммуникативных средств языка, ср., например [5]. В дефиниции данных значений мы опираемся на толкования данных слов в словарях как на определение внутренней формы терминов (см., например, [11]). Таким образом, отношения конкретизации направлены на раскрытие экстенционала того, на что указывает конкретизируемый компонент, отношения пояснения – на раскрытие интенционала (ср. [9]), а отношения уточнения-поправки, а также уточнения-подтверждения (с частицей *именно*) и отношения инонаименования (с вводными словами *иначе, иначе говоря*), которые обычно не выделяются в самостоятельный тип (например, частично рассматриваются среди приложений), обращены к обозначению, именованию предметов и явлений действительности.

Сходство рассматриваемых отношений проявляется и в том, что средства их выражения могут взаимозаменяться, однако каждое из отношений имеет собственное специальное средство, составляющее ядро в полевого представлении конструкций; взаимозамена средств при внимательном рассмотрении на фоне всего массива конструкций выявляет не только сходства, но и различия (эти наблюдения не позволяют продемонстрировать рамки статьи, отметим только, что возможность употребления союза *то есть* вместо *а именно* объясняется следами внутренней формы этого союза: *то* – подлежащее, *есть* – бытийный глагол).

Вторая задача – определить особенности конструкций с конкретизирующими отношениями, характер конкретизируемого и конкретизирующего компонентов.

Конкретизируемый компонент с точки зрения лексического значения, содержания предполагает или допускает раскрытие, презентацию. Многочисленные частные разновидности способов выражения конкретизируемых компонентов можно объединить в несколько групп: 1) компоненты, представляющие собой обобщенное указание на денотат (кванторы всеобщности): *все, всё, всюду, всегда; всякое, всякий* + сущ.; *никто, ничто, нигде, никакой* + существительное и т.д.; *что (бы) ни, где (бы) ни* и под.; 2) компоненты, представляющие собой неопределенное указание на денотат: *кто-то, кто-нибудь, кое-кто* и т.п.; *некоторые* (+ сущ.), *несколько* + сущ.; *много / многие* + сущ.; *разные* + сущ. и под.;

3) компоненты, выраженные количественными числительными в сочетании с существительными (2 вопроса и т.п.); 4) компоненты с собственно указательным обозначением денотата (референта): *это, этот* + сущ., *такое, такой* + сущ.; *так* + глагол / прилагательное; *следующим образом; третье, последнее; другое, иное* (+ сущ.), *по-другому, иначе; одно, один из* + сущ.; *тот, кто; там, где* (фрагменты местоименно-соотносительных СПП, в том числе и осложненные частицей *же*: *то же, что и* и т.п.); *такой (же)* (+ сущ.), *так (же), таким (же) образом* и мн. под.; 5) компоненты – вопросительные местоимения и местоименные наречия и словосочетания с ними: *каким образом* и под., в том числе и в составе косвенных вопросов; 6) родовые наименования (их можно относить к метасловам в широком понимании); 7) метаслова в узком понимании – слова, называющие и интерпретирующие синтаксические отношения, обладающие высшей степенью абстракции, т.е. такие, которые не охватываются более широким родовым наименованием: *причина, цель, условие, похожий, подобный* и т.п., и сочетания этих слов с местоимениями и прилагательными: *эта причина, такое свойство, каждое (простое) явление* и т.п.; 8) в качестве конкретизируемого компонента может выступать метафорическое обозначение референта, особенно окказиональное; оценочные обозначения: *Среди зала на постаменте возвышалась мраморная загадка – обнаженная женщина с отбитыми руками* (Пауст.); *странное название, чудесный вид; главное, самое важное* и т.п.; 9) конкретизируемым компонентом могут выступать знаменательные слова, не прогнозирующие своим лексическим значением возможность раскрытия, но раскрываемые исключительно из потребности говорящего представить интересующее его явление: *Пахло степью – горькими травами, сухой полынью, чабрецом* (Пауст.). Из данного перечня видно, что в подавляющем большинстве случаев отношения конкретизации, а не пояснения и др., определяют характер конкретизируемого компонента.

Хотя почти все группы слов предполагают возможность раскрытия или детализации, она, однако, далеко не всегда имеет место, иногда в контексте сообщается об отказе конкретизировать сказанное или о незнании конкретизирующего: – *А почему вы не пришли сегодня к Погонкину?* – *По весьма дурацкой причине.* – *А именно?* – *А именно – не скажу, ибо не уверен, что это не тайна* [И.Н. Потапенко. Секретарь Его Превосходительства (1891)]; – *Вы Снегового Арнольда Павловича знаете? Малянова этот вопрос врасплох не застал. Почему-то – ему и самому было неясно почему – он так и ожидал, что спрашивать его будут сейчас либо про Вальку Вайнгартена, либо про Арнольда Пальча* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)].

Обратим внимание на использование вопроса *А именно?* в живых диалогах (см. пример выше). Это хорошо согласуется с использованием его при анализе данных отношений в практике преподавания языка и является одним из аргументов в пользу использования вопросов вообще.

С точки зрения соотношения с единицами языка конкретизируемый компонент может быть выражен не только словом и словосочетанием, но и фрагментами СПП с местоименно-соотносительной связью: *То, что стало камнем преткновения в прошлом году – а именно концерт, который, по условиям вручения премии, должен сыграть лауреат, – ныне состоялось.* [Роман с виолончелью (2002) // «Культура», 2002.04.01]; *Все излишние калории скапливались там, где им и положено, а именно в животе, мячик которого Погосян называл комком нервов.* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)].

Материал показывает, насколько широк и разнообразен круг способов выражения конкретизируемого компонента. Это обеспечивает чрезвычайную распространенность конкретизирующих конструкций в речи.

Значение конкретизации, а не какое-либо другое значение поддерживается или обнаруживается в результате соотношения конкретизируемого компонента с конкретизирующим. Конкретизирующий компонент может быть выражен 1) рядом однородных членов предложения; 2) одним словом или словосочетанием; 3) специальными

конструкциями полной конкретизации: *от + Род. до + Род., начиная с + Род. и кончая + Тв.*; 4) инфинитивным оборотом; 5) односубъектными предложениями со сказуемым, обычно распространенным членами предложения; 6) предикативной единицей в составе БСП, а также в СП с союзом *а именно* или с объединением *а именно (то) что*; 7) самостоятельным предложением в тексте и фрагментом текста (сложным синтаксическим целым). В каждом из этих способов раскрытия обнаруживаются особенности, допускающие разную трактовку конструкции целиком и разное место в классификациях синтаксических единиц.

Конструкции, в которых конкретизируемый компонент раскрывается рядом однородных членов предложения, рассматриваются среди последних. При этом обычно утверждается, что обобщающие слова выполняют в предложении функцию тех же членов, что и перечисляющиеся однородные. На этом основании данные конструкции выведены из состава всех остальных конкретизирующих конструкций, в частности, они отграничены от тех, в которых конкретизирующий компонент выражен словом или словосочетанием. Данная трактовка противоречит другому утверждению – об уточняющей или пояснительной функции ряда и возможности подстановки союзов *а именно, то есть*, а также *например* (см., например, учебную литературу по синтаксису русского языка). Если отношения конкретизации выражаются одним словом (словосочетанием), относящимся к имени, то они рассматриваются среди приложений («он, Бровкин...») наряду с «он, бессребреник...»); если же конкретизирующее слово или словосочетание относится к членам предложения, выраженным другими частями речи, то они рассматриваются как уточняющие («там, наверху...»), и так же, как уточняющие, они рассматриваются, если относятся к именам и именным словосочетаниям с обстоятельственными функциями («на другой день, рано утром»). В результате сходные по характеру отношений конструкции разобщаются. Возникают и другие противоречия. Так, при наличии союза *а именно* конструкция должна быть рассмотрена как конкретизирующая (пояснительная – в более распространенной терминологии), а без союза – как уточняющий член предложения: *Грабеж Крецатики из-за этих войск начался не сразу, а позднее, а именно ночью, когда стало ясно, что войска заняты лишь своим устройством.* [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965–1970)]. Ср.: «позднее, ночью». По-разному должны быть рассмотрены и конструкции с одним и тем же конкретизируемым компонентом, но раскрытые рядом однородных членов предложения и одним членом предложения: «где-то: не то справа, не то слева» и «где-то, кажется, слева». Во всяком случае, недостаточно раскрыто само понятие обобщающего слова, в частности, может ли оно быть выражено неопределенным местоимением. В таких случаях, на наш взгляд, следует использовать подстановку синонимичного союзного средства или толкование конструкции. Так, «он, Бровкин...» синонимично «он, а именно Бровкин», а «он, бессребреник...» не допускает данного союза, но допускает толкование: «Он характеризуется тем, что он бессребреник». Различий в отношениях между конструкциями с конкретизирующим рядом и с конкретизирующим словом, нет.

По-разному рассматриваются и предложения, в которых к конкретизируемому присоединяются компоненты с вводными словами и частицами *в частности, особенно, например, главным образом, в том числе, кроме, за исключением* и мн. др.: *Роса стекает с мезонина на крышу заколоченной терраски, и, кроме равномерного звона капель, ничего больше не слышно в густеющем сумраке вечера* [Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века (1956)]; *Мастерство его портретов, особенно портрета Хвостовых, достигает как бы предела человеческих возможностей* [Паустовский. Орест Кипренский (1936)]. Такие предложения относят обычно к предложениям с обособленными выделительными, присоединительными членами предложения, семантику их определяют только по характеру зависимого члена. На наш взгляд, эти предложения составляют класс предложений с отношениями частичной конкретизации, так как они относятся к словам, допускающим раскрытие экстенционала, но раскрывают его частично, выделяя исключение, включение, особенное, пример (ср., например, к примеру) и мн. др., причем потенциально

весь конкретизирующий ряд может быть представлен. Ср. отнесение их к уточняющим членам предложения В.В. Бабайцевой [4, 176]. Именно на основании наличия данного класса предложения с союзом *а именно* и синонимичные им бессоюзные мы характеризуем как предложения с отношениями полной конкретизации.

Предложения с инфинитивными оборотами и односубъектные предложения интересны тем, что являются переходными между простыми и сложными предложениями:

Что нужно сделать в городе в интересах молодежи? На первом месте здесь стоят более насущные проблемы, чем досуг, а именно: создавать престижные рабочие места; строить большие жилья; расширить возможности получения качественного образования; создавать условия для занятий спортом и художественным творчеством; создавать условия для развлечения молодежи; улучшить медицинское обслуживание... [Елена Маслова. Дела молодежные (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.06.25]; *Обычно, когда я втягивался в работу, я дичал: избегал людей, бродил сам по себе, вставал в два часа ночи и писал при коптилке, боясь, что Володя Головчинер проснется и тогда мне не избежать ненужных расспросов.* [Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958)].

В этом же плане интересны и предложения, в которых вторая часть присоединяется к конкретизируемому компоненту местоимением *это* или сочетанием *этот* + существительное: *Среди многих свойств таланта есть одно, которое совершенно покоряет нас, когда проявляется у людей пожилых, проживших большую и очень трудную жизнь. Эта черта – ребячливость* (Пауст.). Ср.: «Среди многих свойств таланта есть одно, которое совершенно покоряет нас, когда проявляется у людей пожилых, проживших большую и очень трудную жизнь, – **ребячливость**». Местоименный повтор в таких предложениях служит средством актуализации конкретизирующего компонента, это, по сути дела, квазисложное предложение, несмотря даже на то, что оно стоит после точки. Такие актуализирующие конструкции должны быть учтены при рассмотрении разных отношений: пояснительных, характеризующих, квалифицирующих и др.

Бессоюзные предложения с отношениями конкретизации (или в другой терминологии) выделены во всех классификациях, однако не показана аналогия отношений в СП и в простом. В большинстве синтаксических трудов признается аналогия однородных членов предложения и сложносочиненных предложений, в работах логико-грамматического направления утверждается и аналогия членов предложения и придаточных (в структурно-семантическом направлении, как известно, последнее положение подвергается критике). Аналогия между отношениями конкретизации в простом и сложном предложении обычно не отмечается, не говорится о ней и применительно к единицам текста. Так, в предложениях с обобщающим словом при однородных членах предложения усматриваются конкретизирующие (пояснительные) отношения, а в БСП эти отношения могут трактоваться иначе, так, Н.С. Валгина усматривает и при словах *так*, и при *вот что* разъяснительно-атрибутивные значения [6, 364]. При анализе ССЦ с начальным предложением *Идя по основным указанным Вами пунктам, я могу сказать о Салтыкове следующее* отношения, исходящие от него, определяются как обобщение и конкретизация [6, 395]. Налицо разноречивость в терминологии и в трактовке отношений. Между тем аналогия отношений на разных синтаксических уровнях – одно из главных положений синтаксиса целого текста, отстаиваемого И.А. Фигуровским [18], – очевидна. Отношения конкретизации в тексте между предложениями и сложными синтаксическими целыми недостаточно изучены. На всех синтаксических уровнях конкретизируемые компоненты одинаковы (различна может быть их частотность), одинаковы средства связи, а также равным образом при бессоюзии во всех случаях может быть использован вопрос *А именно?* (подчеркнем еще раз, что этот вопрос не только прием обучения, но и вопрос, распространенный в речи) и в большинстве случаев допустим союз *а именно*.

Обилие и разнообразие конструкций с отношениями конкретизации обуславливает проблему их представления в синтаксической системе русского языка. Прояснению этого

вопроса служит изучение системных связей и функций конкретизирующих конструкций в речи (см. след. статью).

1. Артамонов В.Н. Осложнение простого предложения посредством выделительно-сопоставительных оборотов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2001.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
4. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
5. Белова В.М. Функционально-семантические особенности дискурсивных слов в жанре мемуаров // URL: http://textlinguistics.ucoz.ru/publ/v_m_belova_funkcionalno_semanticheskie_osobennosti_diskursivnykh_slov_v_zhanre_memuarov/1-1-0-3.
6. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. Изд.2-е. М., 1978.
7. Карамышева С.Н. Семантика: обособленные члены предложения // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции / Московский гос. открытый пед. ун-т. Т. 2. М., 1998. С. 110–115.
8. Клеменова Е.Н. Ограничительно-выделительные детерминанты в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
9. Лебедева Л.Б. Референциальные критерии в типологии высказываний // ВЯ. 1991. № 6. С.51–63.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 04.04.2014).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2006. – СОШ.
12. Прияткина А.Ф. Союзные связи в простом предложении: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Владивосток, 2005.
13. Сенченкова Е.В. Доминанты в сочинительной конструкции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008.
14. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения: учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М., 1979.
15. Смоленская Т.М. Семантические особенности и синтаксическая роль пояснительных союзов и их функциональных аналогов в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1986.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 4-е изд. М., 1934.
17. Уханов Г.П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 336–342.
18. Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архангельская Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (Тула). E-mail: archangelju@yandex.ru

Бахметьева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж). E-mail: irbakh@mail.ru

Борисова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: uaz3153@rambler.ru

Воложанина Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (Москва). E-mail: sweetbox@bk.ru

Воронова Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань). E-mail: voljudmila@yandex.ru

Высоцкая Саломея Сергеевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Донецкого национального университета (Донецк, Украина). E-mail: sananda_wysocki@mail.ru

Гриченко Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: ggrichenko@yandex.ru

Дубровина Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: dubr5@yandex.ru

Киреева Елена Закировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (Тула). E-mail: L89107032507@yandex.ru

Колупанова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Липецкого государственного педагогического университета (Липецк). kolupanova-tatjana@rambler.ru

Курносова Ирина Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: kur_im@mail.ru

Паикуров Алексей Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань). E-mail: apr.72@mail.ru

Подоксенов Александр Модестович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: podoksenov2006@rambler.ru

Полякова Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: tpolyakova1@yandex.ru

Пузыренко Марина Васильевна – соискатель кафедры русского языка и культуры речи Института водного транспорта имени Г.Я. Седова (Ростов-на-Дону). E-mail: marishkadesember1988@rambler.ru.

Федорова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск). E-mail: fedorova0808@yandex.ru

Фигуровская Галина Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: figurovskaya.g.d@yandex.ru

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОЛОГОС» учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина. Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.).

Журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами.

Требования к публикациям

1. Текст публикации присылается в готовом для печати виде электронной почтой по адресу: filologos07@mail.ru (ответственному секретарю Ирине Михайловне Курносовой). Сопровождающие текст публикации материалы присылаются на имя И.М. Курносой по адресу: 399770, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28.

2. К тексту публикации прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты).

3. Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Требования к оформлению статей

1. Объем статьи: 14 000 – 18 000 знаков с пробелами. Редактор – Word. Основной текст – Times New Roman 10. Постраничные примечания – Times New Roman 10. Абзац (отступ) – 1. Интервал – 1. Поля: верхнее – 2,5; нижнее – 6; левое, правое – 3,5.

2. В верхнем правом углу полужирным курсивом (Times New Roman 12) – инициалы и фамилия автора статьи на русском и английском языках; через интервал название – выравнивание по левому краю, заглавными буквами, полужирным шрифтом, Times New Roman 12 – на русском и английском языках; через интервал аннотация на русском и английском языках (500–600 знаков с пробелами) – по ширине страницы без абзаца (отступа), Times New Roman 10, курсив; словосочетание «ключевые слова» и «key words» – полужирным курсивом без абзаца, Times New Roman 10, без интервала между ними и аннотацией, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5-6) – Times New Roman 10, курсив; далее через интервал – основной текст.

3. После основного текста через 1 интервал следует список литературы (Times New Roman 9, курсив) без обозначения «список литературы». Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

1. *Анри Корбэн. Световой человек в иранском суфизме. URL: <http://persian.sufism.ru/korben.htm> (дата обращения: 23.08.2011).*

2. *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.*

3. *Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. М., 1968. Т. 3.*

4. Смирнов В.А. *Достоевский // Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века)*. Иваново, 2001. С. 112–161.

Указания на источник в тексте – [1, т. 6, 18]: первая цифра – номер источника, вторая – тома, третья – страницы; [2, 45]: первая цифра – номер источника, вторая – страницы.

Условия рецензирования рукописи

1. Соответствие представляемых в редколлегию материалов научному профилю журнала.

2. Соблюдение автором правил подачи рукописи в редколлегию и ее оформления.

3. Наличие сопроводительных документов: а) выписки из протокола заседания кафедры или отдела, где работает автор, о рекомендации его рукописи к печати; б) развернутого внешнего отзыва об авторской рукописи, в котором высказывается аргументированное мнение о профессиональном качестве авторской рукописи; для аспирантов и соискателей – отзыв научного руководителя или консультанта.

Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью.

При нарушении этих условий редколлегия имеет право отказать автору в рецензировании его рукописи.

Правила рецензирования рукописи

1. Редколлегия по своему усмотрению вправе провести собственное внешнее рецензирование авторской рукописи специалистами в соответствующей области филологии. Рецензия призвана обсудить актуальность научной проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения и т.п.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер.

2. По поручению главного редактора один из членов редколлегии (по необходимости несколько) знакомится с авторской рукописью, всеми сопроводительными материалами, а также с организованной редколлегией независимой внешней рецензией (при ее наличии), и дает письменное обоснованное заключение о рукописи с рекомендацией (или не рекомендацией) ее к печати.

3. Окончательное суждение об авторской рукописи выносится на очередном заседании редколлегии на основе всех имеющихся о ней отзывов.

О положительном или отрицательном решении редколлегии своевременно сообщается ее автору. Отклоненная рукопись автору не возвращается. Автор имеет право на ознакомление с отзывом внешнего (редакционного) рецензента и заключением члена редколлегии. Копии рецензии и заключения высылаются автору по его письменному запросу без подписей, фамилий и других сведений о рецензенте и члене редколлегии, составившем заключение о статье.

4. В случае редакционного решения о доработке рукописи в соответствии со сделанными рецензентом и членом редколлегии замечаниями и пожеланиями она возвращается автору с копиями отзывов на нее без указания фамилии рецензента и члена редколлегии.

Главный редактор вправе вернуть автору его рукопись на доработку после ее независимого внешнего рецензирования при условии необходимости внести в ее текст незначительные изменения.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Новый вариант авторской рукописи должен быть представлен в редколлегию в текстовой и электронной версиях в полном соответствии с требованиями их подачи и оформления. К тексту рукописи прилагается авторская справка с перечнем внесенных в него поправок.

После доработки авторская рукопись проходит повторную экспертизу, которая проводится либо независимым внешним рецензентом, либо членом редколлегии, либо главным редактором.

Обсуждение нового варианта рукописи происходит на очередном заседании редколлегии с принятием коллективного решения о целесообразности или нецелесообразности ее публикации в научном журнале.

5. Любые коллективные решения относительно авторской рукописи оформляются протоколом заседания редколлегии.

6. Главный редактор имеет ответственное право на самостоятельное решение судьбы авторской рукописи.

7. Копии текста статьи и сопутствующих документов с указанием фамилии, должности и места работы всех участников ее рецензирования могут быть предоставлены по запросу ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Финансовая ответственность авторов

1. Все авторы оплачивают рецензирование, публикацию материалов и журнальную подписку. С аспирантов плата за публикацию не взимается. При отрицательной рецензии автору направляется мотивированный отказ.

Плата за публикацию материалов производится после редакционного решения об их включении в один из очередных выпусков журнала.

2. Каждый автор обязан оформить подписку «ФИЛОЛОГОС» на тот выпуск, в котором публикуется его статья. Факт подписки должен быть засвидетельствован копией соответствующей почтовой квитанции, присланной в адрес редколлегии.

Подписной индекс журнала «ФИЛОЛОГОС» – 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация».

Авторские права

Авторы передают Издательству журнала – Елецкому государственному университету им. И.А. Бунина – авторские права на публикацию в печатном издании и в сети Интернет.

Полнотекстовые версии выпусков журнала можно найти в свободном доступе в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru не позднее, чем через год после выхода журнала.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.
E-mail: filologos07@mail.ru.

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

Более подробная информация – на сайте редакции: www.elsu.ru/filologos.

Научный журнал

ФИЛОЛОГОС

Выпуск 21 (2)

Технический редактор — Н. П. Безногих

Техническое исполнение — В. М. Гришин

Дизайн обложки — Б. П. Иванюк

Подписано в печать 25.05.2014

Дата выхода в свет 10.06.2014

Формат 70 x 108/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная

Усл.-печ.л. 6,5. Уч.-изд.л. 6,7

Тираж 500 экз. Заказ № 42

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

E-mail: filologos07@mail.ru

Сайт редколлегии: www.elsu.ru/filologos

Подписной индекс журнала «ФИЛОЛОГОС» — 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28